

М.Б. Буланова

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва
2011

УДК 378:316
ББК 60.5
Б 90

Рецензент
Романовский Н.В., доктор исторических наук, профессор

Художник *Валерий Хотеев*

ISBN 978-5-7281-1263-1

© Буланова М.Б., 2011
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Концептуальный анализ истории социологического образования в России	7
Раздел 1. Социологическое просвещение как предтеча социологического образования	
1.1. Первые шаги социологического просвещения	15
1.2. Теоретические модели социологического просвещения	26
1.3. Апробация просветительских моделей в деятельности Высшей русской школы общественных наук в Париже	37
Раздел 2. Социологическое образование в начале XX века	
2.1. Характеристика социальной реальности начала XX века	49
2.2. Позитивистская модель социологического образования	56
2.3. Опыт социологического образования на первой кафедре социологии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева	62
Раздел 3. Социологическое образование в первые годы Советской власти	
3.1. Начало систематического социологического образования в России	78
3.2. Неопозитивистская модель социологического образования	81
3.3. Опыт реализации неопозитивистской модели на факультетах общественных наук российских университетов	95
Раздел 4. Эволюция социологического образования от позитивизма к марксизму	
4.1. Советская реальность начала 1920-х годов	118
4.2. Марксистская модель социологического образования	120
4.3. Деятельность вузовских кафедр общественных наук: поиск оптимальной модели	135

Раздел 5. Латентное развитие социологического образования в период строительства социализма	
5.1. Советские реалии начала 1930-х годов	147
5.2. Адаптация марксистской модели социологического образования	150
5.3. Опыт реализации марксистской модели в советской высшей школе	160
Раздел 6. Социологическое образование в русском зарубежье	
6.1. Социальная реальность русского зарубежья	166
6.2. Русская модель социологического образования	173
6.3. Опыт реализации русской модели в европейских и американских университетах	181
Раздел 7. Институционализация социологического образования в советской России	
7.1. Причины и истоки возрождения социологии	195
7.2. Модернизация марксистской модели социологического образования	198
7.3. Опыт реализации марксистской модели в российских университетах	208
Раздел 8. Социологическое образование в постсоветской России	
8.1. Социальная реальность: вызовы перестройки	220
8.2. Поиск новых моделей социологического образования	223
8.3. Первый опыт апробации новых моделей в российских вузах	238
Раздел 9. Современное состояние социологического образования	
9.1. Российская реальность начала XXI века	251
9.2. Модернизация моделей социологического образования	253
9.3. Опыт реализации моделей в деятельности высшей школы	265
Заключение. Перспективы социологического образования в России в XXI веке	277
Литература	283

Введение

Концептуальный анализ истории социологического образования в России

Предлагаемая монография представляет собой историко-социологическое исследование становления и развития социологического образования в России.

В настоящее время в социологическом сообществе актуализировались проблемы, связанные с изучением истории российской социологии. С одной стороны, это вызвано общей потребностью российского общества превратить прошлое в оберегаемое и приспособляемое к нуждам современности наследие. С другой стороны, среди исследователей истории социологии сложилось устойчивое мнение о вторичности, запаздывании российской социологии по отношению к мировой (западной) традиции. Это суждение распространяется и на историю российского социологического образования. Вместе с тем в данном отношении скорее следует говорить об особенностях, специфике, исторических трудностях российского опыта.

Проблемы социологического образования рассматриваются в курсах по истории социологии, но достаточно редко являются темой отдельного исследования. В области российской социологии первой такой работой можно считать монографию Е.И. Кукушкиной¹. Настоящее исследование имеет более широкий масштаб – от первых шагов социологического образования в XIX в. до сегодняшнего дня.

Успех исследований прошлого часто зависит от выбранной стратегии. Простейшая из последовательностей – хронологическая. Она предусматривает разделение выбранной шкалы времени на ряд промежуточных дат. Так, например, всю историю русской социологии можно разделить на дореволюционный (с середины XIX в. до 1917 г.) и послереволюционный (с 1917 г. по настоящее время) периоды. Следует отметить, что этот подход наиболее часто используется в научной литературе. Одним из первых его использовал для периодизации истории русской социологии Н.И. Кареев. В книге «Основы русской социологии» он выделил в дореволюционной

¹ Кукушкина, Е. И. Социологическое образование в России XIX – начала XX века. – М., 1994.

социологии два периода: первый – с 1869/1872 гг., когда одновременно, опираясь на учение О. Конта, начали этико-социологические поиски П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков; второй – с середины 1890-х годов, с появления экономического материализма. Хотя, как замечал сам исследователь, с этого момента «очень долго продолжали параллельно существовать оба направления – и то, которое пошло от Конта, и то, родоначальником которого был Маркс»². В основе этого различия лежали выделенные автором приоритетные направления, определяющие развитие социологической науки. Использовать такую периодизацию для изучения социологического образования не совсем удобно, так как придется давать основания отдельных этапов его развития.

В рамках хронологической стратегии часто возникает проблема принципов периодизации. Так, например, современный исследователь И.А. Голосенко выделил четыре стадии эволюции русской дореволюционной социологии:

1) возникновение «новой науки» (конец 1860 – конец 1880-х годов), господство позитивистских подходов;

2) теоретико-методологическая критика (1890–1900-е годы), становление неопозитивизма, распространение марксизма и антипозитивизма;

3) «методологическая консолидация» (первое десятилетие XX в.), создание теоретического и эмпирического уровней социологии. Теоретический уровень был оформлен по трем мировоззренческим позициям: позитивизм, антипозитивизм и неопозитивизм. В них были определены различия по социальной онтологии (трактовка социологами проблемы социальной реальности, законов ее функционирования и развития) и социальной гносеологии (трактовка возможности познания социальной реальности теми или иными методами);

4) институционализация социологии; она хронологически и содержательно в основном совпала с третьей. Составные части обоих этапов стимулировали друг друга.

И.А. Голосенко сделал следующий завершающий вывод: «Социологическая наука в России рассматриваемого периода достигла когнитивной зрелости, критериями которой являются стремление к теоретико-методологической интеграции, развитие эмпирического уровня исследований и институционализация (организация препода-

² Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – С. 40.

вания и научной работы). Все эти критерии возникают на последних стадиях эволюции науки и постоянно стимулируют друг друга»³. В приведенной периодизации привлекает критерий когнитивной (познавательной) зрелости науки, который использовал автор. Однако согласно данной периодизации о развитии социологического образования можно говорить только на четвертой стадии (после 1910 г.), а это противоречит историческим фактам.

Еще один подход к периодизации истории дореволюционной социологии предложил В.В. Козловский⁴. Его подход основан на выделении фундаментальных ценностных установок русских социологов и социальных мыслителей. Ядро базисных признаков данного критерия составляют, во-первых, образ (модель) общества в доктрине социолога, в которой выделены доминанта и иерархия общественного устройства; во-вторых, нацеленность на сохранение или изменение социального порядка и на определенный способ преобразования общества; в-третьих, статус личности и социальных институтов в социологической концепции. Как подчеркивает автор, социологическое видение возникает там и тогда, когда личность и общество с его институтами, точнее их модели, соотносятся в качестве самостоятельных ценностей, альтернативных друг другу. Вместе с тем парадигма социологического мышления определяется в первую очередь системой ценностей, служащих, по концепции социолога, фундаментом общества или способных быть его основами. Тот или иной набор социальных ценностей в широком смысле слова является источником восприятия реального общественного устройства в тогдешней России, соответственно и отношения к его сохранению или переустройству⁵.

Панорама направлений российской социологии, выделенная В.В. Козловским на основе двух критериев – социальные ценности и теоретико-методологические основания, выглядит следующим образом. Ведущей ценностью страны на рубеже веков являлась модернизация. По отношению к ней условно были выделены три тенденции:

³ Голосенко, И. А. Социология в дореволюционной России // *Философские науки*. – 1988. – № 1. – С. 48–56.

⁴ См.: Козловский, В. В. Дилеммы дореволюционной российской социологии // *Российская социология. Историко-социологические очерки*. – М., 1997. – С. 8–30.

⁵ См.: Там же. – С. 11–13.

стабилизация, реформирование (преобразование), радикализация (трансформация). Они характеризуют ориентации практически всех социально активных слоев страны.

Консервативное направление. Его яркими представителями в публицистике и социальной науке являлись К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, П.Ф. Лилиенфельд. Их социологические идеи основывались на близкой всем им органической теории общества. Их идеал включал в себя крепкую самодержавную власть, мощное государство, процветающую культуру. Подобный подход вполне можно назвать охранительной социологией, или социологией порядка.

Либеральное направление. Разрабатывалось М.М. Ковалевским, Е.В. де-Роберти, С.А. Муромцевым, Н.И. Кареевым, Л.И. Петражицким, П.А. Сорокиным, Б.А. Кистяковским. Несмотря на все методологические разногласия, ключевым моментом для них является приверженность принципу индивидуальной свободы (естественные права и свобода человека, равноправие), обеспеченной законодательно легитимной представительной властью и демократическими институтами. Социальный идеал облекался чаще всего в позитивистски окрашенный постулат о доминирующем факторе прогресса – знании, науке и технике. Идеал отражал общие для эпохи надежды на просвещение и образование. Высокая оценка объективного знания непременно сопровождалась признанием столь же важной роли должного, моральных суждений, в которых видели возможное воплощение социального счастья и справедливости. Эту социологию можно назвать социологией личной свободы.

Направление либерального консерватизма. С его позиций выступали Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Н.Н. Алексеев. Для идеала одинаково ценными представлялись и порядок (сильная власть), и свобода. Социальный идеал призывал укреплять существовавшую тогда власть и мощь государства наряду с признанием прав и свобод отдельного человека. Принцип личной свободы и прав человека только тогда и мог быть, с точки зрения либерального консерватизма, осуществлен, когда он ограничен внутренне (духовно-нравственно и религиозно) и внешне (законом, правом, исполняемым обществом в лице сильной власти).

Радикальное направление. Представлено народничеством (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский), анархизмом (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин) и марксизмом (Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов). При всех внешних

различиях между этими политико-идеологическими течениями в их внутреннем содержании было общее – стремление радикально изменить существующий государственный и общественный порядок.

Если попытаться ответить на вопрос, в рамках какого из указанных В.В. Козловским направлений могла появиться и оформиться идея социологического образования, то ответ достаточно очевиден. Консерваторы занимались преимущественно тем, что оправдывали и защищали существующий порядок (в том числе и сложившуюся систему образования), радикалы «зациклились» на изменении существующего строя (вместе с системой образования) и только либералы смогли выдвинуть модель реформы обществоведения, включающую введение социологического образования. Однако следует отметить, что это только начало достаточно долгого, интересного пути развития социологического образования.

Итак, можно сделать промежуточный вывод, что периодизация дореволюционной социологии в науке разработана достаточно подробно. Предложенные классификации по-своему интересны, но они ограничены рамками определенного исторического периода и вряд ли могут быть применены для характеристики дальнейших этапов развития социологии. Правда, В.В. Козловский делает оговорку, что выделенные направления как социологические альтернативы в измененном виде присутствуют и в современной России. Но вопрос, как, кем и в чем именно они изменены, остался за рамками рассуждений автора.

Часть исследователей сделали попытки несколько раздвинуть рамки периодизации, введя новый критерий «зрелость российской социологии». Г.Я. Миненков пишет: «За период с 60-х годов XIX века по 20-е годы XX века российская социология достигла зрелости, развитой культуры социологического анализа, сформировала необходимые институты. Четко была осознана необходимость интеграции социального знания, но не за счет подавления одних школ другими, а на основе принципа их дополнительности, коммуникации. Формы реализации такой интеграции были обоснованы российскими мыслителями уже в эмиграции (П. Сорокин, С. Франк). Социология в России приобрела, таким образом, твердую собственную почву для перехода на качественно новый этап»⁶. Каков был этот «новый этап», чем он характеризовался, автор умалчивает. Если взять за основу

⁶ Миненков, Г. Я. Введение в историю российской социологии. – Минск, 2000. – С. 28.

данную периодизацию, придется отличить «зрелое» социологическое образование от «незрелого». Однако плодотворной является идея развития российской социологии (и социологического образования) в эмиграции.

О новом, послереволюционном, этапе в развитии российской социологии пишет в своем исследовании Е.И. Кукушкина: «В 1917 году начинается новый этап в истории отечественной социологии, длившийся первые полтора послереволюционных десятилетия и отличавшийся особой новизной, множеством перемен, большим разнообразием теоретической и практической деятельности»⁷.

Однако следующий период был охарактеризован как «длительный перерыв в социологической деятельности», а затем последовал «некий переходный этап». И лишь «конец 80-х годов XX века можно считать началом нового этапа в развитии отечественной социологии, который продолжается и в настоящий момент»⁸. Значит, в подобном обосновании «разрыва» с традицией нуждается и социологическое образование. Вместе с тем именно концепт традиции может непосредственно связать современное социологическое образование с прошлым.

В монографии выбрана стратегия, ориентированная на исследование генетической преемственности, т. е. изучение традиции и реконструкции опыта социологического образования в России. С одной стороны, в книге предложена комплексная периодизация как исторических, так и современных этапов развития российского социологического образования. С другой стороны, в основе периодизации – смена нескольких теоретических моделей социологического образования, каждая из которых имела свой опыт практической реализации. Каждая модель была вызвана конкретными запросами развития российской реальности, опосредована процессом становления и развития социологии как науки. У каждой модели был автор (авторы), судьба которого (которых) отражала траекторию реализации данной модели на практике.

В монографии раскрываются теоретико-методологические, эвристические возможности концептуальной интерпретации истории социологического образования в России. Работа содержит

девять разделов, в которых рассмотрены проблемы создания и реализации на практике нескольких моделей социологического образования в России.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей вузов и всех, интересующихся историей российской социологии.

Автор выражает благодарность за консультативную помощь в подготовке монографии чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко, проф. Е.И. Кукушкиной, проф. Н.И. Романовскому. Особую благодарность следует высказать моим родителям, сыновьям Владиславу и Алексею и близким, терпение которых и вера в успех помогли автору довести до конца начатое более десяти лет назад исследование.

⁷ Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. – М., 2004. – С. 23.

⁸ Там же. – С. 27.

**Социологическое просвещение
как предтеча социологического образования**

1.1. Первые шаги социологического просвещения

Социологическое образование началось в России с социологического просвещения. Этот интереснейший публицистический этап в становлении отечественной социологии еще недостаточно представлен в научной литературе. Вместе с тем, как справедливо считает исследователь истории русской социологии проф. Е.И. Кукушкина, «по сути дела, публицистическая деятельность русских ученых стала одной из важнейших предпосылок становления отечественной социологии как науки»¹.

Обстановка в России к моменту начала социологического просвещения была сложной. Известный русский педагог П.Ф. Каптерев так писал о резком контрасте в культурном уровне различных групп населения, который, по его словам, делал почти невозможным проведение любых мер в области образования и просвещения: «Прекрасно образованные верхние слои в народе и невежественные народные массы – обманчивое просвещение, не могущее оздоровить народную жизнь, придать силу народному творчеству, увеличить производительность труда народа. Это – неисчерпаемый источник зоологического национализма, стремление давить и угнетать все чужое, обвинять во всем других, а не себя, это источник народной бедности и народного бессилия»². Однако для того, чтобы социологическому просвещению состояться, было много предпосылок.

Одной из предпосылок являлась конкретная историческая ситуация в России второй половины XIX в. Отношение к новой науке со стороны официальных властей было, мягко говоря, настороженным. По словам одного из основателей социологии М.М. Ковалевского, слово «социология» прочно ассоциировалась у власти со словом «социализм», поэтому официальным шансов стать наукой публичной

¹ См.: Кукушкина, Е. И. Социология и публицистика // Вестник Московского университета. – Сер. 18. Социология и политология. – М., 2005. – № 1. – С. 25.

² См.: Там же. – С. 24.

в то время у социологии не было. Как отмечает основатель русской социологии Н.И. Кареев, в условиях, когда труды социологов выходили «при известных цензурных условиях, очень ограничивающих субъективизм этих произведений», главным органом пропаганды новой науки стала передовая журналистика. Эта «социология журнальная» была «более научной, чем публицистической»³. Подобная оценка известного ученого объясняет тот факт, что публикации на социологическую тему выходили в серьезных журналах социально-гуманитарного профиля, таких как «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Русская мысль». Появились журналы, специализирующиеся на позитивистской тематике, «Знание», «Дело», «Критическое обозрение»⁴.

Поначалу «кафедральная» наука, существовавшая в университетах, или совсем игнорировала социологию, или относилась к ней недружелюбно. Дело социологического просвещения пришлось взять на себя журналистике. Таким образом, «честь введения социологии в умственный обиход интеллигенции принадлежит как раз той передовой журналистике, наиболее влиятельный орган которой, «Отечественные записки», сделался первой, если так можно выразиться, социологической кафедрой в России»⁵. В частности, в 1847 г. в этом журнале была опубликована статья экономиста В.А. Милютина, впервые познакомившего читателей с основными положениями позитивистской доктрины О. Конта.

Статьи и труды по социологии в российских журналах пользовались неизменной популярностью. Объяснялось это, в частности, тем, что еще до появления социологии в России сложилась традиция уважительного отношения к публицистике со стороны самой образованной части общества: ученых и философов, писателей и литературных критиков. Они рассматривали работу в журналах как неотъемлемый элемент своего гражданского и профессионального долга⁶. Кроме того, интерес широкой публики к социологическим статьям объяснялся достаточно просто: социология была опальной,

³ См.: Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – С. 353–354.

⁴ См.: Кукушкина, Е. И. Социологи и публицистика // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 126–134.

⁵ См.: Кареев, Н. И. Памяти Н.К. Михайловского как социолога // Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии: В 2 т. – Т. 2. – СПб., 1998. – С. 388.

⁶ См.: Кукушкина, Е. И. Социологи и публицистика.

гонимой со стороны «верхов», а потому находила сочувствие и интерес в «низах». Успехам социологического просвещения способствовал и феномен «любопытности, свойственный русскому народу», о котором как вероятном рычаге образования писал П.Н. Милюков⁷.

Огромную роль в деле социологического просвещения сыграл и тот факт, что первые пропагандисты и преподаватели новой науки – социологии работали в университетах. Университеты в России всегда были источниками распространения новых идей, ценностей, а вместе с ними и новых образцов поведения в обществе. В частности, Московский университет организовывал различные мероприятия, которые носили публичный характер. Библиотека университета стала первой публичной библиотекой Москвы. Университет сыграл большую роль в издании газеты «Московские ведомости» – первого московского официального печатного органа⁸. Кстати, чтение публичных лекций профессорами Московского университета началось с момента его основания и было одной из его традиций. В XIX в. большим успехом пользовались публичные лекции профессора С.П. Шевырева. Московский университет, как отмечал С.П. Шевырев, был предметом любви и устремлений всех сословий, решая четыре возложенные на него его учредителями задачи: «1) насадить науку в отечестве; 2) вести ее в уровень с современным ее движением; 3) применять к жизни и потребностям России; 4) воспитать ей сынов, полезных на всякое благое дело, верных слуг государю и отечеству»⁹.

Один из таких «сынов», выдающийся ученый, общественный деятель и публицист Григорий Николаевич Вырубов много сделал для популяризации взглядов О. Конта на страницах отечественных журналов, а затем и своего парижского журнала «La Philosophie Positive». Журналов, в которых печатались статьи первых русских социологов, было достаточно много. Кроме упомянутых, можно назвать «Юридический вестник», «Русский курьер», «Русский телеграф», «Русские ведомости». Другой выпускник Московского университета Виктор Александрович Гольцев с просветительских

⁷ См.: Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – Т. 2, ч. 2. – М., 1994. – С. 229.

⁸ См.: Кулакова, И. П. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. – 2002. – № 2. – С. 135.

⁹ См.: Шевырев, С. П. Обозрение столетнего существования Императорского Московского университета // Вестник высшей школы. – 1992. – С. 106–109.

позиций настойчиво разъяснял читателю необходимость проведения в стране постепенных политических и социальных реформ, создания условий для просвещения и воспитания народа. В своих статьях он писал о необходимости нового общества, в котором можно будет «уважать человеческое достоинство, обеспечить свободу мысли и слова, создавать порядки, благоприятные для всестороннего развития личности»¹⁰. Кстати, его личная судьба отражает гражданский подвиг тех, кто занимался в то время опасной для властей социологией. Успешно начавшейся научной карьере В.А. Гольцева помешал донос, обвинивший его в революционной пропаганде.

Говоря словами М.М. Ковалевского, путь к социологическим знаниям в России был труден, и его удавалось пройти шаг за шагом лишь той передовой части русской интеллигенции, для которой социальные знания были не столько прагматическим интересом, сколько творческой, духовной потребностью.

Истоки социологического просвещения можно отнести к первой половине XIX в. Например, к журнальным публикациям В.Г. Белинского, которого спустя четверть века Г.В. Плеханов назвал «гениальным социологом»¹¹. В своих статьях «неистовый Виссарион» обосновал необходимость социальных изменений, а также высказал немало важных мыслей о возможностях публицистики как средства развития и творческого решения проблем науки. Вера в возможности науки как силы, способной участвовать в преобразовании общества, сопровождала публикации А.И. Герцена. По словам Г.В. Плеханова, введя оценочный подход к явлениям действительности, он предвосхитил субъективную социологию и стал предшественником Н.К. Михайловского¹². Публицистические статьи Н.Г. Чернышевского в журнале «Современник» сделали его, по словам Н.И. Кареева, «зачинателем новой науки»¹³. Не только размышления о судьбах России, но и образ нового человека – сильной, высоконравственной, свободной личности – привлекали к его творчеству молодежь.

¹⁰ См.: Гольцев, В. А. Из воспоминаний и переписки // Русская мысль. – 1893. – № 11. – С. 155. Цит. по: Кукушкина, Е. И. Социология и публицистика. – М., 2005. – С. 30.

¹¹ См.: Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. – М., 1956–1958. – Т. 1. – С. 72.

¹² См.: Там же. – С. 82–83.

¹³ См.: Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – С. 31.

Среди той части интеллигенции, для которой социологическое просвещение было делом всей жизни, наиболее влиятельной являлась фигура Н.К. Михайловского. Публикация в 1860–1880-х годах в журналах «Отечественные записки», «Знание» наиболее крупных его трудов, а также большого количества статей социологического содержания всерьез заставила современников говорить об особой «русской социологической школе». «Этот социолог начал самостоятельно работать в то время, когда почти еще не существовало социологической литературы», – писал о нем Н.И. Кареев¹⁴. С 1891 г. Н.К. Михайловский занимал пост главного редактора популярного журнала «Русское богатство». Он по существу выполнял задачу социологического просвещения российской публики, формулируя и обосновывая идеал социально-справедливого общества и творчески активной личности. Н.К. Михайловский утверждал, что творческая сущность человека проистекает из исторически сформировавшейся потребности в развитии, знании и умиротворении совести. Всегда находясь в живом диалоге с читателем, социолог предлагал совместно поразмышлять над общими вопросами текущей жизни и одновременно обосновывал идею участия самих масс в переделке косной действительности. Его социологические идеи и размышления, как и все творчество, оживленно обсуждали, комментировали, оценивали. Он был одним из творцов активной российской интеллигенции, жаждущей переустройства русского быта на началах разума, в соответствии с принципами «торжествующей личности и свободного народа». Исследователь творчества Н.К. Михайловского проф. В.В. Козловский отмечает: «Михайловский одним из первых стал создавать неформальную систему социологического просвещения и образования публики. Круг проблем, которые он ставил и решал в столь популярных в свое время статьях, формировали граждански ориентированную структуру ценностей и новый тип рациональности, явно противоречащих традиционно патриархальной и консервативной культуре русского общества второй половины прошлого века»¹⁵. Благодаря Михайловскому российская публика смогла получить первые уроки теоретического анализа самых актуальных обществоведческих проблем и ввести их в поле собственной

¹⁴ См.: Кареев, Н. И. Памяти Н.К. Михайловского как социолога. – С. 391.

¹⁵ См.: Козловский, В. В. Социологическое наследие Николая Михайловского // Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии. – Т. 1. – С. XI.

интеллектуальной активности. Значение трудов Михайловского для социологического просвещения и образования сложно переоценить. По мнению Н.И. Кареева, «чтение социологических статей Михайловского – прекрасная предварительная школа, в которой можно приобрести не только живой интерес к социологическому знанию, но и способность противостоять всякой догматической односторонности»¹⁶. Для своих читателей и учеников Н.К. Михайловский всегда оставался одним из авторитетных воспитателей социологической культуры русской образованной публики.

Особое место среди тех представителей интеллигенции, которые одними из первых осознали необходимость социологического просвещения в России, был Евгений Валентинович де-Роберти. О своем желании заниматься социологическим просвещением и быть глашатаям «della scienza nuova» – новой науки он пишет в 1864 г. в письме к Г.Н. Вырубову¹⁷. По его мнению, в решении этого вопроса следовало в первую очередь обратиться к русской интеллигенции, независимо от сословия или партии. Трибуна такого обращения, как он считал, должна быть наиболее широкой, например газета, которая выходила бы еженедельно в объеме печатного листа, где бы помещались одни передовые, руководящие статьи по всем текущим вопросам. Де-Роберти даже придумал ее название – «Обозрение политическое, экономическое, финансовое».

Неясно, удалось ли ему реализовать план издания этой газеты на собственные средства, но в новом журнале «La Philosophie Positive» (вместе с Литтре и Вырубовым) он с радостью начал реализовывать свои идеи. Во-первых, он откликнулся на публикацию в 1863 г. в Берлине первого тома «Капитала» К. Маркса. Во-вторых, отозвался статьей «Политическая экономия и общественная наука» на вышедший в Филадельфии в 1858–1859 гг. труд американского экономиста и социолога Г.-Ч. Кэрри «Основания социальной науки». Это была его первая публикация, в которой он подверг сомнению правомерность притязаний политической экономии на то, чтобы называться социальной наукой. Дело, начатое в этой статье, де-Роберти продолжал всю свою жизнь: он решительно защищал специфику

¹⁶ См.: Там же. – С. 397.

¹⁷ Цит. по: Семлал, Ю., Рубанов, В. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е.В. де-Роберти // Социологические исследования. – 2006. – № 8. – С. 142.

социологии как особой науки об обществе. С 1874 г. де-Роберти решил популяризовать идеи О. Конта в России. Из этого намерения вырос его первый фундаментальный труд «Социология», который составили девять статей, опубликованных в журнале «La Philosophie Positive» в 1876–1878 гг. под общим названием «Социологические заметки». Высоко оцененный в западной прессе, в России этот труд был запрещен по личному распоряжению главы Священного синода К.П. Победоносцева. Тираж издания был изъят из всех книжных магазинов и библиотек в связи с тем, что «пропагандируемый в книге позитивизм мог составить конкуренцию православной вере», а за ее автором был установлен гласный полицейский надзор. Аналогичная судьба постигла и вторую его книгу – двухтомник «Прошедшее философии». Если первый том, посвященный историческим данным, остался практически незамеченным научным сообществом, то на второй вновь обратил внимание К.П. Победоносцев. В итоге цензурой был практически уничтожен весь тираж не только второго тома, но и первого¹⁸. Вклад Е.В. де-Роберти в социологическое просвещение российского общества не до конца еще оценен исследователями русской социологии.

Кстати, подобная судьба – «быть непризнанными своей родиной» – постигла многих, рискнувших в то время заниматься социологией как наукой. Для М.М. Ковалевского, Г.Н. Вырубова, Я.А. Новикова, П.А. Кропоткина, Е.В. де-Роберти Франция стала второй родиной, а участие этих ученых в различных формах социологического образования за рубежом – подготовкой к социологическому просвещению России. Социологическая публицистика для них явилась формой внесения в российское общество социологической культуры.

Понимая необходимость социологического просвещения населения России, М.М. Ковалевский сам принимал активное участие в публицистических органах. В течение нескольких лет он редактировал журнал «Вестник Европы», в котором публиковались его статьи, охватывавшие буквально все стороны жизни, науки, культуры, политики. Вместе с тем Ковалевский продолжал считать важным воспитание широкой социологической культуры народа и не отказывался от социологической публицистики даже тогда, когда развивались первые формы социологического образования. Пик его публицистической активности пришелся на 1905–1907 гг., когда на

¹⁸ Там же. – С. 145.

волне открывшейся для России демократической перспективы он опубликовал огромное количество статей на самые разные темы: о политике, свободе слова, демократии. Ученый был избран депутатом I Государственной думы, где также надеялся быть полезным как человек науки в решении вопросов общественной и государственной важности. Но вскоре наступило разочарование. Ковалевский понял, что политика не его удел и снова полностью погрузился в науку¹⁹. Такой отход от политики был не случаен. Как писал о своем учителе выдающийся социолог XX в. П.А. Сорокин, «Ковалевский – прежде всего ученый, прежде всего профессор Божьей милостью, а затем уже общественный деятель, публицист, государственный политик и т. д. В центре его жизни была наука. Ей он отдал большую часть своей жизни, ею он жил и в области научного же творчества создал себе наиболее долговечный “нерукотворный” памятник»²⁰. Конечно, среди всех его научных интересов особое место занимала социология. Подчеркивая это, П. Милуков писал: «Имя той науки, которая содержала в себе полный ответ на духовные потребности М. Ковалевского, которая была, так сказать, его систематическим мировоззрением, есть социология»²¹. Одним из первых М.М. Ковалевский понял, что развитие социологии невозможно без институтов пропаганды и обучения, издания литературы и трансляции социологического знания. Занимаясь социологическим просвещением, М.М. Ковалевский и Е.В. де-Роберти издавали сборник «Новые идеи в социологии»²². С именем Ковалевского связано формирование и деятельность секции социологии при Историческом обществе в Санкт-Петербургском университете (1912 г.). Эта секция представляла собой фактически первую попытку объединения русских социологов для совместной реализации их планов.

По вкладу в развитие социологического просвещения рядом с М.М. Ковалевским по праву занимает место его ученик – известный

¹⁹ См.: Кукушкина, Е. И. Социология и публицистика. – С. 32.

²⁰ Сорокин, П. А. Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя // М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли / Под ред. А.О. Бороноева. – СПб., 1996. – С. 6.

²¹ Милуков, П. М.М. Ковалевский как социолог и как гражданин // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный, общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 137.

²² Новые идеи в социологии. Сб. ст. Вып. 1–4. – СПб., 1913–1914.

социолог П.А. Сорокин. Он прозорливо отмечал, что Россию губит социологическая неграмотность, и приложил все силы для преодоления такого положения вещей. Как и у его учителя, в жизни Сорокина был период политической и публицистической активности. В 1914–1916 гг., будучи лидером эсеровского движения, он активно печатался в прессе и опубликовал несколько статей в журналах «Вестник знания», «Русское богатство». В 1917 г. он практически не занимался наукой, так как участвовал в многочисленных митингах, готовил Всероссийский крестьянский съезд, работал личным секретарем премьер-министра Временного правительства А.Ф. Керенского, входил в группу по разработке закона о выборах в Учредительное собрание. Но в то же время, не забывая о социологическом просвещении общества, в эти годы Сорокин вел активную публицистическую деятельность. Только в 1917 г. он издал брошюры на злобу дня: «Основы будущего мира», «Причины войны и пути к миру», «О свободах. неотъемлемые права человека и гражданина», «Автономия национальностей и единство государства», «Проблема социального равенства», «Что такое монархия и что такое республика?», в которых соединил взгляд ученого и гражданина на происходящее в России.

В 1918 г. Сорокин вышел из партии эсеров, отказался от всякой политики, довольно дерзко заявив, что «политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу»²³. С этого момента он начал активно заниматься наукой. П.А. Сорокин был абсолютно уверен в том, что будущее принадлежит социологии, так как она оказывает «сильнейшее влияние на все общественные и гуманитарные дисциплины» и «не зависит ни от капризов власти, ни от предрассудков тех или иных ученых»²⁴. Этим определялся его подход, в частности, к созданию социологических институтов. Еще в 1916 г., после смерти М.М. Ковалевского, П. Сорокин вместе с К. Тахтаревым создал Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского. Членами этого общества были не только социологи, но и такие известные ученые, политические деятели, как И.П. Павлов, В.А. Вагнер, А.Ф. Лазурский, В.М. Бехтерев, П.Н. Милуков, В.А. Маклаков, Е.В. Тарле, А.В. Пешехонов и другие. С точки зрения Сорокина, такой состав

²³ См.: Письмо П. Сорокина. – Правда. – 1918. – 21 ноября. – № 252.

²⁴ См.: Там же.

Общества подчеркивал признание и значение роли социологического знания среди других наук об обществе. Благодаря стараниям А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареева, П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева деятельность этого общества была хотя короткой, но достаточно плодотворной. Усилиями П.А. Сорокина в 1918 г. был создан Социобиблиологический институт, среди задач которого были: научно-практическая систематизация всех явлений в области социологической мысли, социального строя и законодательства; устройство и поддержание собрания трудов главных социальных мыслителей; популяризация социологических знаний²⁵. Эти задачи полностью отвечали целям социологического просвещения русского общества. Сотрудниками института были Н. Кареев, П. Сорокин, Н. Серебряков, Е. Энгель и другие. В рамках Социобиблиологического института проходили семинары, читались курсы лекций. Так, Н.А. Гредескул читал курс «История социологических учений», А.А. Гизетти – «История русской социологической мысли», П.А. Сорокин – «Социологическая аналитика и механика», П.А. Люблинский – «Уголовная социология» и т. д. Планировалось издание «Социологического ежемесячника» и ежегодного сборника «Социальное строительство в России». К сожалению, не всем планам суждено было реализоваться. Да и судьба Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского оказалось нелегкой. В своих воспоминаниях П. Сорокин писал, что в 1920 г. оно стало работать фактически на нелегальном положении, а после преследований, заключения в тюрьму, смерти некоторых руководителей оно прекратило свое существование. Попытку возродить Социологическое общество им. М.М. Ковалевского в 1923 г. сделал проф. В.А. Вагнер, подавший в Петроградский губисполком «Записку учредителей» с прошением об утверждении нового устава, к которому прилагался список учредителей с анкетными данными. Однако просьба Вагнера осталась без внимания²⁶. Даже публично отказавшись от политики, Сорокин как социолог изнутри наблюдал социально-политические конфликты в русском обществе. По мнению проф. СПбГУ А.О. Боронова, П. Сорокин фактически

²⁵ См.: *Ловягин, А. М., Вольтер, Э. А.* Социобиблиологический институт. Цели и задачи социологической библиологии. – Пг., 1918. – С. 3.

²⁶ См.: *Боронов, А. О.* М.М. Ковалевский – первый русский социолог // Ковалевский М.М. – Соч.: В 2 т. – Т. 1. Социология. – СПб., 1997. – С. 12.

создал школу социологической журналистики. В своих статьях он обрисовал социальные контуры русского общества, эволюцию и динамику социальных сил и социально-политических кризисов первой четверти XX в.²⁷ Для занятий социологической журналистикой необходима особая социологическая культура. По мнению П. Сорокина, исследователя должна интересовать не только хронология событий, но и их внутренняя логика, а также конкретная расстановка социальных сил. Рассмотрение каждого отдельного события следует начинать с теоретического его осмысления. Именно поэтому в своих публицистических статьях П. Сорокин поднимал серьезные теоретические вопросы, связанные с социально-экономическим положением страны, а также вопросы гражданского общества, свободы личности, русского парламентаризма и государственного устройства, национальных отношений и проблемы русской духовности.

Таким образом, момент появления социологического просвещения был в России особенным. Н.И. Кареев писал: «Кто начал жить сознательной жизнью в шестидесятых-семидесятых годах минувшего века, тот не мог не задумываться над тем, когда и как захватит Россию в свой неудержимый поток длительная западноевропейская революция, начавшая уже со времени декабристов оказывать влияние на передовые круги нашего времени»²⁸.

В своих первых публицистических работах социологи вывели образ новой России и нового человека, заложили веру в новую науку как силу, способную преобразовать общество. Идеалы социально справедливого общества и творчески активной личности пришли на смену традиционным устоям. Успехи социологической публицистики вдохновили социологов на разработку первых теоретических моделей социологического просвещения.

²⁷ См.: *Боронов, А. О.* Социологическая публицистика П.А. Сорокина // Пирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. – СПб., 1999. – С. 264–265.

²⁸ См.: *Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое. – М., 1990. – С. 289.

1.2. Теоретические модели социологического просвещения

Известный исследователь истории русской социологии проф. Е.И. Кукушкина в своей монографии «Социологическое образование в России XIX – начала XX века» отметила тот важный факт, что «конкретное содержание первых шагов русской социологии и начального этапа социологического образования во многом определялись характером людей, стоящих у истоков этих процессов»²⁹.

Действительно, фигуры университетских профессоров Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского, пожалуй, самые примечательные на этапе социологического просвещения. Их объединяли не только дружеские отношения, но и общее стремление способствовать просвещению российского общества.

В воспоминаниях Кареев назвал своей отличительной чертой, свойством «стремление передавать другим то, что я знаю сам». Такое стремление проявилось у него еще в раннем детстве. «В гимназии, в университете я охотно делился своими знаниями с товарищами... Эта черта проявилась и в литературной деятельности, в которой количественно большая часть рассчитана была скорее на широкие круги читателей, нежели на тесные круги специалистов, что сказывалось часто и на выборе мною тем для исследования». В частности, говоря о своих выступлениях на митингах, он отмечал: «Целью их была не пропаганда, не агитация, а информация, осведомление, разъяснение основных политических понятий. Я знаю твердо вот то-то и то-то, и пусть другие знают то же самое, потому что в самом знании заключается нечто важное, дорогое, интересное, самодовлеющее. Эту же мысль я проводил и в своих книжках о самообразовании, о выработке мирозерцания, об основах нравственности, о сущности общественной деятельности – в книжках, в свое время читавшихся множеством молодежи. Вот это и есть стержень моего я»³⁰.

Образовывать, просвещать, заниматься наукой, но не политической – этому профессор Н.И. Кареев следовал всю жизнь. «Вся предыдущая деятельность моя сделала из меня не практика текущей жизни с ее злобами дня, а человека книжного, чисто кабинетного

²⁹ Кукушкина, Е. И. Социологическое образование в России XIX – начала XX века. М.: МГУ, 1994. – С. 42.

³⁰ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 286–287.

ученого, взирающего на жизнь через призму научной теории, хороша ли или дурна эта теория. ...Как книжный человек и чисто кабинетный ученый я, однако, совершенно от жизни не отрывался»³¹. Может быть, этот книжный интерес к новой науке об обществе, убежденность в необходимости социологических знаний позволили ученому стать автором первой теоретической модели социологического просвещения.

Эта модель сложилась на основе глубокого изучения им опыта преподавания гуманитарных дисциплин в учебных заведениях России и Европы. Н.И. Кареев в разное время читал лекции и доклады в Париже, Праге, Львове, Софии, приобрел знакомства в ученом и литературном мире. Чаще всего ему приходилось быть в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, во Франции. Реже – в Италии, на Балканском полуострове, в Бельгии. По одному разу в Англии и Шотландии, в Голландии и в Испании³². В частности, участие в международных социологических конгрессах, посещение заседаний Социологического общества давали возможность встретиться с французскими социологами (Р. Вормсом, Г. Тардом), с итальянским социологом Лориа, итальянским криминалистом Гарофало, швейцарским философом Л. Штейном³³.

С одной стороны, процесс социологического образования Н.И. Кареев рассматривал как исторически обусловленное явление, как результат многовековой эволюции мировой научной мысли по пути ее гуманизации. Поскольку социология, писал он, является наукой «об обществе во всех существенных сторонах его бытия», изучающей «человеческую личность во всех ее общественных проявлениях и отношениях», она находится «ближе к основной черте гуманитарного образования, чем политика, юриспруденция и экономика»³⁴. Все перечисленные дисциплины считаются гуманитарными благодаря социологической постановке вопросов.

С другой стороны, подчеркивал Н.И. Кареев, название новой науки – «Социология» – сделалось в конце XIX в. модным, получив

³¹ Там же. – С. 288–289.

³² Там же. – С. 211.

³³ Там же. – С. 219.

³⁴ См.: Кареев, Н. И. О сущности гуманитарного образования // Историко-философские и социологические этюды. – СПб., 1899. – С. 26.

благодаря этому крайне неопределенный характер³⁵. С некоторой горечью он отмечал, что о социологии как науке существуют очень смутные и противоречивые представления у специалистов других научных областей, даже близких к социологии, не говоря уже о более широких кругах общества³⁶. Вместе с тем социология заслуживает большего, чем быть просто «придатком», например истории или одной из частных общественных наук. Представления Н. Кареева о социологической науке были основаны на следующих положениях.

1. Социология заслуживает быть предметом отдельного преподавания, хотя бы потому, что особенно привлекает к себе общественное внимание. Книги по социологии пользуются популярностью и охотно переводятся на иностранные языки. Социологические статьи появляются в популярных журналах и находят многочисленных читателей. В числе вопросов, возбуждающих отвлеченные споры среди лиц, интересующихся научным знанием, вопросом социологии по их тесной связи с вопросами жизни принадлежит далеко не последнее место³⁷.

2. Для социологии важно было бы войти в круг университетского преподавания. В истории каждой науки громадное значение принадлежит систематизации добытых истин, а такая систематизация лучше всего достигается путем выработки курсов для устного преподавания и составления учебных пособий для печати³⁸.

3. При существующем делении университета на факультеты социология должна быть приурочена к одному из существующих факультетов. К какому? На этот счет в разных странах в то время велись настоящие дискуссии. Так, Кареев приводил пример с дискуссией во Франции, где между сторонниками нового предмета произошел некоторый раскол: одни хотели, чтобы социология была предметом историко-филологического факультета, другие – юридического. Это лишней раз показывает, считал ученый, что социология не может быть предметом исключительно одного факультета. Если в одних местах социология преподается на одном факультете, в других – на другом, то это зависит лишь от чисто случайных причин, смотря потому, где какой профессор берет на себя инициативу.

³⁵ См.: Кареев, Н. И. Взгляд на современное состояние социологии // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997. – С. 28.

³⁶ См.: Там же. – С. 32.

³⁷ См.: Там же. – С. 39–40.

³⁸ См.: Там же. – С. 40.

4. Социология как предмет университетского преподавания должна быть совершенно отдельной и самостоятельной наукой, она не должна «являться с какой-либо специальной окраской, например психологической или исторической, юридической или экономической»³⁹.

5. Лицо, занимающееся социологией, нуждается в энциклопедическом образовании сравнительно с лицами, посвящающими себя другим отраслям знания. Н.И. Карееву было ясно, что в первое время в качестве преподавателей социологии будут выступать представители других родственных наук.

6. Социология должна быть не только учебной, но и академической дисциплиной в высшей школе. Так, например, во Франции социология уже входит в круг предметов, по которым пишутся диссертации и присваиваются научные звания. Это указывает на то, что социология начинает занимать все более и более упрочивающееся положение в ученом мире.

7. Чтение социологических курсов может иметь значение и в деле систематизации социологии. Как отмечал Н.И. Кареев, социология в конце XIX в. находится на той стадии развития, на которой уже чувствуется потребность в общем своде более или менее установившихся истин или по крайней мере в общей системе главных и основных вопросов⁴⁰.

8. Преподавание социологии требует составления особых программ и пособий. Н. Кареев писал: «В то самое время, как по другим наукам можно всегда указать на общие пособия вроде школьных учебников или университетских курсов, по социологии нельзя указать решительно ничего. Ищущему социологического образования путем так называемого домашнего чтения приходится, на первых порах, обращаться к целому ряду сочинений... для таких занятий требуется известная программа, а составить такую программу – значит как бы прямо наметить содержание систематического курса социологии»⁴¹.

9. Весьма существенным недостатком современной социологии, мешающим ее преподаванию, Н. Кареев считал отсутствие ее специфической терминологии. С одной стороны, отмечал он, одно и то же понятие обозначается различными словами. С другой стороны, одни

³⁹ См.: Там же. – С. 41.

⁴⁰ См.: Там же. – С. 42.

⁴¹ См.: Там же. – С. 44.

и те же термины очень часто употребляются в различных смыслах, а это, конечно также не может содействовать взаимному пониманию социологами друг друга. Очень часто в науку об обществе переносятся – без всякого изменения смысла или с некоторым изменением смысла – технические выражения, употребляющиеся в других науках. Понятно, писал Н. Кареев, что такое состояние социологического лексикона дает лишнее оружие в руки противников социологии как самостоятельной науки, могущей сделаться особым предметом преподавания⁴².

Кроме того, Н.И. Кареев считал первоочередными задачами социологического просвещения:

- отказ от всякого рода философствования при изучении общественных явлений и использование метода сравнительно-исторической индукции при накоплении и разработке фактического материала, необходимого для построения научных теорий;
- четкое определение своего места среди других наук через определение предмета, которым, по мнению ученого, все более становится теория эволюции социальных явлений; избавление от односторонности, присущей, например, органической теории общества и социологическому дарвинизму. Современное движение в социологии скорее приведет к сближению, а не к большему разъединению отдельных направлений;
- признание поправки к классификации наук О. Конта, связанной с включением психологии в разряд наук, предшествовавших социологии. По мнению Кареева, социология будущего выработается из научного синтеза биологических, психологических и экономических объяснений;
- утверждение отдельного и самостоятельного места социологии среди таких старых наук, как история, государствоведение, юриспруденция, политическая экономия;
- укрепление влияния социологии на постановку и решение разных исторических, политических, юридических и экономических вопросов. На общей социологической почве все более будут сближаться между собою отдельные общественные науки;
- использование общей наукой об обществе результатов частных наук⁴³.

⁴² См.: Там же. – С. 45–46.

⁴³ См.: Там же. – С. 49–50.

Такое развитие социологии как науки, по мысли Н.И. Кареева, окажет благотворное воздействие на преподавание этой дисциплины. Разрабатывая теоретическую модель, ученый обращался к опыту других общественных наук, искал те формы, которые могли бы быть полезны для социологического просвещения, а затем и образования.

Так, ученый позитивно оценивал преподаваемый проф. Н.М. Коркуновым курс энциклопедии права. Он писал, что введенный в этот курс значительный психологический и социологический материал поднимает его до «философской пропедевтики обществоведения». А дополнение используемых методов экономическим подходом позволяет придать этому достаточно спорному предмету университетского преподавания (как и социология!) значение настоящего социологического курса⁴⁴.

Н. Кареев соглашался с представлением американского социолога Гиддинга о том, что социология как предмет преподавания является своего рода пропедевтикой для лиц, изучающих другие общественные науки. Но, по мнению Кареева, социология не может быть ограничена ролью общего введения в данный круг наук. Особую роль социология играет как предмет общего образования, так как по своему значению с ней не может сравниться ни одна из частных наук.

Таким образом, Н.И. Кареев предложил теоретическую модель социологического просвещения для университетского образования представителей всех специальностей, построенную на сложном взаимоотношении социологии с другими общественными науками. В этой модели, с одной стороны, социология как предмет преподавания использует достижения других наук, являясь в то же время для них общей основой. С другой стороны, она призвана быть абсолютно самостоятельной наукой и предметом образования.

Теоретический подход М.М. Ковалевского к социологическому просвещению совпадал в общих чертах с разработками Н.И. Кареева, но отличался большей строгостью и продуманностью.

Его основу составляло убеждение ученого, что, во-первых, социологическое образование требует серьезной предварительной подготовки (просвещения) и достаточной эрудиции, и, во-вторых, оно не должно быть изолированным процессом, а осуществляться в тесной связи с развитием самой науки⁴⁵.

⁴⁴ См.: Там же. – С. 38–39.

⁴⁵ См.: Кукушкина, Е. И. Социологическое образование в России XIX – начала XX века. – С. 45–46.

Социология представляет собой «синтез всех конкретных наук об обществе»⁴⁶. М.М. Ковалевский пишет о том, что социологией интересуются представители точных наук – математики, физики, биологии. Историки также заинтересованы в создании научной дисциплины, синтезирующей и сводящей в систему их распадающуюся по необходимости на отдельные специальности работу. Спор между историками идет не о том, быть ли этой дисциплине вообще, а о том, в какой форме ей существовать: в форме философии истории или обществоведения. Социальные психологи, этнографы и географы включают в свои вопросы немало того, что относится к области социологии. В то же время, продолжает М. Ковалевский, многое, что написано Ф. Ратцелем или М. Колером, служит или материалом для социологии, или может войти в нее на правах отдельных глав. Д. Мак-Леннан и Л. Морган, сами того не зная, работали на пользу «новой науки об обществе». То же делали и делают, на сей раз сознательно, Ч. Ломброзо с его уголовной антропологией и Э. Ферри с его уголовной социологией. Ревнителем так называемой коллективной психологии, начиная от Г. Тарда и кончая С. Сигеле, также пишут начальные главы социологии. М. Ковалевский отмечает, что на звание социологов претендуют А. Эспинас, Дж. Романес и все те, кто занимается психологией и общественным бытом животных. Можно назвать социологами и тех философов, которые, как А. Фулье, посвящали целые тома изучению идей как движущих сил общества. Недаром тот же А. Фулье считал предметом новой науки природу, происхождение и развитие общества под влиянием различных причин: физических, биологических, психологических и, наконец, социальных. Совокупностью этих причин определяется, по его мнению, как организация, так и эволюция обществ. Немало также экономистов, готовых ввести хозяйственную жизнь в более широкую область социальной жизни вообще⁴⁷.

Таким образом, по мнению М.М. Ковалевского, как предмет теоретического просвещения социология может быть естественно воспринята и понята другими общественными и естественными науками. Ученый ввел понятие генетической социологии. Так, он писал: «Генетической социологией называют ту часть науки об об-

⁴⁶ См.: Ковалевский, М. М. Русская высшая школа общественных наук в Париже // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997. – С. 443.

⁴⁷ См.: Ковалевский, М. М. Социология на Западе и в России // Там же. – С. 105–106.

ществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право»⁴⁸.

М. Ковалевский отмечал, что вопросы генетической социологии, науки о происхождении общественных институтов, имеют особый смысл для русских ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося в их руках и далеко еще не разработанного, несмотря на целые поколения исследователей. Все стороны общественной жизни, подчеркивал ученый, тесно связаны между собой и воздействуют друг на друга. «Раскрыть это взаимодействие в прошлом, объяснить зарождение верований и учреждений составляет ближайшую задачу всякого социолога, всего же более того, кто посвятил свой труд генетической социологии»⁴⁹.

Открыв новое научное направление – генетическую социологию, Ковалевский сформулировал ее основные принципы и методы. Для него было ясно, что без данных генетической социологии не могут существовать другие науки. Так, он писал: «Конкретные науки об обществе, поставляя социологии материал для ее умозаключений, в то же время должны опираться свои эмпирические обобщения на те общие законы сосуществования и развития, какие призвана установить социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ»⁵⁰.

Социологическое просвещение не исключает, разумеется, параллельного изучения конкретных дисциплин об обществе; оно только вносит в существующий хаос систему и единство. М. Ковалевский отмечал: «Мы выходим из высших школ, посвященных общему образованию, с не координированными представлениями и о нравственном долге, предписываемом нам практическим разумом, и о хозяйственном расчете, подсказываемом нам себялюбием, и о праве, заключающем в себе веления, отвечающие пользе и нуждам государственным,

⁴⁸ См.: Ковалевский, М. М. Понятие генетической социологии и ее метод // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – Т. 1. – СПб., 1997. – С. 272.

⁴⁹ См.: Там же. – С. 272, 286.

⁵⁰ См.: Ковалевский, М. М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – С. 39.

и о религии, открывающей нам пути к вечному спасению. Едва ли хаотическое состояние наших основных понятий может иметь счастливый исход для практической деятельности. Социология, по крайней мере, способна была бы научить нас одному – необходимости искать в велениях и здравого эгоизма, и, по-видимому, противоречащего ему альтруизма, и в требованиях государственности, и в велениях церкви осуществление начал, подсказываемых нам заботой о сохранении и дальнейшем развитии общности»⁵¹.

Вопросы, которые поднимает генетическая социология, представлялись Ковалевскому слишком сложными, чтобы быть доступными пониманию начальной школы. Говоря о своей позиции в отношении изучения социологии в школе, он заявлял: «Я не сторонник составления для нее «ни политических, ни социальных катехизисов», вроде тех, какие изданы были французским министром народного просвещения Полем Бэром. Но я не вижу причины, по которой элементы социологии не могли бы войти в состав знаний, сообщаемых в сколько-нибудь систематическом виде ученикам средних школ. На западе нет недостатка в учебниках, составленных для этой цели»⁵².

Но главным очагом социологического просвещения, а в дальнейшем и социологической подготовки, разумеется, должны сделаться университеты. Чтение социологии в них М.М. Ковалевский предлагал поручить юридическому или историко-филологическому факультетам.

Действительно, социологическое просвещение началось в российских университетах в конце 1870-х годов с включения социологического материала в лекционные курсы профессоров. Профессора Харьковского университета – экономист Н.А. Милютин, химик П. Цитович, филолог А.А. Потебня – знакомили своих студентов (среди которых был и М.М. Ковалевский) с доктриной О. Конта, взглядами Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера. Впоследствии сам профессор М.М. Ковалевский читал лекции об эволюции общественных форм в Московском университете к 90-м годам XIX в. все большее число профессоров в Петербурге, Москве, Харькове прививали своим слушателям вкус к социологическим знаниям. В некоторых городах вводились спецкурсы по социологии в виде факультативов⁵³.

⁵¹ См.: Ковалевский, М. М. Социология на Западе и в России. – С. 106–107.

⁵² См.: Там же. – С. 107.

⁵³ См.: Кукушкина, Е. И. Социологическое образование в России XIX – начала XX века. – С. 37.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что в России было запрещено употреблять слово «социология», но не было запрещено реально преподавать социологические знания. Главное, чтобы в названии предлагаемых курсов не встречалось данное слово. Н.И. Кареев вспоминал, что в 1882 г. возглавлял ведомство народного просвещения И.Д. Делянов. «Однажды я объявил курс в университете под заглавием «Теория культурного процесса истории», но Делянов его вычеркнул из обозрения преподавания и заменил другим, по своему усмотрению. Я отправился к нему объясняться. «Да, да, да, – заговорил он, – помню, помню: у вас какое-то мудреное заглавие было». Я повторил заглавие. «Вот видите, – продолжал он, – я ведь не знаю, что это такое, а у меня могут спросить, я же не буду знать, что там читает профессор такой-то, войдите в мое положение». «Так выходит, – спросил я, – что вас смущает только название курса?» – «Да, да, название, название: «культурный», «процесс», как там еще?» «Значит, – заключил я, – под другим названием я могу читать этот курс?» «Да, все дело в названии. Читайте, что хотите, только чтобы не было повода меня спрашивать: а что такое читает этот профессор?» (курсив мой. – М. Б.). Я назвал курс исторической энциклопедией, и он был спасен»⁵⁴.

Такое латентное социологическое просвещение в российских учебных заведениях с первых шагов строилось почти исключительно на изучении основ позитивизма. Именно это, по мнению Н.И. Кареева, помогло М.М. Ковалевскому овладеть основами социологии и приехать в Европу уже не новичком в этой науке⁵⁵.

В конце XIX в. в дискуссию по вопросам социологического просвещения кроме Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского был вовлечен широкий круг ученых. Большинство из них сходились во мнении, что студенты университета, независимо от будущей профессии, все должны изучить общеобразовательный курс социологии. Наибольший интерес вызывала возможность соединения в комплексе юридического, экономического и исторического знания. Многие считали сближение наук полезным не только для улучшения преподавания, но и для развития каждой из них и построения на еди-

⁵⁴ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 182–183.

⁵⁵ См.: Кареев, Н. И. Введение в изучение социологии. 2-е изд. – СПб., 1907. – С. 55.

ной основе «величественного здания социологии – общей науки о человеческом обществе»⁵⁶.

Большой интерес и отклик в российских академических кругах в конце XIX в. вызвала идея объединения усилий социологов всех стран для совместного занятия социологическими вопросами. Это касалось в первую очередь деятельности Международного социологического института, основанного в 1893 г. в Париже. Принципиальные положения, сформулированные основателями института, представляли собой первую попытку определения специфики социологического мышления.

«1. Рассматривать все категории социальных фактов как тесно связанные между собой, не опуская ни одной из них в своих исследованиях.

2. При изучении каждой из них пользоваться более методом объективным, нежели субъективным, то есть наблюдать, классифицировать, делать наведения, вместо того, чтобы заниматься произвольным построением.

3. Вследствие этого стремиться к тому, чтобы хорошо узнать общественный мир, каков он есть, что одно позволит говорить, каким он мог бы и должен бы быть; изучать прежде, чем предпринимать реформы; знать, для того, чтобы действовать, но знать прежде, нежели действовать»⁵⁷.

Именно такие качества и методы предлагалось прививать всем специалистам, и особенно будущим профессиональным социологам.

Итак, первые теоретические модели социологического просвещения в России в конце XIX в. не предусматривали подготовку профессиональных социологов и полностью соответствовали ходу институционализации социологии как науки. Главный акцент в формировании этих моделей был поставлен на необходимость включения социологии в состав университетских учебных дисциплин для изучения студентами всех специальностей и на размежевание этой дисциплины с другими общественными науками. Эти теоретические модели были на практике опробованы в Высшей русской школе общественных наук в Париже.

⁵⁶ См.: Кукушкина, Е. И. Социологическое образование в России XIX – начала XX века. – С. 40.

⁵⁷ См.: Кареев, Н. И. Взгляд на современное состояние социологии. – С. 34–35.

1.3. Апробация просветительских моделей в деятельности Высшей русской школы общественных наук в Париже

Непосредственно парижскому опыту предшествовала деятельность так называемой московской группы обществоведов⁵⁸. В нее, кроме М.М. Ковалевского, входили С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров, А.И. Чупров. Все они (за исключением Ковалевского) закончили юридический факультет Московского университета, остались преподавать в нем, став впоследствии профессорами (Муромцев в 1875 г., Чупров в 1878 г., Гамбаров в 1884 г.). М.М. Ковалевский работал в Московском университете с 1877 г. доцентом, а с 1880 г. – профессором. Их связывала личная дружба, которую они сохранили на всю жизнь, а также особое понимание своего долга ученых-обществоведов. Эту московскую группу среди русских обществоведов можно было также назвать московскими европейцами. Каждый из названных ученых определенное время проработал в европейских университетах. С.А. Муромцев в качестве стипендиата Московского университета с 1872 по 1874 г. работал в Геттингенском университете под руководством профессора Рудольфа Йеринга, знаменитого немецкого юриста, основателя реалистического направления в изучении права. Известно, что Р. Йеринг стремился выявить универсальные принципы законодательства, а также социологически трактовал право как конфликт реальных интересов. Под влиянием учения Р. Йеринга находился и Ю.С. Гамбаров, который работал в университетах Германии с 1873 по 1878 г. для научного изучения права. Учителем А.И. Чупрова в Венском университете был Лоренц фон Штейн – знаменитый немецкий юрист, государствовед, экономист, снабжавший свои труды обширными историко-экономическими очерками. Его лекции охватывали всю совокупность государственных наук, приведенных им в стройную, глубоко продуманную систему. Этот ученый использовал метод сравнительно-исторического анализа правовых институтов Англии, Германии, Франции. Наконец, М.М. Ковалевский, находясь за рубежом в 1872–1876 гг., познакомился с деятельностью практически всех крупных университетов

⁵⁸ См.: Новиков, Н. В. Проекты социологизации. Программа московской группы // Российская социология: Историко-социол. очерки / Отв. ред. А.О. Бороноев, В.В. Козловский. – М., 1997. – С. 224–240.

Европы, установил личные и профессиональные связи с известными историками и обществоведами.

Именно московская группа выдвинула в конце 1870 – начале 1880-х годов программу теоретизации и концептуализации социальных наук на базе социологии. Идея социологизации обществоведения прямо вытекала из кантовской трактовки социологии как общей энциклопедической науки. По мнению ученых, социология призвана обобщать выводы частных социальных и исторических видов знания, устанавливать общие законы функционирования и развития общества. В свою очередь, эти общие законы должны использоваться частными науками, чтобы избавиться от собственного «ползучего эмпиризма». М. Ковалевский, С. Муромцев и Ю. Гамбаров выдвинули программу социологизации права и правоведения. Так, С. Муромцев считал, что правоведение должно полностью базироваться на исследовании социальных условий и социальных причин возникновения норм и институтов права, ибо само право есть социальное явление. Он писал: «Задача правоведения как науки состоит в том, чтобы изучать законы определенной группы социальных явлений, которые в своей совокупности составляют право. Поставленное таким образом правоведение должно стать отделом социологии»⁵⁹. Этот подход поддержал в своих работах и Ю. Гамбаров, он также использовал понятие «социология права»⁶⁰. Затем М. Ковалевский распространил принцип «основания частных наук на социологии» на другие социальные и исторические науки. В своем докладе (Париж, 1899 г.) на Международном конгрессе по вопросам сравнительного права он говорил, что история «не может обойтись без содействия той абстрактной общественной науки, которая называется социологией»⁶¹. В то время как социология вырабатывает свои обобщения, используя при этом данные и выводы конкретных наук, формулируемые ею «социологические законы» в свою очередь являются «путеводной нитью» для самих отдельных общественных дисциплин⁶². Программу социологизации обществоведения поддержали и другие ученые. Например, Е.В. де-Роберти еще в 1869 г.

⁵⁹ Муромцев, С. Что такое догма права? – М., 1880. – С. 7.

⁶⁰ См.: Гамбаров, Ю. С. Социологические основания института «negotiorum gestio». – М., 1880.

⁶¹ Ковалевский, М. Социология и сравнительная история права // Вестник воспитания. – 1902. – № 2. – С. 44.

⁶² См.: Там же. – С. 40.

в работе «Политико-экономические этюды» обосновал необходимость основания политической экономии на социологии. А в 1880 г. в книге «Социология» он предложил социологически изучать и индивидуальные явления сознания⁶³.

Программа социологизации обществоведения московской группы и разработанные Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским теоретические модели социологического просвещения сделали возможным их реализацию в рамках образовательного учреждения Высшая русская школа общественных наук в Париже (1901–1905 гг.).

Основателями той школы были известные российские социологи М.М. Ковалевский, Е.В. де-Роберти, Ю.С. Гамбаров. Задумана она была как своего рода просветительное учреждение, как группа специалистов при русском отделе Всемирной выставки 1900 г. Е. Семенов вспоминал, что за несколько месяцев до открытия Всемирной выставки корреспонденты русских газет в Париже собрались для обсуждения вопроса о своей профессиональной деятельности во время выставки. Е.В. де-Роберти, присутствовавший на этом собрании, высказал мысль о необходимости объединения русских журналистов во время работы выставки с целью создания центра русской интеллигенции в Париже. Снова эта идея прозвучала во время первого завтрака русских журналистов, устроенного в честь открытия выставки. Де-Роберти сформулировал ее несколько иначе: необходимость создания Россией своей национальной группы для организации на выставке лекций по всем отраслям знания, осмотров, практических прогулок по выставке и т. п.

Душой группы и непосредственным исполнителем идеи де-Роберти стал М.М. Ковалевский, который при непосредственном участии московского профессора Ю.С. Гамбарова сформировал русскую группу, функционировавшую во время работы выставки⁶⁴.

Выработанный русской группой устав во втором параграфе предусматривал цель «споспешествовать учреждению: а) международных высших школ научных знаний и международных университетов, б) постоянных центров научных международных сведений и личных сношений между русскими и иностранными учеными, литераторами и художниками»⁶⁵.

⁶³ Де-Роберти, Е. Социология. – СПб., 1880.

⁶⁴ См.: Семенов, Е. Высшая русская школа в Париже // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – С. 458–459.

⁶⁵ См.: Там же. – С. 460.

На основании этого параграфа инициаторы решили продолжать деятельность группы и по закрытии выставки. В течение 1900/01 учебного года в виде опыта они организовали при помощи парижского Общества взаимопомощи русским студентам ряд лекций и рефератов то во дворце Ученых обществ, то в зале французской Высшей социологической школы. Среди лекторов достаточно назвать таких профессоров, как И.И. Мечников, М.М. Ковалевский, Е.В. де-Роберти, Ю.С. Гамбаров, А.А. Исаев, И.В. Лучицкий, чтобы понять, каким успехом увенчался этот опыт. Тогда деятели русской группы после нескольких совещаний и переговоров с профессорами и учеными решили открыть постоянно действующее образовательное учреждение. Открытие Высшей русской школы социальных знаний было назначено к началу 1901/02 учебного года⁶⁶.

Н.И. Кареев писал, что был приглашен прочесть в школе несколько лекций зимой 1901/02 г. «Слушателей у нас была масса, принимавших нас, гастролеров из России, очень хорошо. Школе ее основатели и руководители хотели придать строго научный, чисто академический характер, чего школа, однако, с течением времени не выдержала»⁶⁷.

Говоря о задачах школы, Ковалевский указал на две главнейшие причины, сделавшие возможным ее существование. Во-первых, общественные вопросы приобрели в XIX и в начале XX столетия то же преобладающее значение, какое в XVI–XVII вв. имели вопросы религиозные, а в XVIII – политические. Во-вторых, со времени выхода в свет «Курса положительной философии» Огюста Конта открылась возможность построения цельной науки об обществе и был указан тот индуктивно-дедуктивный метод, с помощью которого она может быть создана⁶⁸.

Для М.М. Ковалевского было очевидно, что русская школа будет иметь в виду русскую действительность и русское прошлое. Но ни то ни другое не может быть понято без историко-сравнительного освещения, поэтому в программе школы присутствовали систематические курсы об общественном и политическом развитии других стран. Среди последних обязательными для всех школ социальных

⁶⁶См.: Там же.

⁶⁷Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 220.

⁶⁸См.: Ковалевский, М. М. Задачи русской высшей школы общественных наук // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – С. 438–439.

наук были курсы истории экономического развития Европы или ее политических учреждений⁶⁹.

Открытие школы стало крупным событием в жизни русского общества. В первые дни и недели пришло множество поздравлений из России. Как для основателей, так и для слушателей не было сомнения в том, что в Париже в рамках Русской школы открылся «настоящий социологический факультет»⁷⁰.

Привлекали условия приема: принимались все подавшие прошение, без каких-либо документов об образовании. Обучение в школе было бесплатным. С первых дней школа привлекла значительное число слушателей – до двухсот записавшихся после первой недели (в день открытия было всего 120). Больше половины слушателей, желавших учиться в школе, приехали специально с этой целью из России⁷¹.

Открытие школы нашло полное понимание во Франции. На торжественном открытии М.М. Ковалевский в своей речи подчеркнул, что в интересах сближения обеих стран (России и Франции) «мы сочли желательным привлечь в Париже все растущее число тех наших соотечественников, которые стремятся к изучению вопросов, наиболее волнующих современность»⁷².

Для поддержки деятельности школы во Франции был создан специальный комитет, в состав которого вошли многие влиятельные лица, в том числе и известные ученые А. Эспинас, Э. Реклю, Г. Тард. Администрация школы – перед законом – состояла из трех французов: писателя Поля Адана, депутата Андре Бертло и профессора Э. Дельбе. Благодаря назначению французских руководителей (директоров) школа получила легальный статус и была официально признана наравне со всеми другими вольными учреждениями страны, т. е. причислена к ведомству Министерства народного просвещения.

Интересен устав школы, текст которого был представлен, согласно законам, на санкцию французскому правительству. В первом параграфе говорилось об учреждении «школы высших социальных знаний» в Париже. Согласно параграфу второму лекции в школе читались преимущественно на русском языке. Параграф третий: пре-

⁶⁹См.: Там же. – С. 441.

⁷⁰См.: Семенов, Е. Высшая русская школа в Париже. – С. 467.

⁷¹См.: Там же. – С. 463.

⁷²См.: Там же.

подавание в школе состоит из: а) систематических курсов по различным отраслям общественных наук, б) конференций и дополнительных лекций; в) практических занятий, экскурсий и т. п.; г) опросов на различные темы и диспутов по ним. Параграф четвертый: кафедры школы свободны и самостоятельны, каждый профессор сохраняет направление и ответственность за свой курс в границах закона. Параграф пятый: студенты школы могут испрашивать свидетельства по окончании курса наук. Для их получения необходимо: представить три аттестата, выданных профессорами; написанную или напечатанную диссертацию, одобренную советом профессоров; защитить эту диссертацию на публичном диспуте⁷³. Остальные параграфы устава (с восьмого по десятый) содержали конкретные вопросы организации обучения слушателей.

В Высшей русской школе общественных наук были учреждены кафедры «по истории экономического и социального строя и религиозного, литературного и умственного движения в России». Говоря о включении в программу школы преподавания курса социологии, М.М. Ковалевский подчеркивал: «В нашей школе социология, как наука не сложившаяся, будет преподаваться более с точки зрения ее метода и научных задач. При изложении науки об обществе мы будем иметь в виду одновременно указания и на те вопросы, которые могут считаться более или менее решенными, и на те, которых нельзя не признать открытыми»⁷⁴.

В какой-то степени для М.М. Ковалевского было ясно, что сочетание систематических курсов с коллективным обсуждением отдельных вопросов обществознания позволит определить и утвердить статус социологии среди других общественных наук. Это положение было характерным для разработанной им теоретической модели социологического просвещения.

Кроме того, достаточно символичным, как считал русский ученый, был способ стараться изучать социологию там, где она зародилась, и в том городе и университете, где выбор профессоров по социальным предметам особенно богат. В процессе работы школы предполагалось знакомить слушателей не только с достижениями русской науки, но и с успехами социологии во Франции.

⁷³ См.: Там же. – С. 460–461.

⁷⁴ См.: Ковалевский, М. М. Задачи русской высшей школы общественных наук. – С. 441.

Не только личные убеждения М. Ковалевского, но, главное, общий настрой, который господствовал в школе, способствовали преподаванию социологии в духе позитивизма. Большинство профессоров, работавших в школе, «примыкало к позитивной философии Огюста Конта в ее широкой интерпретации такими учителями, как Дж. Ст. Милль, Э. Литтре, И. Тэн, Э. Ренан»⁷⁵.

Организаторы школы ставили своей задачей объединить различные дисциплины таким образом, чтобы дать слушателям целостное представление об обществе, его истории, культуре, государственных институтах. Высшими принципами преподавания были провозглашены научность и свободный обмен идеями. Одно из главных требований – систематичность преподавания и четкое определение границ предложенных обществоведческих дисциплин. Так называемые прикладные отрасли обществознания были отнесены к компетенции других высших профессиональных школ (юридических факультетов, школ архивистов, журналистов, дипломатов, промышленных и торговых школ).

Программы всех дисциплин строились так, чтобы помимо объявленных курсов слушатели имели возможность посещать отдельные лекции по наиболее важным проблемам (обычно в вечерние часы). Лекции Л.И. Мечникова, М.М. Ковалевского, Ю.С. Гамбарова, других профессоров пользовались огромным успехом у русской молодежи, приехавшей прослушать курс в медицинской школе или на юридическом факультете Сорбонны и испытывавшей недостаток знаний по истории, литературе, экономике. По сведениям В.П. Хопрова, на этих лекциях порой собиралось до 300–350 слушателей⁷⁶.

В учебный план школы входил широкий круг дисциплин: история, археология, география, этнография, статистика, экономика, мораль, политика, художественное творчество различных видов – от литературы и музыки до живописи и пластики. Ставилась задача показать, что связь между ними не является случайной, что «те конкретные знания, на которых возвышается еще не достроенное здание социологии» и которые рассеяны по разным школам, на самом деле объединены одной наукой «о законах, управляющих ростом ответственности».

⁷⁵ Цит. по: Семенов, Е. Высшая русская школа в Париже. – С. 466.

⁷⁶ См.: Хопров, В. П. Высшая русская школа общественных наук в Париже // Там же. – С. 471.

подавание в школе состоит из: а) систематических курсов по различным отраслям общественных наук, б) конференций и дополнительных лекций; в) практических занятий, экскурсий и т. п.; г) опросов на различные темы и диспутов по ним. Параграф четвертый: кафедры школы свободны и самостоятельны, каждый профессор сохраняет направление и ответственность за свой курс в границах закона. Параграф пятый: студенты школы могут испрашивать свидетельства по окончании курса наук. Для их получения необходимо: представить три аттестата, выданных профессорами; написанную или напечатанную диссертацию, одобренную советом профессоров; защитить эту диссертацию на публичном диспуте⁷³. Остальные параграфы устава (с восьмого по десятый) содержали конкретные вопросы организации обучения слушателей.

В Высшей русской школе общественных наук были учреждены кафедры «по истории экономического и социального строя и религиозного, литературного и умственного движения в России». Говоря о включении в программу школы преподавания курса социологии, М.М. Ковалевский подчеркивал: «В нашей школе социология, как наука не сложившаяся, будет преподаваться более с точки зрения ее метода и научных задач. При изложении науки об обществе мы будем иметь в виду одновременно указания и на те вопросы, которые могут считаться более или менее решенными, и на те, которых нельзя не признать открытыми»⁷⁴.

В какой-то степени для М.М. Ковалевского было ясно, что сочетание систематических курсов с коллективным обсуждением отдельных вопросов обществознания позволит определить и утвердить статус социологии среди других общественных наук. Это положение было характерным для разработанной им теоретической модели социологического просвещения.

Кроме того, достаточно символичным, как считал русский ученый, был способ стараться изучать социологию там, где она зародилась, и в том городе и университете, где выбор профессоров по социальным предметам особенно богат. В процессе работы школы предполагалось знакомить слушателей не только с достижениями русской науки, но и с успехами социологии во Франции.

⁷³ См.: Там же. – С. 460–461.

⁷⁴ См.: Ковалевский, М. М. Задачи русской высшей школы общественных наук. – С. 441.

Не только личные убеждения М. Ковалевского, но, главное, общий настрой, который господствовал в школе, способствовали преподаванию социологии в духе позитивизма. Большинство профессоров, работавших в школе, «примыкало к позитивной философии Огюста Конта в ее широкой интерпретации такими учителями, как Дж. Ст. Милль, Э. Литтре, И. Тэн, Э. Ренан»⁷⁵.

Организаторы школы ставили своей задачей объединить различные дисциплины таким образом, чтобы дать слушателям целостное представление об обществе, его истории, культуре, государственных институтах. Высшими принципами преподавания были провозглашены научность и свободный обмен идеями. Одно из главных требований – систематичность преподавания и четкое определение границ предложенных обществоведческих дисциплин. Так называемые прикладные отрасли обществознания были отнесены к компетенции других высших профессиональных школ (юридических факультетов, школ архивистов, журналистов, дипломатов, промышленных и торговых школ).

Программы всех дисциплин строились так, чтобы помимо объявленных курсов слушатели имели возможность посещать отдельные лекции по наиболее важным проблемам (обычно в вечерние часы). Лекции Л.И. Мечникова, М.М. Ковалевского, Ю.С. Гамбарова, других профессоров пользовались огромным успехом у русской молодежи, приехавшей прослушать курс в медицинской школе или на юридическом факультете Сорбонны и испытывавшей недостаток знаний по истории, литературе, экономике. По сведениям В.П. Хопрова, на этих лекциях порой собиралось до 300–350 слушателей⁷⁶.

В учебный план школы входил широкий круг дисциплин: история, археология, география, этнография, статистика, экономика, мораль, политика, художественное творчество различных видов – от литературы и музыки до живописи и пластики. Ставилась задача доказать, что связь между ними не является случайной, что «те конкретные знания, на которых возвышается еще не достроенное здание социологии» и которые рассеяны по разным школам, на самом деле объединены одной наукой «о законах, управляющих ростом ответственности».

⁷⁵ Цит. по: Семенов, Е. Высшая русская школа в Париже. – С. 466.

⁷⁶ См.: Хопров, В. П. Высшая русская школа общественных наук в Париже // Там же. – С. 471.

В 1901/02 учебном году читались следующие социологические курсы: «Курс общей социологии» Е.В. де-Роберти, «Социология в России» Н.И. Кареева. Среди систематических курсов – «Философия и методология общественных наук», «Всеобщая история и описательная социология», «Социальная криминология». В качестве дополнительных курсов предлагался, в частности, курс Л. Лакура «Феминизм и положение его в Европе и в мире вообще». Предусматривались практические работы по общественным наукам под руководством М. Ковалевского. На диспут был поставлен вопрос о техническом прогрессе и начале режима крупной промышленности⁷⁷.

Как собственно социологические курсы на следующий 1902/03 учебный год были поставлены «Социология по Огюсту Конту» Дельбэ (депутата, одного из учеников Конта); «Биология в применении к социологии» проф. Ле-Дантеля⁷⁸. В программе лекций с 1 по 15 февраля 1905 г. среди новых социологических курсов значился курс «Исторические основы социологии» проф. А.С. Трачевского⁷⁹. Такое малое по количеству число собственно социологических курсов нисколько не противоречило сущности школы как «первого социологического факультета».

Во-первых, социология в школе понималась как «синтез всех конкретных наук об обществе».

Во-вторых, в условиях острой нехватки времени и денег как у профессоров, так и у студентов основной задачей обучения могла стать только задача ознакомления слушателей с методами отдельных наук об обществе и иллюстрация этих методов на частных вопросах.

В-третьих, частая смена предметов была связана и оправдана той же частой сменой лекторов.

В-четвертых, преподавание в школе по примеру высших школ факультетов Франции никогда не носило характера того сообщения элементарных знаний по всем решительно вопросам, входящим в официальные программы, что являлось традиционным для российской образовательной системы.

⁷⁷ Семенов, Е. Указ. соч. – С. 462–463.

⁷⁸ См.: Русская высшая школа в Париже. Список главных курсов в 1902/1903 учебный год // Там же. – С. 479.

⁷⁹ См.: Ковалевский, М. М. Русская высшая школа общественных наук в Париже. – С. 443.

В-пятых, сочетание систематических курсов с коллективным обсуждением отдельных вопросов общественно-научного знания дало возможность восполнить неизбежные пробелы в отдельных вопросах.

Тем не менее М.М. Ковалевский считал, что прочитанных социологических курсов было достаточно для создания представления у слушателей об основах новой науки. Так, он писал: «Социология излагалась в нашей школе с самого момента ее основания известным более во Франции, чем в России, философом Евгением Валентиновичем де Роберти. Но рядом с ним в преподавании принимали участие и Г. Тард, и А. Эспинас, и Р. Вормс, и некоторые русские социологи и публицисты. Мне самому пришлось в течение двух лет знакомить моих слушателей с важнейшими из современных социологических систем»⁸⁰.

Работа профессоров со слушателями отличалась свободой и строилась полностью на принципе добровольности и заинтересованности студентов. Вот как формулировал задачи этой работы сам Ковалевский:

1. Руководить своими слушателями и слушательницами в их занятиях и выборе курсов для слушания, если бы они пожелали такого руководства.

2. Знакомить их лично только с общей постановкой преподаваемых им наук.

3. Читать им лишь специальные курсы в области этих наук.

4. Предложить практические занятия, имеющие цель ввести их в саму лабораторию науки и приучить к самостоятельной работе⁸¹.

Содержание преподавания и методы работы со слушателями школы были новаторскими и, несмотря на короткий период ее существования, стали ценным экспериментом по внедрению первых теоретических моделей социологического просвещения, разработанных Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским.

В деятельности школы был обобщен накопленный к тому времени европейский и американский опыт постановки социологического просвещения и образования. Многие идеи, которые «носились в воздухе», были восприняты организаторами школы и творчески воплощены в жизнь.

Среди таких идей, например, идея Рене Вормса об организации социологической лаборатории. В основе такой лаборатории, по мыс-

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Семенов, Е. Указ. соч. – С. 462–463.

ли автора, должна лежать идея объединения и сближения отдельных социальных наук. Социологическая работа не под силу изолированному ученому: в их распоряжении не имеется в достаточном количестве ни личных, ни материальных сил и средств. Социологическая лаборатория, считал Р. Вормс, должна быть учреждением постоянным, объединяющим работу социологов; здесь возможен постоянный, свободный и непосредственный обмен мыслями; ученые и учащиеся могли бы работать совместно — одни самостоятельно, другие по указаниям более компетентных; такая совместная работа двух поколений могла бы иметь весьма существенное научно-воспитательное значение.

Та же самая лаборатория могла бы сделаться местом конференций, где те или иные ученые делали бы сообщения о достигнутых ими результатах; здесь же такие научные рефераты могли бы и обсуждаться. Таким путем достигалась бы цель непрерывного и непосредственного обмена мыслями между научными силами, что и должно было бы вести к единству работы⁸².

Идею об организации социологической лаборатории Р. Вормс высказал в 1895 г. Как отмечал В.В. Ивановский в 1896 г., неизвестно, было ли осуществлено это предложение французами. Однако в каком-то смысле эта идея была реализована во Франции русскими в ходе организации и работы Высшей русской школы общественных наук.

В закрытии школы отчасти были виноваты и сами ее организаторы. В своих воспоминаниях Кареев писал: «К сожалению, наши газеты раздули значение этого предприятия, говоря о ней, как о настоящем организованном университете, дающем законченное высшее образование. Сколько было разочарований со стороны приезжавшей в Париж русской молодежи учиться в «Русском университете» и не бывшей в состоянии по совершенному незнанию французского языка учиться в настоящих парижских высших школах»⁸³. Это слабое место понимал и сам М.М. Ковалевский. Так, он писал: «Наши программы, несомненно, были бы еще разнообразнее, если бы мы имели возможность воспользоваться в полном объеме теми предложениями сотрудничества, которые идут к нам от наших французских собратьев. Однако молодежь, прибывающая к нам, благодаря скверной

⁸² См.: Ивановский, В. В. Социология как наука и как предмет преподавания во Франции // Там же. — С. 121–122.

⁸³ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. — С. 220.

постановке в русских классических гимназиях и реальных школах преподавания новых языков, является решительно неспособной следить за курсами, читаемыми иностранцами. Нам пришлось завести в нашей школе добавочное преподавание французского, английского и немецкого языков»⁸⁴.

Были разочарования и с иной точки зрения. Как рассказывал Н.И. Кареев, одна из его петербургских знакомых получила письмо от своего юного сына из Парижа «с жалобой на то, что приезжие русские профессора читали в Париже так, как будто бы и не переезжали русской границы, короче говоря, не призывая к революции»⁸⁵. Данная жалоба, конечно, не могла относиться к такому лектору, как В.И. Ульянов (Ленин), прочитавшему в школе 10–13 февраля 1903 г. лекции по аграрному вопросу⁸⁶. По словам современника событий, ленинские «лекции и реферат, по-видимому, произвели сенсацию»⁸⁷ среди той части студентов, которые готовились к революции.

Эти настроения студентов были известны и официальным кругам в России. Царское правительство действительно считало школу в Париже «семинаром по революции»⁸⁸ и сделало все необходимое, чтобы ее ликвидировать. М. Ковалевский вспоминал, что при его свидании в 1906 г. с главой русского правительства С.Ю. Витте тот поинтересовался судьбой школы. Когда Ковалевский ответил, что она закрыта, Витте «с улыбкой заметил, что причина закрытия ему хорошо известна»⁸⁹.

Тем не менее, подводя итоги, следует подчеркнуть, что в деятельности Высшей русской школы общественных наук в Париже можно выделить две взаимосвязанные стороны: она была жизненной потребностью всего мирового социологического сообщества и практической реализацией тех теоретических моделей социологического просвещения, которые были разработаны выдающимися русскими социологами Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским.

⁸⁴ Ковалевский, М. М. Русская высшая школа общественных наук в Париже. — С. 444.

⁸⁵ См.: Кареев, Н. И. Указ. соч. — С. 220.

⁸⁶ См.: Ленин, В. И. Полн. собр. соч. — Т. 7. — С. 107, 599.

⁸⁷ См.: Ленинский сборник. — Т. XIX. — С. 223.

⁸⁸ См.: История философии в СССР / Под ред. В.Е. Евграфова, М.Т. Иовчука. В 5 т. — М., 1971. — Т. 4. — С. 115.

⁸⁹ Ковалевский, М. М. Моя жизнь // История СССР. — 1969. — № 4. — С. 60.

Итак, публицистический период в развитии русской социологии привел первых социологов к необходимости продумать конкретные шаги социологического просвещения. Следует подчеркнуть тот факт, что от публикации статей с целью ознакомления широкой общественности с основами новой науки социологи постепенно перешли к латентному ее преподаванию в университетах. Практика введения социологических знаний в университетское образование нуждалась в подкреплении теоретическими моделями, позволяющими преподавателям выстроить стратегию и тактику нового учебного курса. Первые теоретические модели, разработанные Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским, были ориентированы на студентов всех специальностей, ставили целью формирование навыков социологического мышления и социологического видения процессов, происходивших в российском обществе. Профессора не отказывались включать социологические сюжеты в свои публичные лекции, так как считали, что от благоприятного общественного мнения зависит судьба не только социологии как науки, но и перспективы российского социологического образования.

Социологическое образование в начале XX века

2.1. Характеристика социальной реальности начала XX века

В конце XIX – начале XX в. отношение официальных властей к социологии не изменилось. Н.И. Кареев вспоминал, что на одном из социологических конгрессов председательствовал Л. Уорд. От своих русских коллег Л. Уорд узнал, что первый том русского перевода его «Динамической социологии» был уничтожен цензурой, вероятно, по сходству одного слова в заглавии с динамитом, а другого – с социализмом. А П.Ф. Лилиенфельд рассказал, как, будучи лифляндским губернатором, он приводил в исполнение приказ об изъятии из общественных библиотек собственной книги «Мысли о социальной науке будущего» с инициалами П. Л., принятыми за инициалы Лаврова¹.

Опыт работы Высшей русской школы общественных наук в Париже не остался невостребованным. Весной 1905 г. из лиц, принадлежавших к петербургскому отделу союза профессоров, была образована академическая комиссия под председательством Н.И. Кареева по выработке нового устава высшей школы. В комиссию вошли профессоры: П.Ф. Лесгафт, Н.О. Лосский, А.А. Брандт, Н.Н. Герпет, И.М. Гревс, Н.М. Книпович, Г.Ф. Морозов, В.В. Половцев, Н.И. Рачинский, В.Ф. Сологуб, В.В. Скобельцин, П.К. Янковский. Проект устава вольной высшей школы был составлен по образцу устава Высшей русской школы общественных наук в Париже. В нем было отражено стремление широких кругов университетской общественности к либерализации высшего образования: отмене сословных, имущественных, возрастных и других ограничений при поступлении в высшие учебные заведения, расширению университетской автономии². После публикации проекта в прессе было организовано его широкое обсуждение. На страницах газеты «Право» Н.И. Кареев в течение сентября 1905 г. печатал материалы, разъясняющие отдельные стороны предлагаемой

¹ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990. – С. 219.

² См.: Кареев, Н. И. Проект главных оснований общего устава высших учебных заведений. – Одесса, 1905.

реформы: «Какой нам нужен университетский устав?»³, «Для чего должна существовать высшая школа?»⁴, «Как нужно было бы организовать прохождение курса высшей школы?»⁵, «Какое положение в высшей школе должны занимать ее студенты?»⁶, «В каких формах желательно правильное общение профессоров и студентов?»⁷, «В чем может осуществляться академическая свобода для студентов?»⁸, «Не пора ли высшей школе широко открыть двери не для одних студентов?»⁹, «Чем должна быть в идее высшая школа?»¹⁰, «Должно ли существовать раздельное преподавание для мужчин и женщин?»¹¹. Эти многочисленные публикации дают представление об обстоятельности подхода ученого. В газете «Биржевые ведомости» было помещено интервью с Н.И. Кареевым о новом университетском уставе¹². В газете «Страна» в 1906 г. была продолжена полемика по поводу высшего образования. Н.И. Кареев опубликовал статьи «Высшая школа после 1861 года»¹³, «Из истории наших университетских уставов»¹⁴, а также

³ См.: Кареев, Н. И. Какой нам нужен университетский устав? // Право. – 1905. – № 172. – 3 (16) сент. – С. 1.

⁴ См.: Кареев, Н. И. Должно ли окончание курса в высшей школе давать какое-либо право? // Там же. – № 173. – 4 (17) сент. – С. 1.

⁵ См.: Кареев, Н. И. Как нужно было бы организовать прохождение курса высшей школы // Там же. – № 175. – 6 (19) сент. – С. 1.

⁶ См.: Кареев, Н. И. Какое положение в высшей школе должны занимать ее студенты? // Там же. – № 176. – 7 (20) сентября. – С. 1.

⁷ См.: Кареев, Н. И. В каких формах желательно правильное общение профессоров и студентов? // Там же. – № 177. – 8 (21) сент. – С. 1.

⁸ См.: Кареев, Н. И. В чем может осуществляться академическая свобода для студентов? // Там же. – № 178. – 9 (22) сент. – С. 1.

⁹ См.: Кареев, Н. И. Не пора ли высшей школе широко открыть двери не для одних студентов? // Там же. – № 179. – 10 (23) сент. – С. 1.

¹⁰ См.: Кареев, Н. И. Чем должна быть в идее высшая школа? // Там же. – № 180. – 11 (24) сент. – С. 1.

¹¹ См.: Кареев, Н. И. Должно ли существовать раздельное преподавание для мужчин и женщин? // Там же. – № 183. – 14 (27) сент. – С. 1.

¹² О новом университетском уставе (Мнение проф. Н.И. Кареева) // Биржевые ведомости. – 1905. – № 1005. – 31 авг.

¹³ См.: Кареев, Н. И. Высшая школа после 1861 г. // Страна. – 1906. – № 1.

¹⁴ См.: Кареев, Н. И. Из истории наших университетских уставов // Там же. – № 4.

серию политико-академических писем. Обсуждение данного проекта выявило две линии в решении вопроса о создании вольных учебных заведений. Первая была представлена мнением проф. К.А. Тимирязева, который предлагал создать структуру негосударственного образования параллельно существующей государственной (и, конечно, по образу и подобию последней)¹⁵. Вторая линия была представлена позицией М.М. Ковалевского, который считал, что новая структура должна не повторять, а дополнять и корректировать существующее университетское образование.

В чем именно должна заключаться корректировка, можно было понять по попытке М.М. Ковалевского в 1905 г. прочесть впервые в России свой курс социологии на курсах по биологическим, педагогическим и социальным наукам при Биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта. Однако по решению Министерства народного просвещения во главе с гр. И.И. Толстым дисциплина «Социология» в представленном учебном плане была заменена дисциплиной «Энциклопедия права». Таким образом, была воспроизведена ситуация конца XIX в. – открыто социологию в России преподавать было нельзя. По воспоминаниям Н.И. Кареева, читавшего в заведении П.Ф. Лесгафта общеобразовательные исторические курсы, само это учреждение представляло собой «так называемый народный университет. Аудитория здесь была наполовину из учащейся молодежи и вообще из образованной публики, другая – из рабочих. В такой аудитории лектору приходилось не удовлетворять одну половину слушателей, в случае элементарного изложения, и другую, когда лектор предполагал в своих слушателях очень многое уже известным»¹⁶. Тем не менее курсы пользовались успехом, особенно со стороны рабочих. Курсы просуществовали до 1907 г., были закрыты после смерти П.Ф. Лесгафта и вновь открыты в 1910 г. Но все дисциплины, читаемые на курсах, находились под жестким контролем государства и полностью соответствовали типовым программам высших учебных заведений¹⁷.

Идеи альтернативной высшей школы были воплощены в Московском городском народном университете, инициатором и энтузи-

¹⁵ Тимирязев, К. А. Академическая свобода // Наука и демократия. – М., 1963. – С. 18–20.

¹⁶ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 252.

¹⁷ См.: Воробьева, Ю. С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века. – М., 1994. – С. 52.

астом создания которого был Альфонс Леонович Шанявский. Летом 1905 г. Шанявский обратился к известным ученым и общественным деятелям А.И. Чупрову и М.М. Ковалевскому с просьбой помочь в нелегком деле создания «вольного учебного заведения». По замыслу Шанявского, народный университет призван служить делу распространения просвещения, привлечению симпатий народа к науке и знанию. К обучению могли допускаться лица обоего пола без различия национальности и вероисповедования. Плата за слушание лекций должна быть по возможности минимальной. В университете предусматривались занятия по всем отраслям знаний. Лекции должны были читаться не только на русском языке, а преподавать – лица обоего пола и вне зависимости от подданства, с ученой степенью и без нее, но известные своими трудами в науке. Поступающие могли не предоставлять ни документа о среднем образовании, ни справки о политической благонадежности. И главное: университет не должен был подчиняться Министерству народного просвещения¹⁸. 15 сентября 1905 г. А.Л. Шанявский обратился в Московскую городскую думу с предложением принять в дар принадлежавшее ему в Москве домовладение для устройства и содержания на доходы с него народного университета. Хотя для осуществления проекта от казны не требовалось ни рубля, со стороны государственных органов немедленно началось противодействие. Особенно настойчиво препятствовали делу министры народного просвещения и внутренних дел, их раздражало понятие «вольный», воспринимавшееся как «неблагонадежный». Но, к счастью, благодаря участию В.К. Рота, С.А. Муромцева, Н.М. Перепелкина, М.М. Ковалевского, Н.В. Сперанского, М.В. С.В. Сабашниковых, А.И. Чупрова дело вызвало большой общественный резонанс. Борьба за народный университет продолжалась 3 года. 9 июня 1908 г. Государственная дума большинством голосов утвердила законопроект, постановив при этом присвоить Московскому городскому народному университету имя А.Л. Шанявского¹⁹. 18 июня 1908 г. законопроект рассматривался на заседании Государственного совета. А.Ф. Кони, завершая блестящую речь в защиту университета и просвещения, сказал: «Я ходатайствую перед Государственным

¹⁸ См.: Воробьева Ю.С. Как был создан университет имени Шанявского. Вопросы истории. – 1977. – № 8. – С. 209.

¹⁹ См.: Государственная дума. 3-й созыв. Стенограф. отчеты 1908 г. Сессия Ч. 3: заседания 61–98 (с 7 мая по 28 июня 1908 г.). – СПб., 1908. – Стб. 2433.

советом ввиду возвышенности целей покойного Шанявского и ценности вклада, сделанного им на пользу русского просвещения, об утверждении проекта Думы целиком, без сомнений и колебаний, не ставя препон хорошему делу и относясь к русскому человеку с тем же доверием, с которым отнесся к нему Альфонс Леонович Шанявский»²⁰. М.М. Ковалевский произнес речь в защиту университета, обратив внимание на те тяготы, какие приходится преодолевать в России молодежи, желающей получить высшее образование. Он подчеркнул, что теперь требуется одобрение Государственного совета, «чтобы первопрестольная столица обогатилась учреждением, от которого зависит, разумеется, развитие просвещения России, а следовательно и благоденствие нашего отечества»²¹. Государственный совет одобрил законопроект, принятый Государственной думой, а 26 июня 1908 г. император утвердил Положение об учреждении в Москве Народного университета.

1 октября 1908 г. в Московской городской думе состоялось торжественное открытие университета. Актовую речь произнес проф. П.Г. Виноградов²², а на следующий день лекцией профессора А.Ф. Фортунатова по статистике начались учебные занятия²³.

В первый учебный год университет еще не имел отделений, преподавание осуществлялось по двум циклам: общественно-исторические и общественно-юридические науки. Кроме того, эпизодические курсы вели приглашенные преподаватели. На постоянной основе работали только 11 человек, в том числе члены Попечительного совета и правления: Л.А. Комаровский, Н.М. Кулагин, А.Н. Реформатский, А.А. Кизеветтер, С.А. Муромцев. В 1911 г. штат пополнился за счет ряда профессоров и приват-доцентов Московского университета, покинувших его в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо. Среди них бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов, профессора В.М. Хвостов, Е.Н. Трубецкой, М.А. Мензбир, К.А. Тимирязев

²⁰ См.: Государственный совет. Стенограф. отчеты. 1907–08 гг. Сессия 3: Заседания 1–44 (1 нояб. 1907 – 5 июля 1908 г.). – СПб., 1908. – Стб. 1930.

²¹ См.: Там же. – Стб. 1958.

²² См.: Сперанский, Н. В. Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Ист. справка. – М., 1913. – С. 20–34.

²³ Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1908–1909 акад. год: 1-й год. М., 1909. – С. 4.

и другие²⁴. Общая численность преподавателей в 1913/14 учебном году составляла 185 человек, большая часть которых были лучшими представителями российской науки²⁵.

Обучение в университете велось на двух отделениях: академическом, которое давало высшее образование, и научно-популярном.

Научно-популярное отделение начало действовать только в 1910 г. и по замыслу являлось подготовительным. Здесь предлагались знания в объеме средней школы. Учебные планы строились так, чтобы за четыре года подготовить слушателей к получению высшего образования на академическом отделении. Академическое отделение, предназначавшееся для тех, кто уже имел подготовку в объеме средней школы, состояло из трех циклов: естественно-исторического, общественно-юридического и историко-философского. Полный курс каждого цикла составлял три года обучения. Все занятия проводились с 17 до 22 часов, чтобы дать возможность учиться тем, кто днем работал. В соответствии с замыслом Шанявского от поступающих не требовалось свидетельств о благонадежности, сословной принадлежности, цензовом образовании. Без ограничения принимали женщины. Плата за обучение была минимальной. Согласно Положению об университете слушатели, прошедшие полный курс обучения, не получали диплом, им выдавалось удостоверение. Однако, по воспоминаниям современников, выпускники МГНУ им. А.Л. Шанявского высоко ценились на бирже труда²⁶.

Слушателям предоставлялась возможность получить фундаментальные знания по максимальному кругу дисциплин, в том числе и по тем, которые не имели аналогов в казенных университетах. Например, социология в качестве учебной дисциплины преподавалась слушателям второго года обучения историко-философского цикла. В учебных планах значился курс «Социология – часть историческая», преподавать ее, скорее всего, мог проф. М.М. Ковалевский. Кроме того, были заявлены курсы «Теория исторического процесса и методология истории», «История этических учений», их авторство, безусловно, принадлежало проф. В.М. Хвостову, лекции которого по данной тематике

²⁴ См.: Кизеветтер, А. А. Университет имени Шанявского // На чужой стороне: ист.-лит. сб. 3. – Берлин; Прага, 1923.

²⁵ См.: Московский городской университет имени А.Л. Шанявского. Отчет (за 1908–1915 гг.). – М., 1909–1916.

²⁶ См.: Кизеветтер, А. А. Указ. соч. – С. 176–177.

слушали студенты Московского университета. Кроме того, проводились практические занятия по философии позитивизма²⁷.

В университете были разработаны гибкие, постоянно совершенствовавшиеся учебные планы. При необходимости слушатели академического отделения могли составлять индивидуальные планы обучения. Кроме лекций, по всем предметам велись практические занятия и семинарии. Для оптимизации учебного процесса использовались социологические методы. Ежегодно среди слушателей проводилось специальное анкетирование по широкому кругу вопросов. Обобщая и анализируя полученные результаты, профессорско-преподавательский состав корректировал структуру и содержание лекционных курсов, вводил новые предметы, оптимально группировал их на соответствующих курсах, уточнял круг дисциплин, по которым проводились практические занятия и семинарии. Для России того времени это была небывалая форма сотрудничества профессуры со студентами²⁸.

При университете работали профессиональные курсы, которые были организованы по специальностям, востребованным населением. Среди них были курсы по общественному содействию мелкому хозяйству, кооперации, библиотечному делу, холодильному делу, педагогические. Как отмечалось в отчете университета за 1914/15 учебный год, эти курсы предназначались «для подготовки практических деятелей в разных сферах общественной деятельности; дальнейшего научного развития лиц, уже занимающихся в той сфере деятельности, по которой устраиваются курсы; для более широких слоев населения с целью ознакомить их с современным состоянием разных научных вопросов»²⁹.

Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского просуществовал до 1918 г. и за эти годы в полной мере реализовал себя и как учебное заведение, и как своеобразный просветительский центр. Именно в рамках такого учреждения оказалось особо удачным применение просветительской модели социологического образования.

²⁷ См.: «Начинание на благо и возрождение России»: Создание университета имени А.Л. Шанявского: Сб. документов / Под ред. Н.И. Басовской, А.Д. Степанского. – М., 2004. – С. 22.

²⁸ См.: Басовская, Н. И., Крушельницкий, А. В. Традиции и альтернатива в университетском образовании России // Гуманитарные науки. – М., 1995. – С. 156.

²⁹ См.: Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1914–1915 академический год; VII год. – М., 1915. – С. 2–3.

2.2. Позитивистская модель социологического образования

Надежда на скорое внедрение преподавания социологии в России позволила ученым совершенствовать свои учебные программы.

Если в начале XX в. Н.И. Кареев полностью углубился в вопросы реформирования российского высшего образования, то М.М. Ковалевский обобщил свой опыт преподавания социологии как учебной дисциплины и выпустил две книги. Так, в 1905 г. вышла книга «Современные социологи», которая, по словам автора, «может служить вступлением к изучению современных социологических систем»³⁰.

Первая часть книги посвящена психологической школе в социологии в лице таких ее представителей, как Г. Тард и Ф. Гиддингс. Во второй части социология представлена как наука, имеющая свои собственные законы, изучением которых занимаются такие авторы, как Л. Гумплович, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм. Среди тех авторов, кто исследует влияние отдельных факторов на социальную эволюцию, М.М. Ковалевский назвал С. Бугле (политика), Б. Кидда (религия), Коста (народонаселение). В третьей части исследована экономическая школа в социологии, представленная, в первую очередь, доктриной экономического материализма. М.М. Ковалевский подробно рассматривает на примере концепции итальянского экономиста А. Лориа возможности приложения учения К. Маркса и Ф. Энгельса к объяснению хода исторического развития человечества. Наконец, в последней, четвертой, части книги представлена антропосоциологическая школа в лице таких ее представителей, как Ж.А. де Гобино, Ж.В. де Лапуж, О.Ф. Амон, А. Вакаро, и географическая школа, представленная концепцией итальянского социолога А. Маттеуцци³¹.

Надо отдать должное Ковалевскому, критически проанализировавшему основные произведения и переосмыслившему концепции всех представленных авторов. Однако в книге не упоминаются русские исследователи, и факт отсутствия имен отечественных социологов дал возможность современникам критиковать представленную работу. М. Ковалевский учел критику и через три года, представив

³⁰ Ковалевский, М. М. Предисловие // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 30.

³¹ См.: Ковалевский, М. М. Современные социологи // Там же. – СПб., 1997. – Т. 2.

суд читателей еще одну книгу – «Социология», в предисловии к ней считал необходимым написать следующее: «Если социология не представлена в России ни в университетском преподавании, ни в журналистике, особым изданием, специально посвященным ее задачам, то социологическая мысль давно проникла в среду русских историков, экономистов и публицистов. С именами Строева и Лаврова, Лилиенфельда, Михайловского, Кареева и Южакова неразрывно связано представление о пионерах в этой области человеческого знания в России. К этим именам следовало бы еще прибавить имя Е.В. де Роберти, несравненно более известного на берегах Сены, чем на берегах Невы»³². По словам самого Ковалевского, эта книга включает в себе переработку курсов, прочитанных автором в различных учебных заведениях России и, конечно, в Высшей русской школе общественных наук в Париже. Ее строение в целом соответствует просветительской концепции социологического образования. В первой части книги анализируются взаимоотношения социологии с другими конкретными науками об обществе: философией, историей, этикой, психологией, правом, этнографией и политической экономией. Родоначальник социологии О. Конт считал социологию наукой о порядке и прогрессе человеческих обществ. Современные социологи, несмотря на критику и поправки к учению Конта, замечает Ковалевский, «верны пониманию социологии как науки о порядке и прогрессе или, точнее, организации и эволюции общества»³³. Верность О. Конту означает для социологов верность положениям позитивизма, разделявшим социологию на две ветви – социальную статику и социальную динамику и признававшим для этой науки тот же метод, что и для точных наук – метод так называемой обратной дедукции.

Отчетливее всего природа социологии проявляется в ее отношении к конкретным наукам об обществе. М.М. Ковалевский четко определяет, что «конкретные науки об обществе, поставляя социологии материал для ее умозаключений, в то же время должны опираться своими эмпирическими обобщениями на те общие законы сосуществования, которые призвана устанавливать социология»³⁴. Отсюда следует вывод, что и сами конкретные науки, давая объяснение эволюционного процесса, происходящего в области изучаемых ими

³² Ковалевский, М. М. Предисловие // Там же. – Т. 1. – С. 30–31.

³³ Ковалевский, М. М. Социология // Там же. – С. 35, 39.

³⁴ Там же. – С. 57.

явлений, не могут обойтись без содействия социологии, играя по отношению к ней подчиненную роль. «Эта та роль, которая подобает всем вообще конкретным общественным наукам или, точнее, дисциплинам, по отношению к контролирующей их выводы и сводящей их в систему абстрактной науке человеческого общежития»³⁵.

Во второй части книги дается очерк истории социологических систем. В отличие от предыдущей книги «Современные социологи» здесь М.М. Ковалевского интересуют не столько сами социологи и их идеи, сколько социологические концепции, начиная от родоначальников О. Конта и Г. Спенсера. В социологической системе Конта ученый выделяет его стремление уйти от монизма, характерного для первоначального этапа развития социологии. «Конт останавливается на мысли о взаимодействии психических, экономических, политических и эстетических факторов, или, точнее, само понятие фактора отсутствует в его толковании истории и заменяется рядом воздействующих друг на друга или противодействующих одно другому явлений»³⁶. Несомненной заслугой Спенсера-социолога М. Ковалевский считает построение генетической социологии. «Когда от органической теории государства не останется никаких или почти никаких следов, "Основания социологии" по-прежнему будут служить образцом для всех, кто, помощью сравнительно-исторического метода ищет ответа на вопросы происхождения и развития человеческого общества»³⁷. В своей книге Ковалевский дал беглый обзор школ современных ему социологов. Психологическая школа в социологии была дополнена подробным анализом концепции американского социолога Л. Уорда, уточнившего предмет социологии как «общественное творчество человека».

В конце книги Ковалевский изложил основы и метод генетической социологии как того «раздела социологии, который в последнее время подвергся особенно тщательной обработке и привлек всеобщее внимание»³⁸. Во-первых, идея генетической социологии органично воспринята и понята другими конкретными науками. Во-вторых, «вопросы генетической социологии, науки о происхождении общественных институтов, имеют особый интерес для русских видов чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося

³⁵ Там же. – С. 130.

³⁶ Там же. – С. 187.

³⁷ Там же. – С. 253.

³⁸ Ковалевский, М. М. Предисловие // Там же. – С. 30.

их руках и далеко еще не разработанного, несмотря на целые поколения исследователей»³⁹. В-третьих, с помощью генетической социологии легко показать, что все стороны общественной жизни тесно связаны между собой. «Раскрыть это взаимодействие в прошлом и объяснить зарождение верований и учреждений и составляет ближайшую задачу всякого социолога, всего же более того, кто посвятил свой труд генетической социологии»⁴⁰.

Таким образом, не оставляя цель – ознакомить широкие круги читателей с основными задачами обществознания, М.М. Ковалевский в двух книгах последовательно излагает идеи и систему позитивизма, закладывая основы позитивистской модели социологического образования.

Е.В. де-Роберти, как и М.М. Ковалевский, излагал свои социологические знания разной аудитории и во многом усовершенствовал их. По мнению М.М. Ковалевского, к 1905 г. взгляды де-Роберти «на задачи социологии значительно изменились с того времени, когда в сообществе с Литтрэ и Вырубовым он посвящал себя пропаганде основ положительной философии и печатал в посвященном ей журнале в Париже свои замечательные статьи по социологии»⁴¹. Так, например, программа курса «Общая социология» де-Роберти впервые была издана на французском языке в 1905 г. По своему содержанию она соответствовала курсу, который он читал в Новом Брюссельском университете, в Свободном колледже социальных наук в Париже, а затем в Психоневрологическом институте⁴². Особенность этой программы состояла в том, что она отвечала собственной социологической концепции ученого.

В первой части программы (разделы I–III) содержатся предварительные замечания, определения и характеристики развития социологической науки. Ученый ставит проблему научного возраста социологии, проводит основное различие между обществознанием и социологией. Здесь же дается краткий экскурс в историю знаний об обществе начиная с древности до начала XX в. Особым образом

³⁹ Ковалевский, М. М. Социология // Там же. – С. 272.

⁴⁰ Там же. – С. 286.

⁴¹ Там же. – С. 31.

⁴² Де-Роберти, Е. В. Общая социология. Программа курса, читаемого в Психоневрологическом институте на общеобразовательном факультете // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. – Т. IX. – 1912. – Вып. 1; Де-Роберти, Е. Новая постановка основных вопросов социологии. Избр. труды / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: АЛЕТЕЯ. – 2008. – С. 479–486.

выделяет де-Роберти вопросы преподавания социологии в современных университетах и вольных высших школах. Завершает историко-социологический обзор учение «неопозитивной школы». Ученый обращает внимание на участие в обосновании социологии всех факторов общественной жизни. Выделяет проблему социологического детерминизма в изучении общественных явлений, ставит задачу конкретной разработки обильного социологического материала.

В своей программе Е.В. де-Роберти подчеркивает сложность общественных явлений, их обусловленность не только деятельностью людей, но и влиянием космической, биологической, психологической, исторической сред. Ученый ставит вопрос о параллельном изучении психологической и исторической сред и вытекающем из этого решении вопроса о формировании личности и ее отношении к общественным группам.

В соответствии с формирующейся у ученого неопозитивистской позицией формулируется вопрос о специфическом характере общественных фактов, необходимости их генетической классификации. Ставится проблема выработки более точной социологической терминологии. Предлагается новая классификация наук: науки абстрактные, конкретные и прикладные.

Ученый обращает особое внимание на необходимость уточнения предмета социологии. Существует тройное определение социологии как науки о соборном опыте, как науки о психологическом взаимодействии людей и как науки об общественных группах и личностях.

Раздел IV своей программы де-Роберти посвящает схематическому изложению главного содержания курса и знакомит слушателей с теорией трех сфер бытия – физико-химической, органической и сверхорганической. Каждая из них характеризуется возрастанием сложности и взаимообусловленности явлений. В связи с этим автор дает общую характеристику периодов развития общества. В исторический период господствовала физико-химическая сфера с преобладанием явлений первичных психофизических взаимодействий. В исторический период сложилась органическая сфера явлений, взаимодействия стали носить сначала психологический, а затем социальный характер. Автор выделяет четыре основных вида общественной мысли: 1) знание как потенциальная свобода; 2) философия (и религия) как потенциальное единство (или единомыслие); 3) искусство как потенциальная красота жизни; 4) действие и прикладная свобода, как прикладное единомыслие (согласованное поведение), как осуществленная красота жизни (добро).

В разделах V–VI де-Роберти приводит основные положения общей социологии, полностью соответствующие его биосоциальной концепции. Речь идет о коллективном опыте как причине образования социума и (в результате обмена этим опытом) возникновения истинного знания. Оно постоянно пополняется, совершенствуется, верифицируется и формирует сверхорганическую реальность.

В следующей части программы (разделы VII–X), разбирая варианты появления и роста надорганической сферы через обмен знаниями и коллективным опытом, автор характеризует четыре фактора культуры, т. е. мысли, или знания. В первый он включает мысль аналитическую и гипотетическую. С ее помощью происходит социализация объекта исследования, решается проблема объективности и субъективности познания. Во второй – мысль синтетическую и аподиктическую. С ее помощью создается теория миропонимания как одна из главных составных частей общей социологии. В третий фактор автор включает мысль синкретическую и символическую. С ее помощью раскрывается общественная роль искусства, формируется эстетика как одна из важнейших составных частей общей социологии. Наконец, четвертый фактор составляет мысль практическая и телеологическая. С ее помощью совершается деятельность умозрительная (созерцательная) и деятельность практическая.

Последняя часть курса (раздел XI) посвящена методам (в терминологии автора – концептам), руководящим изучением сверхорганической реальности. Здесь де-Роберти рассматривает превращение концептов ума в законы явлений и обратное превращение законов явлений в концепты ума.

В заключение автор приводит обширный перечень литературы, рекомендуемой слушателям для самостоятельного изучения. Тематически эта библиография делится на три части. Первая включает книги, имеющие, по мысли автора, характер кратких руководств по изучению социологии. Среди них – произведения Л. Гумпловича, Э. Дюркгейма, Бугле, де Греефа, Г. Тарда, Э. Гидденса, Г. Лебона и др. Вторая часть содержит работы более широкого характера. Среди них есть сочинения классиков социологии (О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Тарда, Г. Зиммеля), вышедших к тому времени на русском языке. Завершают библиографию труды русских социологов. Де-Роберти советует прочитать «Социологию», «Современные социологи» М.М. Ковалевского, «Введение в изучение социологии», «Основные вопросы философии истории» Н.И. Кареева. Рекомен-

дует «Социологические этюды» С. Южакова, «Мысли о социальной науке будущего» П. Лилиенфельда, «Герои и толпа» Н. Михайловского, «Задачи позитивизма» П. Лаврова, «Основные вопросы марксизма» Г. Плеханова. Это социологические работы. С другой стороны, в списке присутствуют работы общего плана, например книги П.Н. Милокова «Очерки по истории русской культуры».

Конечно, представленная программа «Общей социологии» Е.В. де-Роберти сложна для восприятия, очень обширна и содержит немало философских пассажей. Фактически автор излагает свою социологическую схему, мало посвящая времени изложению других позиций в отношении представлений о предмете, методах и задачах социологии. К этим сюжетам он возвращается эпизодически, в порядке критики. Безусловно, этот теоретический курс затруднял понимание слушателями социологии, а отдельные темы нуждались в обсуждении на семинариях. Однако нельзя не признать, что это уже не просветительская программа профессиональной подготовки построенная на основах позитивизма и формирующих принципах неопозитивизма.

2.3. Опыт социологического образования на первой кафедре социологии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева

Следующая попытка ввести официальное преподавание социологии была предпринята в связи с открытием Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. Устав данного учебного заведения определял его как «ученое и высшее учебное заведение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии, неврологии, а также сопредельных с ними наук»⁴³. В п. 2 Преамбулы устава были конкретизированы основные предметы преподавания: «Согласно важнейшим специальностям, которые входят в область неврологии и психологии, в Психоневрологическом институте читаются по мере возможности курсы: исторический, философский, психологический, анатомический, биолого-физиологический, п-

⁴³ См.: РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 801. – Л. 29–34об. Цит. по: Акименко, М. А., Шершеневский, А. М. История института им. В.М. Бехтерева (на основе архивных материалов). – Ч. 1. – СПб., 1999. – С. 14.

тологический, антропологический, гигиенический, педагогический, врачебно-педагогический, психопатологический (с психиатрической клиникой), невропатологический (с клиникой для нервных болезней), психотерапевтический, физикотерапевтический. Всего 15 различных курсов. Кроме того, Совету института предоставлялось право по мере развития научных знаний вводить и другие научные дисциплины. Заведование курсами возлагалось на профессоров института, избираемых Советом института. Наряду с курсами, в институте разрешалось и чтение публичных лекций по предметам, относящимся к деятельности института»⁴⁴.

Первоначально курс института был рассчитан на два года. Предметы, предназначенные для преподавания, разделялись на три секции: философско-педагогическую, криминальную, психиатро-неврологическую. Предполагалось, что в каждую секцию, помимо специальных научных дисциплин, будет входить основная группа наук, общая для всех трех секций. Студенты выбирали одну из указанных секций. В основную секцию, помимо других предметов, должен был входить курс общей социологии, а в криминальную – курс уголовной социологии⁴⁵. Однако вскоре структура института была изменена. По воспоминаниям Н.И. Кареева, после закрытия в 1907 г. курсов Лесгафта М.М. Ковалевский поставил перед В.М. Бехтеревым задачу принять слушателей этих курсов и обеспечить максимальное приближение их обучения к университетской программе. В такой постановке вопроса М.М. Ковалевский видел возобновление в рамках Психоневрологического института парижской Высшей русской школы⁴⁶. Таким образом, в рамках новой концепции срок обучения в институте увеличился с двух до трех лет. Предметы общего цикла теперь преподавались на первом и отчасти на втором курсе обучения, после чего происходила окончательная специализация студентов по секциям криминалогической, психологической и медицинской. Студенты института из числа действительных слушателей, выдержавших итоговый экзамен, получали диплом, а вольнослушатели – свидетельство о прослушанном курсе⁴⁷.

Негосударственный характер финансирования, трехлетний срок обучения, довольно либеральные принципы приема вне зави-

⁴⁴ Там же. – С. 14–15.

⁴⁵ Там же. – С. 30–31.

⁴⁶ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990. – С. 253.

⁴⁷ Акименко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 38.

симости от вероисповедания, пола, национальной принадлежности, возможность при ряде условий слушать неполный курс придавали институту тот характер свободного, вольного учебного заведения, статусом которого обладала Высшая русская школа общественных наук в Париже.

Официальное открытие Психоневрологического института состоялось 3 февраля 1908 г. Проф. В.М. Бехтерев во вступительной речи отметил, что это учебное заведение дает «своим слушателям такое образование, на котором сосредоточен в комплексе ряд биологических, неврологических, исторических и общественных наук»⁴⁸. Причем среди общественных наук студентам будет преподаваться социология. Обоснование этого публичного заявления давалось с двух сторон – научной и общественной. «Представьте себе человека обездоленного судьбой, отягощенного самыми тяжелыми экономическими и общественными проблемами. Можем ли мы понять это состояние, взявшись за изучение только мозга или психики данной личности?» – спрашивал ученый⁴⁹. Кроме того, В. Бехтерев подчеркивал, что высшая школа, готовя юристов, математиков, архитекторов, техников, путейцев, «как-то упускает из виду, что впереди всего должен быть сам человек и что для государства и общества, кроме профессиональных деятелей, нужны еще лица, которые понимают, что есть человек... какое значение в его жизни должны иметь идеалы в обществе, влияющие и формирующие массовое сознание»⁵⁰. Вслед за ректором с докладами выступили проф. В.А. Вагнер, М.М. Ковалевский, Е.В. де-Роберти. Причем, тема выступления последнего была обозначена как «Задачи социологии». Это выступление настолько важно, что представляется необходимым привести его основные положения. Де-Роберти поддержал заявление В.М. Бехтерева следующей начальной фразой: «Мысль положить в основу изучения сложных явлений человеческого духа, наряду с науками биологическими ... и науки общественные, носящие еще название "нравственных, юридических и политических" и объединяемые – уввы, пока еще *in spe*, чем *realiter!* – общей социологией, – эта мысль одна из наиболее верных и плодотворных, какая только могла зародиться в уме ученых, стоящих на вершине высоко-

⁴⁸ Бехтерев, В. М. О задачах Психоневрологического института. – СПб. 1908. – С. 4.

⁴⁹ Там же. – С. 6.

⁵⁰ Там же. – С. 14.

горы современного знания»⁵¹. В первую очередь, это касается признания того, что существуют два разряда факторов: факторы жизненные, или биологические, и факторы общественные, или социологические. «Они постоянно влияют друг на друга, изменяют друг друга, берут верх друг над другом, подчиняются друг другу, гармонично согласуются и сжимаются между собою или вступают в ожесточенную междоусобную борьбу»⁵². Без основательного знания и должного учета, с одной стороны, биологического фактора, а с другой стороны, социологического никакая научная психология нелепима. Поэтому современная психология, как считал ученый, не может в своих исследованиях обойтись без правильной помощи, без постоянного содействия социологии. «Психология должна опереться на социологию как на прочное, незыблемое основание, должна исходить в своих выводах и заключениях из данных, предварительно добытых социологическими наблюдениями и исследованиями»⁵³. Главная задача социологии, объединяющая все остальные, «состоит в открытии законов, управляющих возникновением, образованием и постепенным развитием высшей, надорганической или духовной формы мировой энергии»⁵⁴. По мнению Е.В. де-Роберти, социология есть «основная наука о духе в природе, с его высшей кульминационной точкой, познанием. ... Только постепенное раскрытие законов духа и знания может привести к раскрытию законов нашей деятельности и поведения, этой живой ткани, из которой соткана вся история человечества»⁵⁵. В своей речи ученый последовательно отстаивал идею полной научной самостоятельности социологии, основанной на неопозитивизме: «Современный социолог стремится поднять эмпирическое знание на высоту точной теории и таким путем изменить коренным образом, рационализировать различные технологии, включая сюда и нравственную, и юридическую, и политическую, и экономическую, которые управляют практической

⁵¹ Де-Роберти, Е. В. Задачи социологии. Прочитано на торжественном открытии Психоневрологического института в Петербурге 3 февраля 1908 г. // Вестник знания. – 1908. – № 7–8. Цит. по: Де-Роберти, Е. Новая постановка основных вопросов социологии. Избранные труды / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2008. – С. 215.

⁵² Там же. – С. 218.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. – С. 219.

⁵⁵ Там же. – С. 220.

деятельностью человека, его поведением»⁵⁶. В то же время «руководящая социологическая гипотеза» позволяет видеть и другим наукам в «надорганическом явлении не что иное, как длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое взаимодействие», которым «обуславливаются возможность и действительное наступление коллективного или соборного опыта», который сохраняется и постоянно передается от поколения к поколению с помощью таких средств, как «язык, устная речь, а затем письменность, предание или традиция, обучение, воспитание, преподавание»⁵⁷. Как происходит общественная эволюция? Точный ответ на этот вопрос может дать «социологический закон, одновременно генетический и динамический, охватывающий всю совокупность общественных переживаний, устанавливающий их взаимную связь, их зависимость друг от друга, объясняющий, с одной стороны, происхождение и образование этих явлений, а с другой – весь ход их дальнейшего развития»⁵⁸. Этот закон, как считал де-Роберти, дает общую схему эволюции, построенную на «широком историческом наведении». Согласно данному закону, социализация органической особи соответствующим союзом или группой совершается в двух последовательных, непосредственно примыкающих друг к другу стадиях эволюции. В первой, докультурной, соединении людей или органическая множественность – род, племя – переходят в более высокое, надорганическое единство – общину, гражданственность. Одновременно с этим органическое единство (эгоизм, паразитизм) стремится превратиться в социальную множественность (сначала в форме группового эгоизма и группового паразитизма, узкого патриотизма и чудовищной эксплуатации одной общественной группой всех других, а затем в форме настоящего альтруизма, кооперации, солидарности). Во второй, культурной и вполне исторической, стадии происходит медленная дифференциация главных общественных факторов. Здесь первой и глубокой основой всякой культуры, всякого общественного прогресса является знание. Состоянием или уровнем знания всецело обуславливается и определяется в каждой общественной среде (будь то целый народ, или отдельный класс, или избранное меньшинство) характер религиозных верований и философских или общих идей господствующих в данной среде. Эти общие верования и идеи дают

⁵⁶ Там же. – С. 222.

⁵⁷ Там же. – С. 224.

⁵⁸ Там же. – С. 227.

свою очередь, содержание и направление искусству, непосредственно зависящему от чувств, возбуждаемых в той или иной общественной среде ее основными воззрениями на мир. Наконец, последнее звено в длинной цепи культурных социальных переживаний и вместе с тем конечная цель наших усилий и стремлений – действие, труд, поведение – обуславливаются и определяются в главных чертах и подробностях всеми предшествовавшими идеологическими факторами, в указанном порядке их постепенного развития⁵⁹. Таким образом, в этой краткой речи де-Роберти не только обосновал необходимость изучения социологии, но и показал эволюцию социологического знания – переход от гносеологических позиций позитивизма к гносеологическим позициям неопозитивизма, доказал практическую необходимость использования «руководящей социологической гипотезы» для всех наук и, пожалуй, на тот момент главное – необходимость включения дисциплины «Социология» в учебные планы нового учебного заведения.

Столь явный акцент на новой науке социологии, сделанный во вступительных речах на открытии института, а также два часа занятий, выделенных на курс социологии в учебном плане⁶⁰, вести который собирались М.М. Ковалевский и Е.В. де-Роберти, в недавнем прошлом политические эмигранты, вызвали недоумение в Министерстве народного просвещения. Ведь до этого времени официально курс социологии в учебных заведениях не преподавался. От В.М. Бехтерева потребовали официальных разъяснений, которые и были им даны со ссылкой на пункт 2 устава института, особо подчеркнув, что чтение курса социологии «соответствует общей схеме наук, допущенных к преподаванию»⁶¹. На этом инцидент был временно исчерпан.

Но после того как кресло министра народного просвещения занял А.Н. Шварц, отношения снова обострились. В своих воспоминаниях В.М. Бехтерев приводит следующий эпизод о визите в министерство: «Когда при одном случае в кабинете Шварца случайно зашел вопрос о читаемом у нас курсе социологии, министр не выдержал и с раздражением произнес: “Какая может быть там социология? Нет такой науки,

⁵⁹ Там же. – С. 227–229.

⁶⁰ См.: Учебный план Психоневрологического института за 1-й семестр 1908 г. // Акимченко М.А., Шершеневский А.М. История института им. В.М. Бехтерева. – Ч. 1. – С. 51.

⁶¹ РГА. – Ф. 733. – Оп. 145. – Д. 97. – Л. 165–165об. Цит. по: Акимченко М.А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 52–53.

а если что и есть, то одна болтовня!»⁶². В каком-то смысле в таком отношении были виноваты и сами социологи, которые в то время не могли достаточно четко определиться с предметом новой науки.

По замыслу организаторов в Психоневрологическом институте были созданы три секции: философско-педагогическая, криминальная, психиатро-неврологическая. Предусматривалось обучение слушателей в течение двух лет. На заседании Совета Психоневрологического института 1 октября 1907 г. Максим Максимович Ковалевский был избран профессором по кафедре социологии⁶³. На этом же заседании профессором по кафедре уголовной социологии был избран Сергей Константинович Гогель. В первом варианте учебного плана среди предметов основной группы наук, которые читались всем трем секциям, был заявлен курс общей социологии. Дополнительно в криминальной секции был заявлен курс по уголовной социологии. В пояснительной записке к учебному плану указывалось, что в первую очередь читается основная группа наук, и она является обязательной для всех поступающих в институт. Во вторую очередь студенты слушают специальные предметы по вышеуказанным секциям⁶⁴.

Таким образом, курс общей социологии был заявлен в учебном плане Психоневрологического института с момента его основания. Этот курс имел статус обязательной дисциплины для всех студентов, независимо от их будущей специализации⁶⁵.

При последующей корректировке учебного плана в связи с переходом на трехлетний цикл обучения в группе общих наук (читаемых всем секциям на первом году обучения) остался курс общей социологии⁶⁶. Чтение данного курса было поручено проф. М.М. Ковалевскому. Вот как он пишет об этом в предисловии к «Социологии»: «Из всех свободных высших школ, возникших за последнее время в Петербурге, один Психоневрологический институт озаботился вклю-

⁶² См.: Бехтерев, В. М. Автобиография. – М., 1928. – С. 60.

⁶³ См.: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 27.

⁶⁴ См.: Там же. – С. 30–31.

⁶⁵ В книге Добренькова В.И., Кравченко А.И., Гутнова Д.А. «Социологическое образование в России» (М., 2009. С. 662–663) допущена неточность. По мнению авторов, курс социологии не был заявлен в первом варианте учебного плана, а в дальнейшем этот курс был определен в качестве одного из общих предметов только философско-педагогической секции.

⁶⁶ См.: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 40.

чением в свой устав статьи, делающей возможным преподавание в нем социологии. Ввиду этого я поспешил принять с благодарностью предложение президента этого института и совета профессоров вступить в их среду. В течение двух лет я имел честь преподавать социологию в этом новом и многообещающем учреждении»⁶⁷.

В помощь М.М. Ковалевскому на заседании Совета института 2 февраля 1908 г. Е.В. де-Роберти был избран профессором кафедры социологии⁶⁸. Таким образом, вплоть до 1910 г. на кафедре социологии работали два профессора – М.М. Ковалевский и Е.В. де-Роберти. Согласно расписанию занятий на 1-м курсе в 1908 г., де-Роберти читал курс «Социология» (1 час), а Ковалевский – курс «Общая социология» (1 час)⁶⁹. Кроме преподавания и работы на кафедре социологии, М.М. Ковалевский активно включился в проект, выдвинутый в 1908 г. В.М. Бехтеревым, по организации чтения публичных лекций⁷⁰.

Популярность института была огромной. Как отмечал в своих воспоминаниях Н.И. Кареев, «широта программы, отсутствие всякой казенщины и знаменитой процентной нормы для евреев сделали общеобразовательные курсы при Психоневрологическом институте очень популярными, вследствие чего они быстро наполнялись большим количеством слушателей... Отрицательные стороны в этом учреждении тоже были, между прочим, в студенческой среде, где было немало проявлений невысокой культурности»⁷¹.

В 1909 г. по ходатайству студентов Совет института вновь занялся пересмотром учебных планов. Дело в том, что существовавший учебный план не давал возможности окончившим институт получить права, соответствовавшие правам студентов университетов. Ввиду этого студенчество стало ходатайствовать, чтобы специальные секции были преобразованы в соответствующие факультеты. Предполагалось в новом варианте оставить основные курсы биологических и гуманитарных наук (в том числе и социологию. – М. Б.), которые являлись отличием институтского учебного плана и вызывали в аудиториях живейший интерес. Советом института были образо-

⁶⁷ Ковалевский, М. М. Социология // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 30.

⁶⁸ См.: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 50.

⁶⁹ См.: Там же. – С. 51.

⁷⁰ См.: Там же. – С. 70.

⁷¹ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 253.

ваны специальные факультетские комиссии для разработки нового учебного плана. Решено было психологическую и педагогическую секции преобразовать в педагогический факультет с словесно-историческим и естественно-историческим отделениями. Криминологическую секцию постановлено превратить в юридический факультет, а психиатрическую секцию – в медицинский⁷².

В 1910 г. Совет института продолжал заниматься разработкой учебного плана. Особенно много пришлось поработать комиссии над учебным планом так называемого основного факультета, создавшегося из первых двух курсов, которые вначале назывались основными курсами, а затем общеобразовательными. По предложению профессоров В. А. Вагнера и Н. И. Кареева этот факультет должен был носить пропедевтический характер для всех слушателей института, давая им ту общеобразовательную подготовку, которая явилась бы основой их дальнейшей специализации. Такая постановка вопроса коренным образом отличала Психоневрологический институт от других высших учебных заведений университетского типа. Избранный декан основного факультета профессор А. Ф. Лазурский так определял его задачи: «Основной факультет Психоневрологического института ставит свои собственные задачи и должен обнимать совокупность наук, дополняющих общее образование, причем центральное положение среди них занимают науки о человеке». В итоге было окончательно решено, что все студенты института в течение двух лет будут проходить общеобразовательные курсы, сдавать экзамены, а затем по своему желанию могут избирать один из специальных факультетов. В учебном плане среди наук, которые в обязательном порядке должны изучить, а затем сдать экзамены студенты 10-го курса, обозначена дисциплина «Социология»⁷³.

В 1910 г. деканом словесно-исторического отделения педагогического факультета был избран профессор всеобщей истории Н. И. Кареев. В своих воспоминаниях об этом периоде он писал, что больше занимался организационными вопросами, «убедив многих ученых специалистов, что дело может быть серьезным и полезным, благодаря чему состав профессоров получился весьма приличный, тогда как сна-

⁷² ЦГА СПб. – Ф. 2555. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 20б. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 80.

⁷³ Там же. – Л. 20б.; 30б.; 4. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 82–84.

чала многие относились к институту (называвшемуся в шутку неврилогическим) с большим сомнением и даже насмешкой»⁷⁴.

Когда в 1910 г. проф. М. М. Ковалевский стал деканом вновь созданного юридического факультета, кафедру социологии возглавил проф. Е. В. де-Роберти. Об этом назначении Ковалевский написал следующее: «За последние два года Е. В. де-Роберти принял участие в преподавании социологии в Психоневрологическом институте. С нынешнего года оно всецело переходит в его руки; можно надеяться, что ему удастся своими лекциями содействовать образованию недостающей еще школы русских социологов»⁷⁵. К недельному часу лекций прибавился еще час проведения семинарских занятий⁷⁶. В семинариях обсуждались актуальные вопросы, часть из которых была поднята в лекциях, например вопрос о понимании эволюции и прогресса в современных социологических доктринах⁷⁷. По мнению П. А. Сорокина, семинарий пользовался успехом у студентов.

На заседании Совета Психоневрологического института 17 октября 1913 г. вновь речь шла о программе преподавания на основном факультете. Еще раз было подтверждено, что «Основной факультет должен давать сведения общего характера, а не специальные знания, устанавливая у себя по каждому предмету краткий, но цельный курс. Следовательно, программы и планы Основного факультета не должны быть тождественны программам и планам специальных факультетов»⁷⁸. Такая постановка вопроса давала возможность преподавания социологии независимо от выбранной студентами специализации. Появлялась реальная возможность, говоря словами Н. И. Кареева, избавить дисциплину от психологической, исторической, педагогической и другой окраски.

Кстати, как отмечалось в памятной записке министру народного просвещения Л. Кассо, учебный план и вся постановка преподава-

⁷⁴ См.: Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 253.

⁷⁵ Ковалевский, М. М. Социология. – С. 31.

⁷⁶ См.: Гервер, А. В. Отчет о состоянии и деятельности Психоневрологического института за 1911 г. – СПб., 1913. – С. 33.

⁷⁷ См.: Сорокин, П. А. К вопросу об эволюции и прогрессе: Доклад, прочитанный в Психоневрологическом институте в семинарии профессора Е. В. де-Роберти. – СПб., 1911.

⁷⁸ Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. – 1916. – Вып. 5. – С. 31–61. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 159–160.

ния на основном факультете к этому времени имели благоприятные результаты. Благодаря внедрению в учебный план двухгодичного образовательного, без разделения на факультеты курса, с которого обязательно начинали студенты всех факультетов, были преодолены несовершенства образования, полученного ими в средних образовательных учреждениях. Слушатели имели возможность сознательно избрать соответствующую их индивидуальности и дарованиям специальность. Наряду с лекционным способом преподавания в институте проводились обязательные практические занятия в семинариях и лабораториях на всех факультетах. Этим был устранен абсентеизм (уклонение от учебы), которым страдали другие высшие учебные заведения. Но главное: была осуществлена основная задача всякого высшего учебного заведения – достигнуто действительно в больших размерах усиление интереса к науке со стороны учащихся. На этой почве установилась прочная и близкая связь между профессурой и студенчеством; благодаря этой связи и авторитету профессорской жизни института протекала спокойно⁷⁹.

Данная памятная записка была подготовлена Советом института в связи с намерением министра народного просвещения Л. Кассо закрыть в 1913 г. Психоневрологический институт из-за участия учащихся института в студенческих беспорядках в Петербурге. Дело в том, что в докладной записке С.-Петербургского градоначальника Драчевского говорилось, что в этих беспорядках на первом месте стоит Петербургский университет, а на втором – Психоневрологический институт с его левой профессурой. Резолюция императора Николая II на данном докладе была такова: «Какая польза от этого института России. Желая иметь обоснованный ответ»⁸⁰. Понятно, что ответ Л. Кассо о пользе института был отрицательным. Поэтому в начале 1914 г. шла упорная борьба за сохранение института, в которой были задействованы все ведущие профессора, в том числе Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский. Наконец, 2 июля 1914 г. Совет министров, рассмотрев на особом заседании вопрос о Психоневрологическом институте, вынес окончательное решение – отказать министерству народного просвещения в ходатайстве о закрытии института и обязать министерство «пересмотреть устав института и внести в него все необходимые изменения, для

⁷⁹РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 801. – Л. 59–61. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 162.

⁸⁰Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 164.

обеспечения правильного течения занятий в институте и соответствия учебных его программ, внутреннего строя, а также прав и обязанностей слушателей, обычно предъявляемых в этих отношениях к прочим высшим учебным заведениям требованиям»⁸¹. Вообще 1914 г. был трудным для Психоневрологического института. Во-первых, в высших сферах решался вопрос о его закрытии. Во-вторых, в год начала мировой войны в ряды армии были призваны многие его преподаватели и очень многие студенты. Чувство глубокой скорби и резкого протеста со стороны профессуры института вызвало удержание в Австрии в плену декана юридического факультета проф. М.М. Ковалевского. Вместе с тем к концу 1914 г. в составе института числилось 52 профессора и 36 преподавателей. Читались лекции и велись практические занятия на всех факультетах: основном, педагогическом, юридическом и медицинском. Деканом словесно-исторического отделения педагогического факультета оставался проф. Н.И. Кареев, деканом юридического факультета – проф. М.М. Ковалевский, которого на время его отсутствия заменял проф. С.К. Гогель⁸². Осенью 1914 г. в число студентов было принято 1104 человека, их них 883 мужчины и 221 женщина. В этом году в связи с войной была закрыта возможность русским молодым людям продолжать обучение в зарубежных университетах, поэтому в институт поступили многие студенты зарубежных университетов. Всего в институте в это время числилось 3000 студентов⁸³.

В 1915 г. педагогический факультет был перестроен. Появились естественно-исторический и словесно-исторический факультеты, и при них обоих было учреждено самостоятельное педагогическое отделение. Лекции и практические занятия шли полным ходом. Осенью 1915 г. на разные факультеты института были зачислены 2538 слушателей. Вместе со студентами прошлых лет к началу 1915 учебного года в институте числилось 7187 человек, из них 5253 мужчин и 1934 женщины. В связи с таким большим числом слушателей первый курс основного факультета был разбит на две параллельные группы, для занятий этого курса был снят большой

⁸¹РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 801. – Л. 85–104. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 179.

⁸²ЦГА СПб. – Ф. 2555. – Оп. 1. – Д. 98. – Л. 125–126. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 180–181.

⁸³Там же. – Д. 1. – Л. 9об. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 181–182.

зал Тенишевского училища⁸⁴. Все большее число слушателей имело возможность ознакомиться с основами социологии.

В 1915–1916 учебном году читались следующие лекции по социологии. На основном отделении на 1-м курсе дисциплину «Социология» читал К.М. Тахтарев (3 часа), и после смерти Е.В. де-Роберти курс «Социология» (1 час) продолжил читать М.М. Ковалевский⁸⁵.

Тем не менее работа по изменению устава института была продолжена. Особая комиссия в составе членов совета министра народного просвещения П.А. Некрасова и А.А. Иностранцева и попечителя Петроградского учебного округа Н.К. Кульчицкого, заслуженных профессоров университетов подготовила новый устав Психоневрологического института. В новом уставе была строго разграничена деятельность института как учебного учреждения и как высшего учебного заведения. Цель деятельности института – высшего учебного заведения была определена как распространение гуманитарных, естественно-исторических и медицинских знаний с подробным изучением психологии и неврологии. Понятно, что особого места социологии в этом перечислении не находилось. Кроме того, претензии частного высшего учебного заведения дать такой же статус своим студентам, как у студентов государственных университетов, давали возможность ограничить его деятельность следующими условиями: 1) преподавание в институте должно вполне соответствовать университетскому; 2) он должен находиться под контролем Министерства народного просвещения; 3) условия приема в него должны быть установлены Министерством народного просвещения. Что касается основного факультета, то, признавая необходимость промежуточного звена между средней и высшей школой, новый устав предусматривал согласование учебных планов с соответствующими университетскими. Только в этом случае окончание института даст право учащимся подвергнуться испытаниям для получения университетского диплома. Понятно, что если преподавание социологии не было официально введено в российских университетах, то согласовывать учебную программу этого курса было не с чем, и тогда мог быть поставлен вопрос (в соответствии с уставом) о необходимости и правомерности этой дисциплины.

⁸⁴ Там же. – Л. 10–11 об. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 185–186.

⁸⁵ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 81. – Л. 4–7 об. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 212.

Проанализировав деятельность института, комиссия пришла к выводу, что при том развитии, которого достигли состоящие при Психоневрологическом институте высшие курсы, в состав которых входили все главные части университета – словесно-исторический, естественно-исторический, юридический и медицинский факультеты – есть возможность присвоить курсам наименование Частного петроградского университета⁸⁶.

Таким образом, в 1916 г. при Психоневрологическом институте был открыт Частный петроградский университет. С введением нового устава на первых порах сохранились прежний учебный план института, весь преподавательский состав, все студенты, поступившие в институт до введения нового устава. Осталось неприкосновенным все богатое разнообразие учебной жизни: лекции, семинарии, лаборатории, научные студенческие кружки. Общее руководство университетом было получено Совету Психоневрологического института под председательством президента института ак. В.М. Бехтерева. В 1916 г. лекции и практические занятия велись на всех уже вполне законченных в смысле организации факультетах: основном, медицинском, словесно-историческом, естественно-историческом и на отделениях: педагогическом и химико-фармацевтическом. В том же году были организованы новые научные студенческие кружки: по изучению России, по изучению Англии, по общественной медицине и др. Всего в том году работало 29 научных студенческих кружков под руководством профессоров и преподавателей института и состоявшего при нем университета⁸⁷.

В устоявшейся структуре университета по-прежнему предусматривалось основное отделение, которое должны были закончить все слушатели, независимо от выбранного затем факультета. Программа обучения на основном отделении предусматривала два года учебы для студентов словесно-исторического, естественно-исторического и один год – для студентов юридического и медицинского факультетов⁸⁸.

Таким образом, вплоть до 1916 г., когда Психоневрологический институт окончательно попал под юрисдикцию Министерства народного

⁸⁶ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 801. – Л. 106–120. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 188–196.

⁸⁷ ЦГА СПб. – Ф. 2555. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 12–12 об. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 197–199.

⁸⁸ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 156. – Д. 681. – Л. 70. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 201–202.

просвещения, его учебные планы не изменялись. Во всяком случае есть основания утверждать, что в период с 1907/08 по 1915/16 учебный год на основном факультете читались авторские социологические курсы проф. М.М. Ковалевским, Е.В. де-Роберти, К.М. Тахтаревым.

К 1916/17 учебному году в списке преподавателей Частного университета при Психоневрологическом институте появилось имя Питирима Александровича Сорокина, к тому времени окончившего Петроградский университет, оставленного при университете на кафедре уголовного права и выдержавшего магистерский экзамен по уголовному праву. Изданное им сочинение «Преступление и наказание» с социологической точки зрения получило одобрительное предисловие М.М. Ковалевского. М.М. Ковалевский поручил П.А. Сорокину вести семинарий по социологии со студентами младших курсов. В связи со смертью М.М. Ковалевского решением Совета Частного университета П.А. Сорокин временно, на один год, был допущен к чтению лекции по социологии⁸⁹. Таким образом, часы занятий по социологии в 1916/17 учебном году были поделены между П.А. Сорокиным и К.М. Тахтаревым. П.А. Сорокин вел семинарий, а Тахтарев стал читать «Введение в общий курс социологии»⁹⁰.

К 1 января 1917 г. студентов во всем университете числилось 6212 человек⁹¹. Произошедшие события 1917 г. мало изменили уклад жизни Психоневрологического института, так как последний и ранее был организован на широких демократических началах. Совет Психоневрологического института всегда стремился к тому, чтобы сделать учрежденную им высшую школу доступной для всех граждан, желающих получить высшее образование. Основное отделение было преобразовано в общеобразовательный факультет. Курс обучения слушателей на данном факультете составлял 2 года, однако давал право перехода на специальные факультеты и тем из слушателей, которые обучались только один год, но сдали необходимый минимум экзаменов. В связи с превращением основного отделения в общеобразовательный факультет Советом института был изменен порядок избрания профессоров и преподавателей последнего. Они избирались теперь самими обще-

⁸⁹ Там же. – Л. 80–84об. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 210.

⁹⁰ См.: Сорокин, П. А. Дальняя дорога. Автобиография. – М., 1992. – С. 26.

⁹¹ ЦГА СПб. – Ф. 2555. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 12. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 210.

образовательным факультетом с привлечением к участию в выборах представителей соответствующих наук специальных факультетов.

Не ограничиваясь широким раскрытием дверей своего общеобразовательного факультета для всех желающих получить высшее образование, Совет института по предложению В.М. Бехтерева постановил организовать курсы для народа, для чего была создана специальная комиссия, преобразованная затем в комитет по распространению научных знаний в народе.

Осенью 1917 г., несмотря на тяжелые условия жизни в Петрограде, на 1-й курс общеобразовательного факультета было принято 1500 человек, из которых вольнослушателей (без среднего образовательного ценза) было около 10%⁹².

В истории развития Психоневрологического института представляется особенно важным 1918 год. В этом году институт с учрежденным при нем университетом, согласно декрету Совета народных комиссаров от 27 мая, признан государственным учреждением, находящимся в ведении Комиссариата народного просвещения, а состоявший при институте университет был переименован во II Государственный Петроградский университет; ему были предоставлены все права правительственных высших учебных заведений. Все хозяйство института с клиниками, лабораториями, кабинетами, преподавателями было принято Комиссариатом народного просвещения⁹³. Началась не только новая страница развития университета, но и открылись новые возможности официального введения в программу преподавания курса социологии.

⁹² Там же. Л. 13–13об. Цит. по: Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М. Указ. соч. – С. 215–217.

⁹³ Там же. Л. 14 // Там же. – С. 218.

Социологическое образование в первые годы Советской власти

3.1. Начало систематического социологического образования в России

Самое важное событие, пришедшее на первое десятилетие XX в., – революция 1917 г. Социологи задолго до этого события предчувствовали ее наступление. Например, Н.И. Кареев писал о социологической закономерности грядущей революции: «Пришествие ее было естественным и необходимым, т. е. законосообразным, моментом нашей исторической эволюции, ее неизбежной неотвратимой стадией, потому что предотвратить ее могло бы только чудо – отказ царя от самодержавия, а высших сословий от привилегий, но и это чудо, в сущности, повлекло бы за собою тот же самый результат. Но эта психологическая и социологическая необходимость, в зависимости от внешних и внутренних событий, от соотношения общественных сил, от лиц, наконец, могла перейти в действительность различными способами»¹.

После революции началась оживленная деятельность в области образования. Стремление быстрее подвинуть народ к новой жизни вновь возродили просветительские стремления социологов. Так, летом 1917 г. П. Сорокин опубликовал серию брошюр по актуальным вопросам общественной жизни, национальной политики, правовых отношений, по проблемам будущего мира. Среди них «Проблема социального равенства», «Основы будущего мира», «Сущность социализма». В своих воспоминаниях Н.И. Кареев отмечал, что после революции 1917 г. он не отказывался «от чтения популярных лекций и отправлялся всюду, куда приглашали, причем моими историческими темами была Французская революция, Декларация прав человека и гражданина. Между прочим, читал я такие лекции в университете для служащих и служителей, равно как и для “посторонней публики” в казармах Павловского полка для нижних его чинов, в Морском корпусе и в Мореходных классах для воспитан-

¹ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990. – С. 289.

ников, на каком-то, не помню, заводе для рабочих и т. п. ...В том же направлении я развивал свою деятельность в периодической прессе, печатал небольшие статьи на историко-политические темы»². Даже в своем имени Аносово Н.И. Кареев «отчасти для развлечения, отчасти для добывания хлеба в буквальном смысле, ездил по соседним селениям и в крестьянских избах просвещал людей относительно устройства Вселенной и солнечной системы, возил с собою глобус и кое-какие картинки. Кроме того, в народном доме ... часто читал лекции, иногда подсказывавшиеся слушателями. Там меня попросили прочесть о Марксе, “имя которого так часто слышишь”. Лекция о Герцене мне тоже была подсказана»³. Кареев читал крестьянам лекции о Новикове и Радищеве, декабристах, Чернышевском, революционерах из дворян и пр.

Помимо просветительской деятельности, социологи работали и профессионально. Н.И. Кареев в 1917–1919 гг. читал лекции в Петроградском университете и на Высших женских курсах. В конце 1918 г. П.А. Сорокин уже состоял на службе в Петроградском университете, а со следующего – в Психоневрологическом институте. Одновременно читал лекции в Сельскохозяйственном институте, Институте народного хозяйства, на всевозможных курсах. Активно сотрудничая с Наркоматом просвещения, Сорокин принимал участие в учебно-научных экспедициях, разработал программу летней школы для преподавателей социологии. И эта работа проходила в невероятно трудных условиях. Особенно тяжелой в Петербурге была зима 1919–1920 гг. Как писал Н.И. Кареев, «вспоминаются холод, тьма, недоедание, безденежье и невозможность много достать и за деньги. Все это создало невероятно тягостные условия для научной работы»⁴. Тягостность этих условий состояла, прежде всего, в том, что ученые «очутились отрезанными от научного движения на Западе. Я не говорю уже о недоступности заграничных поездок, но и получение из-за границы научных книг и журналов почти совершенно прекратилось. Но тут встречались препятствия двойного рода. Во-первых, трудно было добывать писчую бумагу. Во-вторых, было трудно с типографиями и издательствами. Самыми трудными в типографском и издательском деле были

² Там же. – С. 263–264.

³ Там же. – С. 280–281.

⁴ Там же. – С. 272–274.

1919–1921 гг. В 1918 г. удалось все-таки выпустить книгу «Общие основы социологии»⁵.

В 1917–1919 гг. были попытки обновления университетской жизни. Революция 1917 г. открывала перед университетами новые перспективы и ставила перед ним новые задачи. На короткое время был возобновлен Академический союз, к деятельности которого снова был привлечен проф. Н.И. Кареев. Вспоминая об этом, социолог писал, что работа шла главным образом в факультетских и специальных преподавательских комиссиях, но в этом деле принимало участие и студенчество, из среды которого выходили самые радикальные предложения. «Пусть, – говорили новаторы, – читаются курсы по разным предметам, а студенты комбинируют слушание их и сдачу по ним зачетов, буде пожелают, как кому угодно, хотя бы то было соединение астрономии, нумизматики, торгового права и ботаники». Для рассмотрения студенческих предложений Совет университета выбрал нескольких профессоров в смешанную комиссию, в которой приняли участие и представители студентов. Председателем этой комиссии весной 1919 г. и был назначен Н.И. Кареев. Ученый вспоминал: «Мы собирались очень часто, по два раза в день, много спорили, но, в конце концов, нечто выработали. Жизнь, однако, шла столь быстро и изменчиво, что продолжения это дело в принятом им направлении не имело. Дело реформы взял на себя Комиссариат народного просвещения, и притом в направлении, диаметрально противоположном студенческим амбициям»⁶.

К осени 1920 г. материальное положение профессоров улучшилось благодаря созданию «Кубу», как сокращенно стали называть Комиссию улучшения быта ученых, начавшую выдавать так называемые академические пайки. Кроме того, из-за границы через «Американскую ассоциацию помощи» стали приходить посылки с мукой, сахаром, чаем и т. п., а с ними и некоторые другие посылки (от чешских и польских ученых, нансеновские и др.). Возобновилась деятельность издательств, хотя гонорары значительно снизились⁷.

Социологическая жизнь протекала достаточно оживленно. Были возобновлены заседания Социологического общества им. М.М. Ковалевского, в котором после смерти Лаппо-Данилевского председа-

⁵ Там же. – С. 274–275.

⁶ Там же. – С. 276–277.

⁷ Там же. – С. 283–284.

телем стал Н.И. Кареев. В 1919 г., после слияния с Петроградским университетом Психоневрологического института, где социологию преподавали П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев, этот предмет был передан им и в университете. Оба они были наиболее деятельными работниками Социологического общества. С его упразднением и с учреждением особой секции социологии в Историческом исследовательском институте в нее К.М. Тахтаревым была перенесена социологическая работа⁸.

3.2. Неопозитивистская модель социологического образования

После революции 1917 г. вопрос о социологическом образовании в России был поставлен П. Сорокиным остро, широко и масштабно. Это должно было быть образование не только узкого круга специалистов, а всего российского общества, всех россиян. Вот что писал П.А. Сорокин во введении к своему «Общедоступному учебнику социологии»: «Наша потребность в социологических знаниях – огромна. В ряду многих причин, вызывающих наши настроения и плохую общественную жизнь, не малую роль играло и играет наше социологическое невежество. Если нам суждено быть гражданами великой культурной страны, если нам суждено быть настоящими сообщественниками, а я в это продолжаю верить, то одним из средств, ведущих к этой цели, является распространение знаний вообще и социологических знаний в частности»⁹. Во имя данной цели – «содействовать превращению русского в гражданина»¹⁰ П.А. Сорокин не только создает знаменитый общедоступный учебник, но и читает систематический курс социологии самой разной аудитории – «от Петроградского университета – до рабочей аудитории общеобразовательных курсов и школ»¹¹.

По глубокому убеждению П.А. Сорокина социологические знания нужны на всех уровнях образовательной системы – от школы до университета. Главное требование: общедоступность социологичес-

⁸ Там же. – С. 285.

⁹ Сорокин, П. А. *Общедоступный учебник социологии*. – Ярославль, 1920. – С. 5.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Там же. – С. 4.

кого образования «не должна вести к его ненаучности, краткость – к упрощению»¹². На всех уровнях преподавание социологии должно отличаться полнотой, глубиной, научностью. Кстати, это мнение ученого о ступенях социологического образования расходилось с мнением его учителя М.М. Ковалевского, который считал, что преподавание социологии не стоит вводить в средней школе.

Спор ученика и учителя, как обычно, был разрешен самой жизнью. Ярлык опальной науки, данный царскими властями социологии, довольно долго не давал ей полноправно войти в систему российского образования. Мечтая о времени, когда курс социологии будет читаться в университетах, П. Сорокин писал, что логично ввести курс социологии на всех факультетах и образовать специальные кафедры или хотя бы учесть опыт Западной Европы, в которой первые кафедры социологии были открыты на юридических факультетах. В действительности уже после событий 1917 г. социология в числе обязательных предметов вошла не только в программы высшей школы, но и средней школы второй ступени.

В государственных российских университетах первые кафедры социологии были открыты в 1918–1919 гг. на факультетах общественных наук. В такой ситуации встала проблема разработки официальной программы преподавания социологии в средних школах и вузах. Комиссариатом народного просвещения была предпринята попытка издания такой примерной программы по социологии, но, по мнению П.А. Сорокина, эта программа оказалась неудачной. Говоря о программе, он заметил: «Она кратка, недостаточно систематична и для возможности руководства ею требует уже солидной социологической подготовки». Это замечание содержится в уникальном документе, хранящемся в ЦГАОР¹³, – докладной записке П. Сорокина в Комиссариат народного просвещения о необходимости организации летних курсов для преподавателей социологии в 1919 г. В этой записке изложены конкретные предложения ученого относительно введения преподавания социологии в средних школах и вузах.

Записка состоит из двух параграфов. В первом П. Сорокин говорит о необходимости организации летних курсов для преподава-

¹² См.: Там же. – С. 3–4.

¹³ См.: ЦГАОР. – Ф. 602. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 1–4. Цит по: Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 125–126.

телей социологии. Выражая одобрение решению властей о введении социологии в число обязательных предметов преподавания не только в высшей, но и в средней школе, Сорокин называет ряд условий, способных помешать успешному проведению этой реформы.

Первое. Социология как наука продолжает быть в состоянии «становления» в отличие от других (физико-химических и биологических) наук, имеющих определенный шаблон построения. «Разно понимаются ее предмет и задачи, разно очерчиваются и контуры всего социологического знания»¹⁴. Причем речь идет не только о России. Так дело обстоит и в Америке, где социология ранее других стран и в более широких размерах давно уже составляет предмет преподавания в высших и средних школах.

Второе. Введение социологии в качестве обязательного предмета застало будущих преподавателей социологии совершенно не подготовленными к преподаванию. При своем обучении в высших школах они не слушали социологии, ибо она не преподавалась. Только единицы сами интересовались этой дисциплиной и добровольно изучали ее. Отсутствие подходящих учебников на русском языке, бедность русской социологической литературы, невозможность приобрести даже немногие имевшиеся на русском книжном рынке социологические курсы и пособия привели к плачевным результатам. Согласно данным опросов, проведенных в то время Русским социологическим обществом им. М.М. Ковалевского, школьные преподаватели либо вообще не смогли читать курс социологии, либо читали под названием «Общая социология» социологию отдельных авторов (например, Л. Гумпловича), либо вместо социологии читали «историю культуры»¹⁵. Значит, в первую очередь следовало познакомить преподавателей с предметным полем социологии, а также приучить их к самостоятельной социологической работе.

Но П.А. Сорокин считал, что перед летними курсами стоят более важные задачи. Они необходимы, чтобы: повышать уровень социологических знаний преподавателей и тем самым повышать их у молодого поколения; способствовать прогрессу и оживлению русской социологической мысли; разработать методику преподавания этой дисциплины; тщательно ознакомиться с положением преподавания социологии в России; составить примерную программу преподава-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ния социологии с рекомендацией учебников и пособий¹⁶. Если более внимательно посмотреть на эти задачи, перед нами конкретный план постановки в России системы социологического образования. Тем более что с 1916 г. Сорокин сам принимал активное участие в пропаганде социологических знаний.

Интересна программа курсов. В этой программе – зачатки будущих учебных планов подготовки специалистов-социологов во всех российских университетах.

Основными предметами преподавания на курсах П. Сорокин предлагал признать: 1) общий курс теоретической социологии, 2) генетическую социологию, 3) историю социологических систем и теорий, 4) социальную политику в связи с историей социалистических теорий, 5) методику преподавания социологии¹⁷. Причем состав дисциплин объяснялся договоренностью большинства социологов различать два отдела социологии: социологию теоретическую, изучающую мир человеческого общения и взаимодействия с точки зрения сущего, таким, каков он есть, и социологию прикладную, социологию как искусство, изучающую мир социальных взаимоотношений с точки зрения должного, таким, каким он должен быть. Показательно, что под прикладной социологией, или социальной политикой, понималась нормативная область науки, а ее составной частью должны были стать социалистические конструкции будущего общества. Этот контекст утерян современной социологией: в ней прикладная часть претендует на изучение того, что есть, а теоретическая – того, что должно быть или было. Не здесь ли корень невольных искажений, возникающих при трактовке классических текстов? А вот интерес к социализму как нормативной науке, дающей ряд конструкций должного общества, нашел отражение в учебных планах факультетов общественных наук. На первых кафедрах социологии читались курсы «История социологических учений» и «История социалистических учений». Второй курс к середине 20-х годов XX в. стал успешно теснить первый, а затем и вовсе заменил его.

П.А. Сорокин вслед за своим учителем М.М. Ковалевским был убежден, что при отсутствии общепринятого построения социологии, ее предмета и задач во избежание односторонности преподавателю социологии полезно иметь представление обо всех основных

¹⁶ См.: Там же. – С. 127.

¹⁷ См.: Там же.

направлениях социологической мысли. Поэтому отдельный самостоятельный курс должен быть посвящен истории социологических систем.

Теоретическая социология, в свою очередь, распадалась на две части: общую теорию социальных явлений, рассматриваемых статически (социальная аналитика и механика), и генетическую социологию, изучающую происхождение и развитие общественной жизни вообще и отдельных социальных институтов в частности. Кстати, данная традиция в изучении теоретической социологии была заложена О. Контом.

Наконец, ввиду того что курсы устраивались для педагогов, предполагалось ввести методику преподавания социологии. Ее задача – научить слушателей методам чтения лекций по социологии и основным навыкам проведения практических занятий.

Практические занятия слушателей курсов предполагалось сделать весьма разнообразными: «С одной стороны, они могут состоять в писании, чтении и обсуждении докладов, изготовляемых самими курсантами на те или иные социологические темы, с другой стороны – коллективном и индивидуальном производстве социологических наблюдений (по заданию руководителя, а позже и по собственной инициативе), наконец, в постановке и производстве социологических опытов»¹⁸. Такие практические занятия, как считал П. Сорокин, могли дать прекрасные результаты, вызывая громадный интерес в слушателях, помогая им более тщательно изучить социологические теории, а главное – помещая их в социологическую лабораторию и приучая к чисто научной социологической работе.

Составленная П.А. Сорокиным программа летних курсов опиралась на опыт, накопленный им во время работы в Психоневрологическом институте до 1917 г., а также существующий международный опыт преподавания социологии.

В конце своего письма Сорокин прозорливо замечал, что если намеченная программа не будет реализована, от этого много потеряют и русская социология, и народное просвещение, и молодое поколение. Можно полностью согласиться с этим утверждением, так как значение подобного документа трудно переоценить. Но другое можно сказать наверняка: Сорокин имел в виду этот четкий план действий, когда открывал отделение социологии на факультете об-

¹⁸ См.: Там же. – С. 129.

ественных наук в 1919–1920 гг. в Петроградском университете, а затем в 1930–1931 гг. социологический факультет в Гарварде.

Ученый полагал, что программы преподавания социологии в школах и университетах должны ориентироваться на лучшие западные и отечественные образцы. Среди западных П. Сорокин рекомендовал программы Ф. Гиддингса, Э. Вуда, Ф. Гайеса, из русских – программы К.М. Тахтарева, Е.В. де-Роберти, М.М. Ковалевского. Очень требовательно П.А. Сорокин относился к учебным пособиям по социологии. Достаточно резко отрицательно он оценил учебник Е.А. Энгеля «Социология. Краткий курс средней школы», вышедший в Петрограде в 1919 г.: «...пустая брошюра»¹⁹. Кроме П. Сорокина, на летних курсах 1919 г. читали лекции Н.А. Рожков, А.И. Буковецкий, К.М. Тахтарев.

В 1919 г. П. Сорокин пишет «Программу преподавания социологии». Ее содержание перекликается с программой преподавания социологии на летних курсах. В процессе исследования не удалось установить, какая из представленных программ написана первой, но их единство – знаменательное свидетельство устойчивости позиции ученого в желании дать слушателям систематическое изложение социологии.

По мнению автора программы, курс необходимо начинать с краткого введения, где формулируются понятие о социологии как науке, ее задачи и краткая история. Затем излагается раздел «Социальная аналитика», включающий в себя аналитику простейшего социального явления и аналитику населения как сложного социального агрегата; предполагается рассмотрение понятия взаимодействия как простейшей модели социального явления; перечисляются и описываются элементы взаимодействия и их свойства; классифицируются формы взаимодействия.

Итогом анализа простейшей модели служит понятие взаимодействия как коллективного единства. Далее следует логически перейти к социальной группе и восстановить разорванное единство. Так постепенно совершается переход к изучению взаимоотношений уже не индивидов, а социальных групп. В последующем излагаются «строение и расслоение населения»: социальные группировки, виды социальных групп, основные формы элементарной группировки

¹⁹ См.: Сорокин, П. Состояние русской социологии за 1918/22 гг. // Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии. Ст. разных лет / Под ред. В.В. Сапова. – М., 1994. – С. 415.

индивидов (семейная, государственная, языковая, возрастная и др.), классификация обществ. Далее программа предлагает обзор и критику главнейших теорий социальных явлений.

После социальной аналитики П. Сорокин переходит к разделу «Социальная механика», где первоначально излагается учение о раздражителях человеческого поведения и факторах социальных процессов, понятие о закономерности и причинности в поведении людей, классифицируются факторы человеческого поведения и социальных процессов. Вторая часть этого раздела ставит задачей изучение не сил, а процессов, совершающихся в среде данного населения. В третьей части изучается механика социальных процессов на анализе судеб отдельных личностей с момента рождения и до смерти. В разделе «Социальная генетика» рассматриваются возникновение и основные линии развития в сфере строения населения и общественных процессов²⁰.

Удачность представленной программы была испытана собственным педагогическим опытом автора. Так, он отмечал, что ни одна аудитория не давала ему оснований жаловаться на невнимание, или отсутствие интереса слушателей, или непонимание. Возможно, еще и потому, что, по его словам, на лекциях он никогда не играл в политику и убедительно говорил о социологии как предмете большой жизненной важности²¹.

Основные принципы, положенные в основу представленной программы, свидетельствовали о приверженности автора неопозитивизму. Он считал что:

- социология – наука о взаимодействии и поведении людей (формах, причинах, результатах);
- социология – наука объективная, свободная от всякого нормативизма и субъективного психологизма, она изучает социальные явления как вещи;
- социология решительно порывает с философствованием, отрешается от всяких предпонятий, отправляется от факта;
- социология порывает с упрощенным монизмом, рассматривающим механизм человеческой истории как уравнение с одним неизвестным;

²⁰ См.: Сорокин, П. А. Программа преподавания социологии // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация Общество. – М., 1992. – С. 531–535.

²¹ См.: Сорокин, П. Дальняя дорога. – М., 1992. – С. 130.

- социология требует конкретности преподавания. Обобщающая теорема является простым выводом из анализируемых преподавателем фактов, а не предметом изложения;
- факты следует брать из текущей жизни, так как они наиболее интересны и доступны проверке.

Из этих принципов выросал взгляд П. Сорокина как на социологию, так и на методику ее преподавания.

В своих воспоминаниях о руководстве социологическим факультетом в Гарварде Сорокин с гордостью писал, что факультет выпустил большое количество молодых лидеров американской социологии. Среди них достаточно назвать имена Р. Мертон, Т. Парсонса, Э. Тириакияна. Причину успеха он видел в педагогических приемах преподавания социологии, рассчитанных на выработку у студентов собственных взглядов, на развитие у них способности к самостоятельным исследованиям. Преподавателю, советовал он, не следует заставлять своих аспирантов и студентов принимать на веру преподносимые им собственные теории. Он считал, что очень важно научить будущих социологов не придавать особого значения тому факту, что их взгляды могут не совпасть с уже имеющимися в науке представлениями²².

Кроме того, особое значение П. Сорокин придавал тщательному подбору ведущих преподавателей – специалистов с мировыми именами, а также соответствующих курсов. Все это свидетельствовало о том, что программа подготовки на социологическом факультете в Гарварде была «в высшей степени качественной и сбалансированной»²³. Кстати, сравнивая систему подготовки социологов в Америке и России, П. Сорокин отдавал предпочтение отечественной традиции за возможность свободного выбора студентами лекций, за особенно благоприятную атмосферу общения студентов с профессорами, за возможность обсуждения студентами своих персональных проблем и за тот творческий дух, который царил на семинарских занятиях. Он отмечал, что «честная конкуренция в научном творчестве играла более важную роль в российских, нежели американских, университетах»²⁴.

Еще одна программа преподавания социологии в этот период была представлена К.М. Тахтаревым. Необходимо отметить, что этот

²² См.: Там же. – С. 180.

²³ См.: Там же. – С. 65.

²⁴ См.: Там же. – С. 66.

ученый имел большой опыт чтения лекций по социологии в различных вузах с 1903 г., в том числе он читал лекции в Высшей русской школе общественных наук в Париже, в Психоневрологическом институте в России, а затем – в Петроградском университете.

Есть основания говорить о том, что К.М. Тахтарев постоянно совершенствовал свое представление о преподавании социологии. Так, в 1916 г. он выпустил труд под названием «Социология как наука» с подзаголовком «Введение в общий курс социологии, читанный слушателям Психоневрологического института и курсам Лесгафта»²⁵. В 1917 г. он издал книгу «Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и метод»²⁶. В этой книге содержится указание автора на то, что «издаваемая работа есть не что иное, как программа курса общей социологии, излагаемой в определенной системе»²⁷. Из этих изданий можно попытаться извлечь первые представления автора о логике курса.

План лекционного курса включал пять разделов. Первый был посвящен истории социологических учений. Начинал автор исторические сюжеты с сочинения Аристотеля «Афинская политика», тем самым следуя традиции, заложенной М.М. Ковалевским, – искать истоки социологических знаний задолго до появления учения О. Конта. Однако сам Ковалевский эти истоки находил в трудах английских статистиков XVII в., не заглядывая в античность. Конечно, пионером науки «социология» Тахтарев называет О. Конта, разработавшего ее систему, задачи и метод. В современной социологии ученый выделил шесть направлений: ранний позитивизм О. Конта и его учеников; органицизм (Г. Спенсер, П. Лилиенфельд, А. Эспинас, Л. Летурно, Р. Вормс); социальный дарвинизм (Б. Кидд, Л. Гумплович, Я. Новиков); исторический экономизм (К. Маркс, Ф. Энгельс); психологическая школа (Г. Тард, Л. Уорд, Н. Михайловский, Н. Кареев); статистическое направление (Ф. Ле Пле, Ч. Бутс, Р. Майо-Смит). Приятно, что в этом списке наряду с западными авторами названы русские социологи.

²⁵ См.: Тахтарев, К. М. Социология как наука: Введение в общий курс социологии, читанный слушателям Психоневрологического института и курсам Лесгафта. – Пг., 1916.

²⁶ См.: Тахтарев, К. М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи и метод. – Пг., 1917.

²⁷ См.: Там же. – С. 1.

Во втором разделе К.М. Тахтарев ставил вопрос о значении социологии и ее необходимости для современных наук об обществе. Вслед за своим учителем М.М. Ковалевским ученый констатировал факт широкого распространения социологического истолкования своего предмета среди специалистов разных общественных наук – от истории до юриспруденции. «Социология необходима. Дело в том, что существующие общественные науки занимаются изучением самых различных сторон общественной жизни. Но все эти стороны суть есть различные стороны одной и той же общественной жизни и могут быть поняты лишь в их целостном представлении»²⁸. Задачи социологии состоят, во-первых, в изучении явлений общественной жизни и закономерностей ее развития, а во-вторых, в выяснении естественного их соотношения.

В третьем разделе автор давал объяснение понятию «общественная жизнь». По определению Тахтарева «общественная жизнь есть не что иное, как удовлетворение потребностей с помощью труда и общения»²⁹. Автор писал, что, изучая потребности людей в данном обществе данной эпохи, можно разложить общественную жизнь на отдельные явления, выделить различные ее стороны и закономерности³⁰. Все потребности разделяются на три группы: экономические, брачные, психологические. Эти потребности порождают в обществе и соответствующие явления, изучаемые генетической социологией как наукой об эволюции и последовательной смене форм общественной жизни³¹.

Удовлетворение данных потребностей коллективными усилиями общества приводит к установлению двух типов взаимодействия людей – общественному сотрудничеству и разделению труда, которые предполагают общение, т. е. обмен информацией между членами общества. Таким образом устанавливается социальная связь между членами общества. Эта связь может проявляться через индивидуальные или групповые связи. Отсюда одна из задач социологии – правильное выделение социальных групп и связей как внутри членов

²⁸ Тахтарев, К. М. Социология как наука: Введение в общий курс социологии... – С. 46.

²⁹ Тахтарев, К. М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и метод. – С. 26.

³⁰ См.: Там же. – С. 25.

³¹ См.: Там же. – С. 49.

групп, так и между группами. Совокупность взаимосвязанных социальных групп составляет общественный строй.

Общественную жизнь К.М. Тахтарев предлагал рассматривать в движении, в развитии отдельных личностей, групп, классов, творящих жизнь сообразно своим потребностям. Это движение и есть прогресс как «поступательный ход жизни»³².

Четвертый раздел программы содержал понимание закономерности общественной жизни. Закономерность любых явлений основана на их повторяемости. Так, ученый писал: «Правильное повторение и необходимое соотношение явлений входит в основу нашего понимания закона во всех областях знания»³³.

Пятый раздел программы посвящен методам социологии. Среди них Тахтарев выделяет методы, общие для естественных и общественных наук (наблюдение, анализ, сравнение, классификация, обобщение), и собственно социологические методы (например, сравнительно-эволюционный метод)³⁴.

Программу курса социологии Тахтарева обсуждали коллеги. Так, Н.И. Кареев подверг критике эту программу в своей статье «Социология г-на Тахтарева»³⁵. Эта критика, вероятно, подтолкнула ученого к дальнейшему совершенствованию курса социологии и программы ее преподавания. В 1919 г. появился новый труд «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии»³⁶. Как писал в предисловии сам автор, «я не могу отказаться от своего заветного стремления свести в одно стройное целое все то, чему научил меня мой долгий научный жизненный опыт, многолетнее изучение мною общественной жизни и занятие социологией»³⁷. Более того,

³² Там же.

³³ Тахтарев, К. М. Социология как наука: Введение в общий курс социологии... – С. 18.

³⁴ См.: Там же. – С. 26.

³⁵ См.: Кареев, Н. И. Социология г-на Тахтарева // Русское богатство. – 1917. – № 4–5. – С. 32–48.

³⁶ Тахтарев, К. М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии // Тахтарев К.М. Социологические труды / Под ред. А.О. Бороньева. – СПб., 2006.

³⁷ См.: Там же. – С. 19–20.

стремясь к тому, чтобы положить конец произвольности понимания социологии, Тахтарев предложил свою программу курса социологии, прочитанного им в Петроградском университете в 1920–1921 гг.³⁸

Как считал автор, целесообразно и правильно построенная система социологии как особой науки об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерностях должна начинаться с анализа общественной жизни, заключаться в определенном порядке исследования различных социальных явлений с помощью возможно более точных научных методов массового наблюдения и численно-го измерения этих явлений общественной жизни, изучаемых в их естественной связи и необходимых соотношениях, а заканчиваться согласованием, синтезом всех общественных понятий в полном соответствии с действительным и целостным соотношением всех сторон и явлений общественной жизни³⁹.

Отсюда закономерно вытекает выделение двух отделов: общая социология и частная социология, которая служит необходимым добавлением к общей части.

Предложенная Тахтаревым программа курса так и построена. Первая часть – общая. В ней даются анализ и синтез социальной жизни.

Отдел первый посвящен анализу социальной жизни. Он включает синтез разнообразных явлений, происходящих в самых различных областях жизни, а именно: ассоциация и диссоциация; сотрудничество и разделение труда; взаимопомощь и жизнь за счет других; борьба и соглашение; творчество; ассимиляция и диссимляция; общественная группировка; социальная дифференциация и организация; уклад общественной жизни; общественный строй и общественные отношения⁴⁰.

Во втором отделе говорится о синтезе социальной жизни, который определяется через установление естественных состояний, существующих между различными сторонами и явлениями общественной жизни, взятой в целом. Сопоставление различных социальных явлений сопровождается их научной классификацией. Выделяются явления простейшие (общение и разобщение, борьба и соглашение) и явления сложные (общественная группировка, дифференциация и органи-

³⁸ См.: Система социологии. Программа курса К.М. Тахтарева. Петроградский университет (1920–1921 гг.) // Там же. С. 487–492.

³⁹ См.: Там же. – С. 485.

⁴⁰ См.: Там же. – С. 488.

зация, процесс поступательного хода и обновления жизни, явления эволюции и прогресса). По основанию естественного и необходимого соотношения выделяются явления первичные и основные (явления обобщения и разобщения) и сопутствующие им (жизнь за счет других, борьба и соглашение), а также вторичные, производные (явления ассимиляций и диссимляций, общественной группировки и дифференциации) и третичные (производные явления общественной организации, общественные отношения и правила общественного поведения, общественные понятия). Далее автор дает учение о закономерности явлений общественной жизни и приводит их классификацию:

- правильная повторяемость явлений общественной жизни, устанавливаемая с помощью сравнительно-статистического метода;
- повторяемость общественных форм и учреждений, устанавливаемая с помощью сравнительно-исторического метода;
- взаимная зависимость и обусловленность социальных явлений, их причинная и функциональная связь;
- естественное и необходимое соотношение социальных явлений;
- плюрализм и монизм в понимании соотношения социальных явлений;
- идеализм, материализм и социологизм⁴¹.

Общей части предпосылается небольшое введение, в котором автор дает научное определение социологии, ее краткую историю, главные направления, отношение к другим наукам; говорит о научных предпосылках, необходимых для обоснования социологии, и ее основных задачах; излагает научные примеры социологической работы и методы социологии.

Следует обратить внимание на изменение модели социологического образования: в прежних моделях (просветительской, позитивистской) материал, представленный Тахтаревым во введении, по сути исчерпывал все содержание курса. Однако неопозитивистская модель по-другому расставляет акценты. Главное – изучение структуры, строения общества, выделение основных элементов, изучение их взаимосвязи и взаимовлияния, поиск специфических для общества закономерностей.

Об этом изменении еще более ярко свидетельствует вторая часть программы К.М. Тахтарева – часть особая. В ней представлено особое

⁴¹ См.: Там же. – С. 488–489.

социологическое исследование различных явлений общественной жизни в их естественных соотношениях в том порядке их научной классификации, какой установлен в первой, общей, части. Таковы: явления общения (ассоциации), разобщения (диссоциации), явления ассимиляции и диссимилиации, социальной связи и социальной группировки, дифференциации и организации, явления взаимопомощи и жизни за счет других; явления борьбы и соглашения, творчества и его обобществления, эволюции и прогресса. Социологическое исследование этих явлений, по мысли автора, одновременно включает в себя установление и объяснение тех закономерностей, которые мы наблюдаем в области всех этих явлений и понимаем как их необходимые соотношения⁴².

Заканчивается программа специальным исследованием соотношения явлений самых различных сторон общественной жизни, выяснением закономерности изменения этого соотношения в поступательном ходе общественной жизни.

Есть основания предполагать одобрительное отношение П.А. Сорокина к программе курса своего коллеги. Систематичность, основательность, последовательность изложения вопросов превращали курс К.М. Тахтарева не столько в просветительский, сколько в научный проект. В предисловии к своему учебнику по социологии П.А. Сорокин, в полном согласии с мнением Тахтарева, писал, что «гораздо целесообразнее дать систематическое изложение социологии, чем предложить формальное знакомство с ней путем изложения истории социологии и множества социологических теорий, вселяющих в итоге один сундук в головы слушателей»⁴³.

Представленные учебники и программы преподавания социологии К.М. Тахтарева и П.А. Сорокина по сути были вариантами одной модели социологического образования – неопозитивистской. Многое объединяло этих ученых. Как точно заметил Н.И. Кареев, «общим между ними было то, что ...оба они специализировались в социологии. До них эта наука была у нас, так сказать, добавочным предметом занятий для представителей разных других специальностей ... что не позволяло им отдаваться одной социологии и следить надлежащим образом за чрезвычайно богатым развитием социологической лите-

⁴² См.: Там же. – С. 489–492.

⁴³ Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. – Ярославль, 1919. –

ратуры на Западе и в Америке. Тахтарев и Сорокин сосредоточили всю свою умственную работу на одном этом предмете»⁴⁴. Кроме того, они были одними из первых преподавателей социологии в то время, когда в Петербурге открылся Психоневрологический институт, в котором стала преподаваться социология. П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев были ассистентами М.М. Ковалевского и Е.В. де-Роберти и стали преемниками обоих после их смерти. Когда это учебное заведение слилось с Петербургским университетом, оба социолога вошли в состав университетских профессоров и пожелали получить ученую степень по социологии для правомерного по тогдашнему уставу занятия кафедры. Специализируясь на социологии и став ее преподавателями в высшей школе, и Сорокин, и Тахтарев должны были выработать свои общие курсы, а это не могло не поставить перед ними задачи систематизации социологического знания и пересмотра всех основных вопросов науки. Как подчеркивал Н.И. Кареев, «и Тахтарев, и Сорокин были авторами книг, имевших характер систематических построений данной науки. Причем ни тот, ни другой из них не примкнул ни к какому очень определенному направлению»⁴⁵. И, наконец, последнее: оба социолога стали разрабатывать проблему строения общества в то время, когда прежде на первом плане стояла проблема его развития.

Итак, с момента публикации учебников и программ преподавания социологии П.А. Сорокиным и Т.М. Тахтаревым можно относительно четко зафиксировать окончательный переход от просветительской модели социологического образования к научной, а в части содержания – от позитивистской к неопозитивистской.

3.3. Опыт реализации неопозитивистской модели на факультетах общественных наук российских университетов

В 1-м Московском университете в 1917–1919 гг. только на философском отделении читался курс социологии в качестве общей, так называемой пропедевтической/дисциплины. Этот курс можно было выбрать среди других пропедевтических дисциплин, таких как осно-

⁴⁴ Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – Гл. 6. – С. 262.

⁴⁵ Там же. – С. 263.

вы высшей математики, основные понятия физико-математических наук, общая биология, введение в языкознание, поэтика. Помимо этого, вместе с общими курсами студент мог выбрать курс, дополнявший тот или иной предмет, например дисциплину «Социология» дополнял курс истории позитивизма. Социология не вошла в учебные планы историко-филологического факультета. К пропедевтическим философским предметам, преподаваемым на всех отделениях историко-филологического факультета, относились логика, психология, введение в философию⁴⁶.

В 1918 г. в составе юридического факультета Московского университета работала кафедра энциклопедии права и истории философии права. В ее составе штатным профессором был П.И. Новгородцев, сверхштатным – К.Н. Трубецкой. В составе этого же факультета на кафедре политической экономии и статистики сверхштатным профессором работал С. Булгаков⁴⁷. Все эти профессора принимали активное участие в процессе институционализации российской социологии, но, как выяснилось, не преподавали дисциплину «Социология» в университете.

Весной 1919 г. в 1-м Московском университете взамен упраздненного юридического факультета был создан факультет общественных наук (ФОН). В составе ФОНа были организованы три отделения: экономическое, политико-юридическое, историческое.

В архиве сохранилась «Объяснительная записка к плану преподавания на юридическом отделении ФОН», которая, если судить по стилю и идеям, написана при участии проф. В.М. Хвостова, к тому времени состоявшего в штате политико-юридического отделения ФОНа и принимавшего активное участие в его деятельности. В этой записке утверждалось, что в основе учебных планов юридического отделения ФОНа должна лежать та общая предпосылка, что право есть средство создания социальной культуры. Право принадлежит к числу важнейших средств создания социальной культуры, направления социальных процессов в сторону идеалов социальной справедливости. Изучение права, поставленное научно, предполагает, с одной стороны, ознакомление с природной закономерностью общественных процессов. Только опираясь на это знание, можно активно воздействовать

⁴⁶ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 1. – Ед. хр. 219. – Л. 2–12.

⁴⁷Там же. – Ед. хр. 34. – Л. 17.

на общественную жизнь и направлять ее процессы в желательную сторону. С другой стороны, оно сводится к изучению самого права как одного из тех способов, при помощи которых культурное человечество пытается направить социальные процессы к достижению идеалов справедливости.

Науки, изучавшиеся на юридическом отделении, распались на две группы – историко-социологическую и юридическую. В первую группу входили, с одной стороны, обобщающие дисциплины, ставившие своей задачей формулирование общих и неизменных законов, управляющих социальными процессами. Таковыми были общая социология, политическая экономия, статистика. С другой стороны, к этой группе должны быть отнесены науки исторические, которые изучают социальные процессы во всей их непосредственной данности, сложности и конкретности, выясняя состояние социальной жизни по определенным народам и эпохам: общая история, история экономической жизни, история права.

В документе подчеркивалось, что нельзя ограничиться при изучении естественной закономерности социальной жизни одними обобщающими дисциплинами, так как они своими формулами не в состоянии охватить всей полноты и сложности этой жизни. Но нельзя свести все и к историческим дисциплинам, так как общая закономерность социальных процессов, объясняющая в значительной мере и конкретные исторические процессы, может быть усвоена только на почве знакомства с этими науками.

В записке подробно говорилось и о преподавании конкретных юридических дисциплин. Замечательна концовка этого документа: всему этому материалу должны быть предпосланы курсы философско-методологического характера, так как изучение социально-юридических явлений не должно быть оторвано от развития общего философского мировоззрения и не может быть правильно истолковано только на основах теории знания, логики и методологии наук.

В учебном плане, приложенном к объяснительной записке, предполагалось разделить все предметы на курсы основные, преподаваемые для всех слушателей отделения, и дополнительные, которые можно проходить слушателям по их специальным интересам. Специализация студентов могла быть установлена в трех направлениях: историко-социологическое знание; публичное право; частное право. В документе подчеркивалось, что между юридическим и экономическим отделениями имеется тесная связь в области изу-

чения философско-методологических и историко-социологических предметов⁴⁸.

Реализовать план преподавания социологии на политико-юридическом отделении ФОНа, по всей видимости, намеревался проф. В.М. Хвостов. Для этого у него были все основания.

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) окончил юридический факультет Московского университета, был оставлен на кафедре римского права для приготовления к профессорскому званию и в 1889 г. стал профессором университета. Вся жизнь этого выдающегося русского ученого-социолога, историка, правоведа была связана с Московским университетом.

Ученый отличался поистине энциклопедическими знаниями и, помимо работ по общей теории права и римскому праву, много писал по этике, психологии, методологии истории, философии, связывая их с проблематикой общей социологии. Как удалось установить И.А. Голосенко, интерес и внимание к социологии возникли у В.М. Хвостова под влиянием известного немецкого социолога Г. Зиммеля, лекции которого он слушал в Берлине, и, кроме того, под воздействием идей «психосоциологии» В. Вундта⁴⁹. Статьи социологического содержания В.М. Хвостов начал публиковать с 1909 г., в частности в отечественном философском журнале «Вопросы философии и психологии», издававшемся Московским психологическим обществом⁵⁰. Но наиболее плодотворным в области социологии следует считать последний период его творчества, связанный с выходом в 1917 г. первой части книги «Социология: Исторический очерк учений об обществе»⁵¹. Как определял сам автор, эта работа должна была подвести своеобразный итог его многолетней работе в различных областях обществознания. Замысел вполне удался, во всяком случае выход этого научного издания в год революционных событий не остался незамеченным. В книге давался не только обзор различных учений об обществе, все содержание было нацелено на

⁴⁸ ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 6. – Ед. хр. 10. – Л. 1–2.

⁴⁹ Голосенко, И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. – СПб., 2002. – С. 64.

⁵⁰ Хвостов, В. М. Предмет и метод социологии // Вопросы философии и психологии. – М., 1909. – Кн. 99.

⁵¹ Хвостов, В. М. Социология: Исторический очерк учений об обществе. – Ч. 1. – М., 1917.

университетское преподавание социологии, представляя вполне возможную учебную программу. В.М. Хвостов классифицировал основные направления социологии, прогнозировал их будущее с целью, как он считал, подготовки солидного фундамента для систематического изложения учения.

Вторая часть книги публиковалась в 1917–1918 гг. только отрывками в журнале «Вопросы философии и психологии» («Классификация наук и место социологии в системе научного знания», «Социальная связь») и при жизни автора в полном виде не была издана⁵². Лишь после смерти В. Хвостова усилиями его ближайших коллег на базе этих публикаций и оставшихся рукописей была выпущена книга «Основы социологии: Учение о закономерностях общественных процессов» сначала в кратком изложении в 1920 г., затем в развернутом изложении – в 1923 г.⁵³

Исходя из этих изданий, можно с уверенностью сказать, что у В.М. Хвостова сложилось свое представление о системе социологии. В социологии как «общей теории общества» он выделял три раздела. Первый – онтологический. Как считал ученый, единственно правильная постановка «основных вопросов социологии», т. е. о природе социума, культуры, личности и социальных групп, возможна «только на психологической почве». на основе представлений об активном непосредственном духовном общении людей, составляющем сущность общественной жизни с присущими ей закономерностями⁵⁴. Второй раздел – гносеологический. В нем важно, считал В.М. Хвостов, уделить внимание методологии общественных наук, их междисциплинарным контактам и взаимодействиям. Каждая из этих наук имеет дело с частью духовного общения, обмена ценностями, лежащими в основе общества, и все они заинтересованы в разрешении тех общих вопросов, которые входят в компетенцию социологии. Ближайшими «теоретическими союзниками» социологии В.М. Хвостов считал историю, правоведение, этику и социальную психологию. Кстати, иног-

⁵² Хвостов, В. М. Классификация наук и место социологии в системе научного знания // Вопросы философии и социологии. – М., 1917. – Кн. 139–140; Хвостов В.М. Социальная связь // Вопросы философии и социологии. – М., 1918. – Кн. 141–142.

⁵³ Хвостов, В. М. Основы социологии: Учение о закономерностях общественных процессов. – М., 1920.

⁵⁴ Хвостов, В. М. Теория исторического процесса. – М., 1914. – С. 84–85.

да социальную психологию ученый называл частью социологии⁵⁵. Третий раздел, исторический, должен дать широкую историческую панораму первых двух разделов.

Вполне вероятно предположить, что автор планировал реализовать свои идеи в области социологии в процессе преподавания этой дисциплины в Московском университете, но ему это не было суждено.

На заседании Ученого совета ФОНа 4 апреля 1919 г. в составе общих кафедр была утверждена кафедра социологии. На кафедре начали работать профессор Максимов Александр Николаевич, Преображенский Петр Федорович, Удальцов Александр Дмитриевич, Янчук Николай Андреевич, а также преподаватель Деннике Юрий Петрович⁵⁶. Позднее, с декабря 1920 г., на кафедру социологии пришел Ю. Мархлевский⁵⁷. Как можно заметить, в составе кафедры не было авторов оригинальных учебных программ и пособий по социологии. Большинство профессоров были юристами и пришли к чтению историко-социологических дисциплин, оторвавшись от преподавания юридических курсов.

В учебных планах преподавания на переходном (летнем) триместре ФОНа, начавшемся 5 мая 1919 г. для всех студентов, поступающих (переходящих) на три образовавшихся отделения, предусматривался курс «Основы социологии». Наряду с ним в числе обязательных курсов для всех отделений были «История социалистических учений», «Методология общественных наук», «Теория народного хозяйства». В письме ректору 1-го Московского университета М.М. Новикову Отдел высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения одобрил предложенный учебный план. В документе было подчеркнуто, что преподавание на ФОНе желательно организовать таким образом, чтобы усвоение студентами учебных курсов носило не пассивный, а активный характер при практическом их участии в работе общественных учреждений⁵⁸.

В осенний семестр 1919/20 учебного года проф. Хвостов, работая на политико-юридическом отделении ФОНа, читал основные курсы «Методология юриспруденции», «История институтов частного

⁵⁵ Хвостов, В. М. Предмет и метод социологии // Вопросы философии и психологии. – 1909. – Кн. 99. – С. 31.

⁵⁶ ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 1. – Ед. хр. 8. – Л. 11, 43.

⁵⁷ Там же. – Ед. хр. 163. – Л. 33.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 227. – Л. 1–5.

права» и вел семинар по истории институтов частного права. Среди заявленных профессорами отделения дополнительных курсов значились: «История этических учений» (В.М. Хвостов); «Учение о развитии идеалов» (И.А. Ильин); «Исторический материализм» (Н.А. Семашко). На этом же отделении проф. С.А. Котляревский читал курс «История политических и правовых учений».

В учебном плане политико-юридического отделения также были заявлены общие факультетские курсы «Учение о происхождении общественных форм», «Теория исторического развития общества в связи с историей социологической мысли». Имелось пояснение, что эти курсы могут чередоваться друг с другом. Однако по архивным документам не удалось установить, кто из профессоров отделения читал данные курсы. Есть, правда, предположение, что за эти курсы мог взяться проф. С.С. Кривцов, который заявил курс «Основы социологии», однако курса с подобным наименованием не оказалось в утвержденном учебном плане отделения на 1919/20 учебный год⁵⁹.

В то же время на историческом отделении ФОНа проф. А.А. Богданов читал курс «Эволюция мировоззрений»; проф. В.П. Волгин – курс «История социализма», Д.Б. Рязанов – курс «Маркс и марксизм».

На экономическом отделении ФОНа проф. Н.Н. Шапошников читал курсы «Теория политэкономии» и «История политэкономии»⁶⁰.

Последний раз проф. В.М. Хвостов присутствовал на заседании политико-юридического отделения ФОНа 28 ноября 1919 г. После этого заседания учебный процесс на ФОНе по ряду объективных причин (отсутствие топлива для обогрева помещений, арест ряда ведущих преподавателей и др.) был прерван. В.М. Хвостов добровольно ушел из жизни 5 февраля 1920 г. Россия, по словам П.А. Сорокина, потеряла одного из лучших людей русской науки.

В процессе исследования остался нерешенным вопрос, почему проф. В.М. Хвостов, будучи автором одного из лучших пособий по социологии, не преподавал социологические курсы в 1-м Московском университете. Причин может быть несколько. С одной стороны, по мнению Хвостова, социология в то время являлась «неустановившейся наукой», в которой шли принципиальные споры о предпосылках, методах и результатах. С другой стороны, его не устраивало положение социологии в системе нормальных академических занятий.

⁵⁹ Там же. – Оп. 6. – Ед. хр. 9. – Л. 2–5.

⁶⁰ Там же. – Оп. 1. – Ед. хр. 221. – Л. 10–12.

А может быть, ученый не мог преподавать этот предмет в условиях советских реалий, ведь он искренне полагал, что «научная социология возможна при полной независимости от политики».

Вновь возобновилась работа ФОНа в 1-м Московском университете в марте 1920 г. 7 марта на заседании политико-юридического отделения было заслушано предложение председателя президиума факультета проф. А.М. Винавера об увековечении памяти покойного проф. В.М. Хвостова. Было решено поместить портрет ученого в аудитории, где он проводил занятия со студентами, и выпустить сборник научных работ, посвященный его памяти. Курс проф. В.М. Хвостова по истории институтов частного права был поручен проф. И.А. Покровскому, по методологии общественных наук – проф. И.А. Ильину, а курс по истории этических учений был исключен из программы отделения⁶¹.

Согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 4 марта 1921 г. в российских университетах были реорганизованы факультеты общественных наук (ФОНы). В постановлении, подписанном Председателем Совета народных комиссаров В.И. Ульяновым (Лениным), определялась конкретная задача ФОНов – создание кадров научно подготовленных практических работников социалистического строительства. По мысли реформаторов, в состав факультетов общественных наук российских университетов должны входить следующие отделения: экономическое с циклами организации промышленности, труда и финансово-административным; правовое с судебным и административным циклами; естественно-педагогическое с школьным и внешкольным циклами. В Московском университете в составе ФОНа, кроме указанных отделений, были учреждены также отделения статистическое, внешних сношений, художественно-литературное. Исторические и филологические отделения, входившие в состав ФОНов при российских университетах, упразднились с 1 мая 1921 г. Постановление четко определяло порядок работы ФОНов: все учебные планы разрабатываются и утверждаются Комиссариатом народного просвещения. Кроме того, специальным пунктом в постановлении ставилась задача учреждения научных институтов по основным отраслям общественно-научного познания для разработки различных отраслей общественных наук и для подготовки высококвалифицированных научных кадров⁶².

⁶¹ Там же. – Оп. 6. – Ед. хр. 6. – Л. 34–37.

⁶² См.: Там же. – Оп. 1. – Ед. хр. 488. – Л. 1.

Согласно данному постановлению, в перечень обязательных дисциплин, читаемых на экономическом, правовом, общественно-педагогическом, литературно-художественном, статистическом отделениях, а также на отделениях внешних сношений входили, в частности: «Исторический материализм», «История социализма», «Политэкономия», «Учение о происхождении и развитии общественных форм»⁶³. Отдельной дисциплины «Социология» уже не было в учебных планах, однако название последней из перечисленных дисциплин – «Учение о происхождении и развитии общественных форм» по сути означало ту трактовку предмета социологии, авторство которой ранее принадлежало М.М. Ковалевскому. Этот эпизод наводит на некоторые размышления. С одной стороны, становится понятным, что началось наступление на свободу преподавания общественных дисциплин: опробовалась однозначная идеологическая схема, включавшая исторический материализм, политэкономия, историю социализма. С другой стороны, позиции социологии еще не утрачены, хотя уже и при новой власти, называя данную дисциплину, приходилось прибегать к «эзопову языку». Непросвещенному человеку трудно догадаться, о каком именно предмете идет речь и какие именно специалисты-обществоведы (социологи, историки, этнографы) будут его читать. В такой трактовке учебного предмета содержится, как кажется, симпатия руководителя страны В.И. Ленина к творчеству и личности М.М. Ковалевского, знакомство с которым состоялось еще в конце XIX в. и продолжилось во время работы Высшей русской школы общественных наук в Париже в начале XX в. Известно, что В.И. Ленин был в числе лекторов этой школы. В то же время изменение названия дисциплины, как показала российская история, дало возможность в будущем незаметно ее отменить. Хотя, если вернуться к учебным планам ФОНа, одно исключение все же имеется: на литературно-художественном отделении в качестве специальной дисциплины названа социология искусства, однако с очень значимой расшифровкой в скобках: исторический материализм как метод исследования искусства⁶⁴. Таким образом, преподавателю данной дисциплины была поставлена конкретная задача – применить исторический материализм к исследованию искусства, а социология осталась где-то «на заднем плане картины», как общий фон.

⁶³ См.: Там же. Л. 1–6.

⁶⁴ См.: Там же. Ед. хр. 488. – Л. 6.

Школьные и внешкольные циклы естественно-педагогического отделения ФОНа не включали даже перечисленных выше дисциплин. Но на этих циклах читалась в качестве обязательного предмета «Методика обществознания». Причем в школьном цикле она была конкретизирована как «Методика обществознания с практикумом». На внешкольном цикле (готовящем кадры, идущие в школы для взрослых, для подростков, в школы при клубах, народных домах, народных университетах) читалась «Методика обществоведения во внешкольном образовании». Следовательно, была реализована идея Ковалевского М.М. о необходимости преподавания на школьной ступени только базовых основ знаний об обществе. Кстати, для улучшения подготовки студентов по данному предмету с 1 сентября 1921 г. был создан специальный кабинет методики обществоведения на общественно-педагогическом отделении ФОНа⁶⁵.

Чтение на ФОНе дисциплины «Учение о происхождении и развитии общественных форм» в Московском университете с 1 ноября 1921 г. обеспечивала кафедра социологии и этнологии в составе профессоров Ю.П. Деннике, А.Н. Максимова, П.Ф. Преображенского, А.Д. Удальцова, Н.А. Янчука⁶⁶. Следует отметить, что все эти профессора не входили в число тех, кто стоял у истоков социологического образования, что, пожалуй, было предвестником грядущих испытаний, выпавших на долю социологии.

В.М. Хвостов не застал процесса постепенного отказа от чтения историко-социологических курсов на ФОНе Московского университета, закрытия ФОНов в российских университетах и еще многих испытаний, которые выпали на долю российской социологии, но его слова по поводу судьбы социологии как науки и предмета преподавания оказались пророческими. «По моему глубокому убеждению, – писал замечательный ученый, – науке этой предстоит великое будущее, и она, несомненно, будет лежать впоследствии в основе преподавания всех общественных наук»⁶⁷.

В связи с решением Наркомпроса от 3 июня 1919 г. об организации факультетов общественных наук (ФОНов) в российских университетах в Петроградском университете была создана комиссия

⁶⁵ См.: Там же. – Ед. хр. 494. – Л. 5.

⁶⁶ См.: Там же. – Ед. хр. 386. – Л. 2–3.

⁶⁷ Хвостов, В. М. Социология: Исторический очерк... – С. 224–225.

по реализации данного решения⁶⁸. Ее возглавил проф. И.М. Гревс, среди членов комиссии были, в частности, профессора Н.И. Кареев и Н.А. Рожков. Во время мероприятий по реорганизации профессора бывшего юридического факультета И.А. Ивановский и А.Н. Макаров обратились к Совету университета с представлением об организации кафедры социологии. В своем письме они отмечали: «Представляется вполне уместным и своевременным ввести в круг научных дисциплин и ту науку, которая задается целью дать некоторый общий фундамент для всех отдельных дисциплин, изучающих общественные явления, которая исследует генезис и эволюцию общества в целом и формы общественной жизни, выясняет общие законы общественного строения и развития»⁶⁹. Через несколько дней в Совет поступило аналогичное обращение об организации кафедры истории социологических и социалистических учений, подписанное проф. И.М. Кулишером⁷⁰.

В учебной программе переходного семестра (суть которого была в переходе от прежней системы преподавания общественных наук к новой) с 15 мая по 20 июля 1919 г. присутствовали курсы по социологии. В частности, К.М. Тахтарев читал курс истории социалистических учений, П.А. Сорокин – основы социологии. Кроме того, И.М. Гревс вел краткий курс методологии общественных наук⁷¹.

Согласно архивным данным, кафедра социологии и кафедра истории социологических и социалистических учений были созданы в ноябре 1919 г. в составе факультета общественных наук⁷². Некоторое время потребовалось для выработки программ и учебного плана новых кафедр.

Нельзя считать, что введение социологических дисциплин в программу обучения студентов Петроградского университета прошло гладко. Когда в 1919 г. на заседании совета бывшего историко-фи-

⁶⁸ См.: О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук. – Пг., 1919.

⁶⁹ См.: ЦГА СПб. – Ф. Р-7240. – Оп. 14. – Д. 16. – Л. 75об. Цит. по: Добреньков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Социологическое образование в России. – М., 2009. – Гл. 5. – С. 688.

⁷⁰ Там же. – Л. 76–77. Цит. по: Добреньков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч.

⁷¹ Там же. – Д. 19. – Л. 28–31. Цит. по: Добреньков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч.

⁷² Там же. Д. 16. – Л. 88. Цит. по: Добреньков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч.

дологического факультета был поставлен вопрос о включении курса социологии, только двое из присутствовавших профессоров и приват-доцентов высказались в его поддержку – академик А.С. Лаппо-Данилевский и профессор Н.И. Кареев. «Остальные высказывались или резко отрицательно, или с большим сомнением, или равнодушно молчали. Если потом на факультете общественных наук социология и стала преподаваться, то это произошло вследствие слияния с университетом еще двух высших школ – Высших женских курсов и Психоневрологического института, на котором ... уже раньше было введено преподавание этого предмета, преподаватели которого и вошли в состав Университета»⁷³. Возглавил созданную на факультете общественных наук кафедру социологии П.А. Сорокин⁷⁴, а кафедру истории социологических и социалистических учений – К.М. Тахтарев⁷⁵.

В отличие от других российских университетов недостатка в преподавателях, желавших читать социологические курсы, в Петроградском университете не было. Из составленного Наркомпросом списка, в котором значились 30 преподавателей социологии, три четверти были связаны с этим университетом. Среди них: Н.Н. Андреев, Н.А. Гредескул, И.М. Кулишер, М.Я. Лазерсон, Я.М. Магазинер, Н.А. Рождесков, В.В. Святловский, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.С. Тимашев, Б.А. Фингер⁷⁶. По мнению В.И. Клушина, «в первые годы в Советской России не было другого высшего учебного заведения, где такое большое внимание уделялось бы изучению социологии»⁷⁷.

Петроградский ФОН имел в своем составе несколько отделений: философское, этнолого-лингвистическое, историческое, филологическое, политико-юридическое, социально-экономическое⁷⁸. Слу-

⁷³ См.: Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – С. 153.

⁷⁴ См.: Архив Санкт-Петербургского университета. – Д. 1865/15. Цит. по: Добренков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Социологическое образование в России. – С. 690.

⁷⁵ Там же. – Д. 1957/78. Цит. по: Добренков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч.

⁷⁶ См.: ГАРФ. Ф. А-2307. – Оп. 23. – Д. 74. – Л. 2–3об. Цит. по: Добренков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч. – С. 690.

⁷⁷ Клушин, В. И. Борьба за исторический материализм в Ленинградском государственном университете (1918–1925). – Л., 1970. – С. 25.

⁷⁸ См.: ГАРФ. – Ф. А-298. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 47об. Цит. по: Добренков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч. – С. 692.

шатели могли выбрать один из трех вариантов обучения. Согласно первому варианту студент следовал нормальному учебному плану факультета (общему для всех отделений) без специализации. Вторым вариантом ставил конечной целью специализацию студента по одному из цикловых планов преподавания. Третий вариант давал возможность «специализироваться в определенной группе родственных предметов, составляя индивидуальный учебный план для себя по рекомендации профессора-руководителя»⁷⁹.

Безусловно, имея в виду первый вариант получения высшего образования на ФОНе, проф. Н.И. Кареев в 1919 г. подготовил свой учебник «Общие основы социологии»⁸⁰. В предисловии к изданию автор четко определил цель создания данной книги: «Хотелось бы, чтобы содержание ее было наиболее общим, а форма как можно более общедоступною»⁸¹. Другими словами, Кареев следовал просветительской модели социологического образования. Структура книги подтверждает этот вывод. В первом разделе поднимается проблема социологии в соответствии с природой общественных явлений. Автор четко определяет, что «социология ставит своей целью изучение общества вообще, т. е. взято-го отвлеченно и, так сказать, вне данных мест и данных времен... Социология есть общая абстрактная наука о природе и генезисе общества, об основных его элементах, факторах и силах, об их взаимоотношениях, о характере процессов, в нем совершающихся, где бы и когда бы все это ни существовало и ни происходило»⁸². Во втором разделе рассматривается происхождение общественных уз как материал для генетической социологии, или социальной эмбриологии⁸³. В третьем разделе анализируются взаимные отношения политики, экономики, права в общественной жизни. Автор подчеркивает, что «взаимодействие политики, права и экономики очень характерно вообще для социальных явлений, взятых во всей их сложности... это разные точки зрения на одно и то же явление, в котором мы находим разные стороны, ...тогда как явление представляет собою всегда неразрывную целостность»⁸⁴. В четвертом

⁷⁹ Там же. – Л. 25. Цит. по: Добренков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч. – С. 691.

⁸⁰ См.: Кареев, Н. Общие основы социологии. – Пг., 1919.

⁸¹ Там же. – С. 3.

⁸² Там же. – С. 8–9.

⁸³ См.: там же. – С. 52–84.

⁸⁴ Там же. – С. 90.

разделе определяется социальная сторона духовной культуры. В частности, Н.И. Кареев подчеркивает, что «с социологической точки зрения, важно только иметь в виду, как общее явление в развитии духовной культуры, расслоение самого общества на классы, отличающиеся один от другого и по культурным признакам»⁸⁵. Пятый раздел поднимает проблему человеческой особи в обществе и международного общения в человечестве. Ученый сразу определяет, что «социология имеет дело с человеческим родом, распадающимся на породы (расы) с очень различными анатомическими, физиологическими и психическими признаками, но в то же время наблюдает, что общественность существует во всех расах, только на разных ступенях развития, и что в быте и в развитии всех обществ много общих и сходных черт»⁸⁶. В шестом разделе раскрывается социальная сторона исторического процесса. Автор не скрывает, что подходит к пониманию социологии с исторической точки зрения. «Исторические события, прагматика истории, осуществляют перемены общественных состояний и форм, эволюция которых изучается социологией»⁸⁷. Наконец, в седьмом разделе раскрываются общие формулы социальной эволюции. Кареев пишет: «Рассматривая разные эволюционные формулы социологии, мы можем сказать, что одни из них имеют эмпирическое основание, будучи историческими или сравнительно-историческими и типологическими обобщениями, другие, наоборот, имеют априорное по отношению к общественным явлениям происхождение. Так, спенсеровская формула интеграции и дифференциации или марксовская (гегельянская) тезиса, антитеза и синтеза выведены не из наблюдений над историческою действительностью ... они имеют характер логического построения»⁸⁸. И особенно примечательна последняя фраза, которой ученый заканчивает свою книгу: «Чтобы стать настоящей наукою, социологии, однако, еще нужно очень и очень многое, чего в ней еще нет, но в чем ей могут помочь ученые различных специальностей: историки, экономисты, юристы, государственеды, психологи, философы, каждый с какой-либо особой стороны»⁸⁹.

Таким образом, совершенно ясно, что согласно просветительской модели социологического образования представители всех специ-

⁸⁵ Там же. – С. 117.

⁸⁶ Там же. – С. 142.

⁸⁷ Там же. – С. 179.

⁸⁸ Там же. – С. 205.

⁸⁹ Там же. – С. 206.

альностей должны получить представление об основах социологии как общей науке об обществе применительно к своим предметам исследования реальности.

Второй вариант обучения – цикловая программа по социологии, которая первоначально предусматривалась в учебном плане политико-юридического отделения, потом была переведена на социально-экономическое отделение. Данный цикл отличался от других вариантов обучения тем, что предполагал не двухгодичную, но четырехгодичную специализацию. Уже с первого курса предусматривалось изучение социологии. Среди конкретных предметов значились: курс общей социологии, разбитый на две части и читавшийся на первом и втором курсах; генетическая социология и история социологических и социалистических учений, читавшиеся на втором курсе. Остальные обязательные курсы общественных наук были разнообразными и объемными. Среди обязательных предметов, входящих исключительно в данный цикл, были: общий курс биологии и антропологии, антропогеография, экономическая и моральная статистика⁹⁰.

По учебному плану 1919–1920 гг. на данном цикле читались следующие курсы: «Система социологии» (проф. П.А. Сорокин); «Генетическая социология» (проф. К.М. Тахтарев); «История социологических и социалистических учений» (профессора Н. И. Кареев, Н.А. Гредескул); «История социализма» (проф. В.В. Святловский). В качестве факультативных предлагались «Уголовная социология» (проф. П.А. Сорокин), «Этика общежития» (проф. А.Ф. Кони)⁹¹. Утверждала программу преподавания социологического цикла наук предметная комиссия по социологии, которую возглавлял проф. П.А. Сорокин. Безусловно, если говорить о модели социологического образования в условиях сквозной четырехгодичной специализации, это неопозитивистская модель, которую разработали П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев. Однако присутствие такой модели не отменяло наличие в учебном процессе и просветительской модели, разработанной Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским.

⁹⁰ Учебный план социально-экономического отделения Петроградского ФОНа // Добренков В.И., Кравченко А.И., Гутнов Д.А. Социологическое образование в России. – Приложение III. – С. 735–736.

⁹¹ См.: ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 115–118об. Цит по: Добренков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Указ. соч. – С. 692.

Более того, еще весной 1918 г. в Петроградском университете был разработан план чтения лекций для населения. Общедоступные университетские курсы (цена билета составляла 1 рубль) читались с мая по июль известными профессорами С.Ф. Платоновым, С.А. Веселовским, А.Е. Пресняковым, Н.И. Кареевым, Н.Я. Марром и другими⁹². В программе лекций был предусмотрен и ряд курсов по социологии⁹³.

Программа всех отделений ФОНа была рассчитана на четыре года обучения. Первые два года на всех отделениях читались одни и те же обязательные предметы. Цикловая специализация была предусмотрена на третьем и четвертом годах обучения. По всей вероятности, воспользоваться третьим вариантом обучения студент мог только с третьего курса.

Социологическое образование осуществлялось в то время и в других российских университетах, в частности в Ярославском государственном университете.

Причина открытия Ярославского университета была политической. В ленинском декрете говорилось: «В ознаменование Октябрьской революции 1917 года, раскрепостившей трудящиеся массы от политического, экономического и духовного гнета со стороны имущих классов и открывшей им широкие пути к источникам знания и культуры, учредить государственные университеты в городах: Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и преобразовать в государственные университеты бывшие Демидовский юридический лицей в Ярославле и педагогический институт в Самаре. Сроком открытия ... государственных университетов считать день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 года»⁹⁴.

Учебные занятия в новом университете начались во второй половине ноября 1918 г. Тогда же определилась структура университета. В период организации университет имел один факультет общественных и исторических наук с экономическим, юридическим, историческим, кооперативным отделениями. В апреле 1919 г. факультет

⁹² См.: *Мандель, С. З.* Культурно-просветительская деятельность ученых Петроградского университета в первые годы Советской власти // *Очерки по истории Ленинградского университета.* – Т. 1. – Л., 1962. – С. 201–237.

⁹³ См.: *Обозрение преподавания на общедоступных университетских курсах, организованных Петроградским университетом.* – Пг., 1918.

⁹⁴ Цит. по: *Тарасов, Е. П.* Из истории Ярославского государственного университета (1918–1924 гг.) // *Вестник ярославского университета.* – 1972. – № 1. – С. 7.

стал именоваться факультетом общественных наук (ФОНом). Вместо четырех отделений осталось три: экономическое, юрико-политическое, общеисторическое. Согласно решению Ученого совета от 4 апреля 1919 г. в составе экономического отделения ФОНа была открыта кафедра социологии⁹⁵. На юрико-политическом отделении была создана кафедра криминальной социологии и политики. На историческом отделении – кафедра истории социализма. Всего было открыто 29 кафедр.

Согласно рабочим учебным планам на 1919/20 учебный год за кафедрой социологии было закреплено чтение следующих курсов: «Социология: общий курс», «Методология общественных наук»⁹⁶. По кафедре криминальной социологии и политики читался одноименный курс «Криминальная социология и политика», а также оригинальный курс «Учение об участии общества в борьбе с преступностью». По кафедре истории социализма читался один курс «История социалистических учений и движений», включавший специальный подраздел «Маркс и марксизм»⁹⁷.

Учебный план предусматривал для студентов ФОНа, независимо от дальнейшей специализации, изучение в течение первых двух лет цикла общеобразовательных предметов, преподавание которых давало «общее социологическое образование, являющееся необходимой предпосылкой образования социального»⁹⁸. Наряду с общеобразовательными предметами со второго года обучения предусматривалось факультативное преподавание ряда дисциплин, необходимых для подготовки будущего специалиста. Начиная с третьего курса студенты выбирали отделения. В пределах каждого отделения, в свою очередь, происходила дальнейшая специализация в рамках отдельных учебно-исследовательских групп. К 1920 г. общеисторическое отделение было преобразовано в социально-историческое, так как в его составе появилась группа социологов. Студенты этой группы изучали специальные социологические дисциплины и слушали специальные лекции по истории. С этого момента можно говорить о начале профессиональной

⁹⁵ См.: Государственный архив Ярославской области. – Ф. Р- 51. – Оп. 1. – Ед. хр. 40. – Л. 33.

⁹⁶ См.: Там же. – Ед. хр. 41. – Л. 27.

⁹⁷ См.: Там же.

⁹⁸ См.: Там же. Л. 4.

подготовки социологов в Ярославском университете в рамках специализации⁹⁹.

Обучение в университете проходило в вечернее время. Студенты слушали лекции, выполняли лабораторные задания, работали в научных кружках, созданных при кафедрах. В распоряжении студентов были 24 научных кабинета, которые не только служили для практических занятий студентов, но и обслуживали нужды преподавателей учебных предметов. Заведовали кабинетами, как правило, преподаватели, ведущие соответствующие учебные дисциплины¹⁰⁰.

Возглавил кафедру социологии, читал социологические курсы, работал заведующим кабинетом социологии с 1919 по 1923 г. проф. Алексей Андреевич Рождественский. Он родился в 1869 г. и жил в Москве. Его послужной список достаточно внушителен. По окончании курса Московского университета по юридическому факультету он был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию. Успешно выдержал испытания на степень магистра и стал приват-доцентом Московского университета. В 1913 г. получил степень магистра государственного права. С 1914 г. состоял профессором Демидовского юридического лицея. С преобразованием его с 1918 г. в Ярославский государственный университет стал профессором этого университета. Автор многочисленных статей по общей теории права и государства, в университете сначала читал курс «Введение в изучение науки о праве и государстве», затем все социологические дисциплины¹⁰¹.

О концепции социологического образования, которой придерживался А.А. Рождественский, можно судить по сохранившейся в архиве программе общего курса «Социология», утвержденной на заседании деканата ФОНа 19 августа 1919 г.¹⁰²

Программа включала несколько разделов. В первом разделе были отражены основные задачи социологии. Во втором разделе проанализировано отличие социологии от смежных дисциплин (социальной философии, социальной политики, философии истории, истории, истории культуры, этнографии, статистики). В третьем разделе приведен обзор главнейших социологических направлений и названы основные представители этих направлений: О. Конт, Г. Спенсер,

⁹⁹ Там же. — Ед. хр. 40. — Л. 5.

¹⁰⁰ Там же. — Ед. хр. 17. — Л. 6.

¹⁰¹ Там же. — Ед. хр. 91. — Л. 21.

¹⁰² Там же. — Ед. хр. 16. — Л. 57.

Г. Тард, Л. Уорд, Г. Зиммель. В четвертом разделе проанализированы такие направления в социологии, как экономический материализм; юридическое направление в лице Р. Штаммлера; русская социологическая школа, обосновавшая субъективный метод в социологии. В пятом разделе автор попытался ответить на вопрос, возможна ли социология как точная наука. В шестом разделе обоснован метод социологии. В седьмом разделе дано определение понятия «общество». В восьмом разделе приведена структура обществ и дана их классификация. В девятом разделе проанализирована деятельность общества (общественные силы, социальная борьба и социальное сотрудничество). Наконец, в десятом разделе говорилось о генезисе и эволюции обществ¹⁰³.

В списке рекомендованных источников указаны работы западных социологов Г. Спенсера, Г. Тарда, К. Маркса, Г. Зиммеля, А. Эспинаса, Ф. Гиддингса, Л. Гумпловича, Л. Уорда, Э. Дюркгейма, А. Лориа. Такое разнообразие источников делает честь профессору, знакомому с большинством работ западных социологов.

Среди российских источников А.А. Рождественский рекомендует к изучению учебники по социологии Г.Ф. Шершеневича, Е.В. де-Роберти, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, В.М. Хвостова, а также сочинения Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, представителей русской социологической школы, разработавших субъективный метод в социологии. А.А. Рождественскому, долгое время преподававшему общую теорию права, был интересен стык социологии и права. Не случайно в списке литературы указана работа Б.А. Кистяковского «Социальные науки и право»¹⁰⁴.

Таким образом, если проанализировать содержание программы, то разделы 1–6 выдержаны в духе просветительской модели социологического образования. Разделы 7–10 представляют научную позитивистскую модель с элементами неопозитивизма в той части программы, где автор уделяет особое внимание структуре общества. Следовательно, есть основания утверждать, что смена моделей социологического образования происходила постепенно, допуская период их совмещения, тем более в том случае, когда социологические курсы имели характер и общеобразовательных, и специальных.

¹⁰³ Там же. — Ед. хр. 39. — Л. 153.

¹⁰⁴ Там же.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что проф. Рождественский в 1921/22 учебном году предложил для преподавания на первом курсе юридико-политического отделения ФОНа новую программу – «Генетическая социология», в которой с учетом специфики обучения студентов на этом отделении несколько смещены акценты в сторону проблем зарождения и эволюции общества.

В программу курса «Генетическая социология» входили следующие темы. В первой теме говорилось о разделении наук о природе и наук о культуре. Вторая тема давала представление о социологии как общей науке о культуре. Третья тема была посвящена отличию социологии от смежных дисциплин. В четвертой теме давался обзор главнейших направлений социологии. В пятой теме поднималась проблема метода в социологии. В шестой теме обосновывалась роль гипотез в социологии. В седьмой теме автор поставил вопрос о том, возможна ли социология в качестве точной науки. В восьмой теме говорилось о проблеме социальной закономерности и раскрывались ее этапы: сожитие, общение, общежитие, общественность. В девятой теме было введено понятие «социальный институт». В десятой теме анализировалось понятие «общественность», давался точный смысл этого слова. Одиннадцатая тема характеризовала формы общественной организации. Двенадцатая тема давала представление об общественной деятельности и ее условия (сотрудничество и разделение труда). Тринадцатая тема освещала общественно-культурную деятельность и ее условия (сотрудничество и разделение труда). Четырнадцатая тема была посвящена социальным силам. Пятнадцатой теме говорилось о соотношении социальной борьбы и общественной. Шестнадцатая тема поднимала проблему личности и общества в культурном процессе. Семнадцатая тема вводила понятие «генетическая социология» как наука о зарождении и эволюции общественной. Наконец, восемнадцатая тема была посвящена понятию закономерности социального (культурно-исторического) процесса вообще¹⁰⁵.

Список источников к данному курсу не прилагался. Исходя из этого, можно предположить, что он остался таким же, как и в общем курсе социологии, а изменилась лишь содержательная часть.

Если проанализировать содержание представленной программы, то налицо преемственность (вплоть до формулировки некоторых тем) с программой курса общей социологии. Однако программа

¹⁰⁵ См.: Там же. – Ед. хр. 95. – Л. 126.

курса «Генетическая социология» более конкретна: есть попытка определить предмет социологии, несколько тем раскрывают основные понятия – «социальный институт», «общественность», «общественная организация», «социальная закономерность». Можно было бы сделать вывод, что это вариант неопозитивистской модели социологического образования. Однако последние темы вводят понятие «генетическая социология» и понятие закономерности социального (культурно-исторического) процесса вообще, что возвращает нас к просветительской модели социологического образования и подтверждает эвристический вывод М.М. Ковалевского, что представителям других общественных наук легче понять и принять новую науку как генетическую социологию.

По рабочим учебным планам 1919/20 и 1920/21 учебных годов на изучение общего курса социологии на 1-м курсе ФОНа отводилось 4 часа: 3 часа лекционных и 1 час практических занятий¹⁰⁶. В планах 1921/22 учебного года на чтение курса «Генетическая социология» на 1-м курсе юридико-политического отделения отводилось также 4 часа в неделю: 3 часа лекционных и 1 час практических занятий¹⁰⁷.

В 1922/23 учебном году в университете появился педагогический факультет, в составе которого были созданы словесно-историческое, биолого-географическое и физико-математическое отделения. Он образовался в результате слияния факультета общественных наук университета и Ярославского педагогического института. В учебном плане этого факультета на 1922/23 учебный год на 1-м курсе предусматривалось чтение курса «Основы социологии» проф. А.А. Рождественским в количестве 6 часов в неделю: 4 часа лекций и 2 часа практических занятий¹⁰⁸.

22 октября 1923 г. А.А. Рождественский был отчислен из университета по состоянию здоровья. Чтение социологических курсов было передано профессору-правоведу Николаю Максимовичу Тоцкому, в 1922 г. избранному профессором Ярославского государственного университета¹⁰⁹. Его перу принадлежали многочисленные работы по теории и истории права и правоведческих учреждений в России. Преподавание социологии было для него, судя по архивным данным,

¹⁰⁶ См.: Там же. – Ед. хр. 41. – Л. 3–4.

¹⁰⁷ См.: Там же. – Ед. хр. 94. – Л. 17об, 18.

¹⁰⁸ См.: Там же. – Л. 92.

¹⁰⁹ См.: Там же. – Ед. хр. 91. – Л. 22.

скорее вынужденным, чем желанным, делом. В научном отчете за 1923 г. он пишет о сданной в печать работе «Учение Монтеスキе об обществе в свете механического мировоззрения», но тут же указывает начатые им разработки по истории юридической мысли, по истории государства и права¹¹⁰.

Уход проф. Рождественского из университета совпал по времени с начавшимся сворачиванием преподавания в нем общих социологических курсов. Часы, выделенные на эти курсы, постепенно были переданы частью правоведческим дисциплинам, частью тем курсам, которые читались параллельно с общими социологическими курсами – «История социализма» и «История социалистических учений и движений», включая раздел «Маркс и марксизм». Интересно, что программы этих курсов были также разработаны А.А. Рождественским и читались им на 2-м и 3-м курсах ФОНа.

В 1921/22 учебном году кафедрой истории социализма был заявлен курс «Исторический материализм» для студентов педагогического отделения ФОНа. Чтение этого курса было поручено новому преподавателю, только что зачисленному в университет, – Авраамову Алексею Иоакимовичу, использовавшему экономический материализм в качестве методологического подхода к исследуемым вопросам и обнаружившему, по мнению проф. Б. Плетнева, основательное знакомство с марксистской литературой¹¹¹. Кроме курса исторического материализма, старший преподаватель А.И. Авраамов после ухода из университета А.А. Рождественского стал читать курс истории социализма.

В 1924 г. Ярославский государственный университет был закрыт. Его преемником стал Ярославский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт им. К.Д. Ушинского. В его составе уже не было кафедры социологии, а в сохранившемся в архивах учебном плане на 1925/26 учебный год уже не значились курсы «Социология: общий курс» и «Генетическая социология». Вместо них на первом курсе как общая дисциплина читалась «История культуры в связи с историческим материализмом», на втором курсе – «Диалектический материализм». Курс диалектического материализма был поручен талантливому марксисту – профессору (уже!) Авраамову А.И.¹¹²

¹¹⁰ Там же. – Ед. хр. 13. – Л. 53–54.

¹¹¹ Там же. – Л. 111.

¹¹² См.: Государственный архив Ярославской области. – Ф. Р-2257. – Оп. 5. – Ед. хр. 9. – С. 143.

Таким образом, в Ярославском государственном университете была создана кафедра социологии в составе факультета общественных наук. Преподавание социологии в университете строилось по смешанной просветительской и неопозитивистской моделям социологического образования. Дисциплина «Социология: общий курс» читалась студентам всех отделений как общеобразовательная, фундаментальная, закладывавшая основу для дальнейшей специализации. Дисциплина «Генетическая социология» читалась на 1-м курсе юридико-политического отделения, представляя углубленный вариант общего курса социологии. Впоследствии эти курсы были заменены курсами исторического и диалектического материализма, которые стали рассматриваться в качестве основных социологических курсов во всех российских университетах.

Раздел 4

Эволюция социологического образования от позитивизма к марксизму

4.1. Советская реальность начала 1920-х годов

В начале 20-х годов XX в. трудности развития социологии были вызваны, в частности, тем, что происходила смена поколений социологов. Старое поколение, которое представляло позитивистскую социологию, по-прежнему рассматривало социологию как науку об обществе вообще, о социальной жизни в целом. Именно в таком ключе в 1922 г. Н.И. Кареев читал на этнографическом факультете Географического института в Петербурге курс под названием «Общий ход мировой культуры», а также небольшой курс по методологии общественных наук. Этот преподавательский опыт лег в основу книги, которую, как вспоминал сам автор, он писал по образцу «Общих основ социологии». Первоначальное название данного труда – «Общая методология общественных наук»¹. Эта книга Кареева под названием «Методология общественных наук» в 1922 г. была отдана автором для набора в Военную типографию РККА, и часть книги вскоре была набрана. На сохранившихся в архиве корректурных листах рукою Н.И. Кареева написано «Сверстанная часть книги «Общая методология гуманитарных наук»». Однако судьба ее оказалась незавидной, она была запрещена цензурой².

Уже в 1923 г., после того как было отпраздновано 50-летие преподавательской деятельности Н.И. Кареева, ему как профессору Географического института был оставлен факультативный курс исторической этнографии, а курс о ходе мировой культуры был отменен. Как вспоминал сам Н.И. Кареев, «1923 г. является для меня знаменательной датой, особенно если принять в расчет, что около этого же времени прекратилось и печатание моих исторических работ... Если к этому прибавить прекращение более старого Исторического и более молодого Социологического обществ, прежнего Литературного

¹ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990. – С. 285.

² ОР РГБ. – Ф. 119. – П. 39. – Д. 14. Цит. по: Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 358.

4.1. Советская реальность начала 1920-х годов

фонда, Отдела для содействия самообразованию и т. п., в которых я принимал деятельное участие, то моя деятельность оказалась еще более сократившейся»³. От себя заметим, что именно занятие социологией, особенно интенсивное в последние годы жизни этого ученого, могло стать причиной такой немилости со стороны властей. Иначе как объяснить тот факт, что после вышедшего в 1924 г. трехтомного труда «Историки Французской революции» больше книги Н.И. Кареева не печатались, включая четвертый том, посвященный обзору всех философий и историй, упоминавших об этой революции.

Последними вышедшими в свет социологическими трудами К.М. Тахтарева были «Общество и его механизм» (1922) и первая часть «Сравнительной истории развития человеческого общества и общественных форм» (1924). В последней работе, следуя методологии генетической социологии, автор проанализировал тотемное и родовое общества. В этом очерке много места было уделено учению К. Маркса, которое было названо «экономическим направлением в социологии», в частности «создавшим новое особое направление в генетической социологии», а также «весьма существенным и необходимым дополнением эволюционного учения»⁴. Этими определениями автор откликнулся на актуальную проблему того времени – о статусе и роли марксистской социологии.

Новое поколение социологов, ярким представителем немарксистского крыла которого был П.А. Сорокин, считало необходимым призвать социологию к изучению «эмпирически реальных» общественных явлений, проявившихся в конкретных формах взаимодействия и поведения людей. Марксистское крыло социологов поначалу поддержало это стремление и подвергло критике абстрактные схемы общественного развития. Но взамен для социального анализа этим крылом была предложена не менее абстрактная категория исторического материализма – «общественная экономическая формация». В связи с этим задачей новой марксистской социологии стало изучение ее возникновения, функционирования и развития по объективным общественным законам. Тем самым труды и разработки немарксистского крыла социологов оказались невостребованными в реальной практике.

³ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. С. 295–296.

⁴ См.: Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – Гл. 6. – С. 270.

Эволюция социологического образования от позитивизма к марксизму

4.1. Советская реальность начала 1920-х годов

В начале 20-х годов XX в. трудности развития социологии были вызваны, в частности, тем, что происходила смена поколений социологов. Старое поколение, которое представляло позитивистскую социологию, по-прежнему рассматривало социологию как науку об обществе вообще, о социальной жизни в целом. Именно в таком ключе в 1922 г. Н.И. Кареев читал на этнографическом факультете Географического института в Петербурге курс под названием «Общий ход мировой культуры», а также небольшой курс по методологии общественных наук. Этот преподавательский опыт лег в основу книги, которую, как вспоминал сам автор, он писал по образцу «Общих основ социологии». Первоначальное название данного труда – «Общая методология общественных наук»¹. Эта книга Кареева под названием «Методология общественных наук» в 1922 г. была отдана автором для набора в Военную типографию РККА, и часть книги вскоре была набрана. На сохранившихся в архиве корректурных листах рукою Н.И. Кареева написано «Сверстанная часть книги «Общая методология гуманитарных наук»». Однако судьба ее оказалась незавидной, она была запрещена цензурой².

Уже в 1923 г., после того как было отпраздновано 50-летие преподавательской деятельности Н.И. Кареева, ему как профессору Географического института был оставлен факультативный курс исторической этнографии, а курс о ходе мировой культуры был отменен. Как вспоминал сам Н.И. Кареев, «1923 г. является для меня знаменательной датой, особенно если принять в расчет, что около этого же времени прекратилось и печатание моих исторических работ... Если к этому прибавить прекращение более старого Исторического и более молодого Социологического обществ, прежнего Литературного

¹ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990. – С. 285.

² ОР РГБ. – Ф. 119. – П. 39. – Д. 14. Цит. по: Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 358.

фонда, Отдела для содействия самообразованию и т. п., в которых я принимал деятельное участие, то моя деятельность оказалась еще более сократившейся»³. От себя заметим, что именно занятие социологией, особенно интенсивное в последние годы жизни этого ученого, могло стать причиной такой немилости со стороны властей. Иначе как объяснить тот факт, что после вышедшего в 1924 г. трехтомного труда «Историки Французской революции» больше книги Н.И. Кареева не печатались, включая четвертый том, посвященный обзору всех философий и историй, упоминавших об этой революции.

Последними вышедшими в свет социологическими трудами К.М. Тахтарева были «Общество и его механизм» (1922) и первая часть «Сравнительной истории развития человеческого общества и общественных форм» (1924). В последней работе, следуя методологии генетической социологии, автор проанализировал тотемное и родовое общества. В этом очерке много места было уделено учению К. Маркса, которое было названо «экономическим направлением в социологии», в частности «создавшим новое особое направление в генетической социологии», а также «весьма существенным и необходимым дополнением эволюционного учения»⁴. Этими определениями автор откликнулся на актуальную проблему того времени – о статусе и роли марксистской социологии.

Новое поколение социологов, ярким представителем немарксистского крыла которого был П.А. Сорокин, считало необходимым призвать социологию к изучению «эмпирически реальных» общественных явлений, проявившихся в конкретных формах взаимодействия и поведения людей. Марксистское крыло социологов поначалу поддержало это стремление и подвергло критике абстрактные схемы общественного развития. Но взамен для социального анализа этим крылом была предложена не менее абстрактная категория исторического материализма – «общественная экономическая формация». В связи с этим задачей новой марксистской социологии стало изучение ее возникновения, функционирования и развития по объективным общественным законам. Тем самым труды и разработки немарксистского крыла социологов оказались невостребованными в реальной практике.

³ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. С. 295–296.

⁴ См.: Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – Гл. 6. – С. 270.

4.2. Марксистская модель
социологического образования

В начале 20-х годов XX в. стало ясно, что постепенно утверждается линия марксизма в социологической науке. Вопрос стоял о понимании предмета и границ социологии в рамках марксистской доктрины. Ответ на него вызвал дискуссию среди представителей различных общественных наук.

Особую позицию по данному вопросу занимал Н.И. Кареев. Опираясь на взгляды основоположников марксизма на исторический материализм как составную часть марксистской философии наравне с диалектическим материализмом, он утверждал, что сущность исторического материализма состоит в том, что он является методологией марксизма в изучении общества, но не является социологией в качестве отдельной науки об обществе⁵.

Иную позицию занимал Н.И. Бухарин, выпустивший в 1922 г. книгу «Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии». Если судить по названию, автор положительно отвечает на вопрос, возможна ли марксистская социология. Однако для уточнения методологических позиций ученого следует проанализировать названную работу.

По собственным словам Бухарина, эта книга родилась «из дискуссий в семинарии» в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова (Москва) и Московском университете. Целью книги являлась систематизация марксистской теории. В предисловии отмечалось: «Автор выбрал тему об историческом материализме потому, что «основа основ» марксистской теории не имеет систематического изложения»⁶. Единственную попытку подобного рода, по мнению автора, предпринял Г. Гортер⁷, все другие работы можно назвать только «соприкасающимися с теорией исторического материализма». Интересно, что Н.И. Бухарин не предполагал ограничиться только изложением общепринятых взглядов. В предисловии он прямо заявлял, что «всюду

⁵ См.: Кареев, Н. И. Марксистская социология // Мир России. – 1992. – № 1. – С. 115–162; Письмо Кареева в редакцию Малой советской энциклопедии об отношении к Карлу Марксу // Исторический архив. – 2002. – № 6. – С. 169–175.

⁶ Бухарин, Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. – М., 2008. – С. 15.

⁷ См.: Гортер, Г. Исторический материализм. – М.; Пг.: Коммунист. – 1919.

и везде продолжая традиции ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса», он «в некоторых довольно существенных пунктах отступает от обычной трактовки предмета», а в других «не ограничивается уже известными положениями», а развивает их дальше. Было бы странно, резонно добавляет ученый, если бы «марксистская теория вечно топталась на одном месте»⁸. Таким образом, заявив о своей марксистской ортодоксальности, автор оставил за собой право на свободу личного толкования марксистской теории.

Во введении Н.И. Бухарин затрагивает принципиально важные вопросы, связанные с практическим значением общественных наук. На основании признания классового характера общественных наук ученый проводит их разделение на науку буржуазную и пролетарскую. «Немудрено понять, что буржуазная практика требует одного, а пролетарская – другого, что у буржуазии один взгляд на вещи, а у рабочего класса – другой, что общественная наука у буржуазии одна, а у пролетариата – неизбежно другая»⁹. Целый параграф во введении отведен доказательству того, что «пролетарская наука выше буржуазной», так как «глубже и шире рассматривает явления общественной жизни ... способна заглядывать дальше и подмечать то, что не в состоянии подмечать общественная наука буржуазии»¹⁰. В отличие от других марксистских авторов, Н.И. Бухарин защищал право социологии на существование. «Социология есть наиболее общая (абстрактная) из общественных наук ...она выясняет общие законы человеческого развития ...служит методом для истории»¹¹. Однако следующий параграф посвящен особой, классовой социологии – пролетарской. Автор пишет: «У рабочего класса есть своя, пролетарская социология, известная под названием исторического материализма. В основном, эта теория выработана Марксом и Энгельсом. Иначе она называется материалистическим методом в истории или просто «экономическим материализмом». Эта гениальнейшая теория является острым орудием человеческой мысли и познания. При ее помощи пролетариат разбирается в самых запутанных вопросах общественной жизни и классовой борьбы»¹². Вместе с тем Н.И. Бухарин справедливо заме-

⁸ Бухарин, Н. И. Указ соч. – С. 16.

⁹ См.: Там же. – С. 19.

¹⁰ Там же. – С. 21.

¹¹ Там же. – С. 22.

¹² Там же. – С. 22–23.

тил, что значение теории исторического материализма как метода для истории отнюдь не уничтожает ее значения как социологической теории, так как очень часто «более абстрактная наука дает точку зрения (т. е. метод) науке менее абстрактной»¹³.

Основное содержание книги не ограничивалось вопросами социологии. В главах I–III автор поднимает ряд проблем философско-научного и методологического характера: причина и цель в общественных науках (казуальность и телеология); детерминизм и индетерминизм (необходимость и свобода воли), материализм и идеализм. В изложении этих вопросов автор неоригинален, он часто вынужден цитировать буржуазных авторов (что в каком-то смысле противоречит его же утверждению об отставании буржуазной науки от пролетарской). Решать же поставленные проблемы автору приходится в духе диалектического материализма. Он подчеркивает: «Диалектический метод, диалектический способ рассматривать все сущее требует рассмотрения всех явлений, во-первых, в их неразрывной связи; во-вторых, в их движении»¹⁴. В качестве примера можно привести один пассаж из главы I: «Человечество идет к коммунизму потому, что в капиталистическом обществе вырос пролетариат, который не вмещается в рамках этого общества»¹⁵.

Собственно социологические вопросы поднимаются Бухариным начиная со второй части главы III, где ставится проблема динамизма в истории: «“Борьба”, “противоречия”, т. е. антагонизмы различного направления сил и обуславливают движение»¹⁶. Как в природе, так и в обществе все движется противоречиями как между обществом и природой, так и внутри самого общества. Это движение совершается скачками, т. е. в обществе – революциями, которые подготавливаются постепенными изменениями. Представление о постепенном развитии (эволюции) было порождено консерватизмом буржуазных ученых: «отрицание противоречивого характера развития покоится у буржуазных ученых на боязни классовой борьбы и на затушевывании общественных противоречий... на боязни революций»¹⁷.

¹³ Там же. – С. 23.

¹⁴ Там же. – С. 78.

¹⁵ Там же. – С. 27.

¹⁶ Там же. – С. 87.

¹⁷ См.: Там же. – С. 95.

В главе IV поднимаются проблемы общества. Н.И. Бухарин рассматривает общество как реальную совокупность, как систему взаимодействующих элементов – людей. Материалистический взгляд на общество, по мнению автора, предлагает следующее его определение: «Это есть наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на трудовую связь»¹⁸. Психические взаимодействия, возникающие между людьми, «составляют “дух” общества, но они имеют и свое “тело”, без которого не могут существовать так же, как не может существовать и “дух” отдельного человека без его грешной и бренной плоти. И этим “телом” является трудовой олов, система материальных отношений между людьми в процессе труда, или, как их называет Маркс, производственных отношений»¹⁹. Тем не менее в этой же главе Н.И. Бухарин допускает отступление от догмы, заявляя: «И язык, и политическое устройство, и наука, и искусство, и религия, и философия, и целый ряд более мелких явлений и частных, вроде моды, обычаев, “правил приличия” и т. д. и т. п. – все это продукты общественной жизни, результат взаимодействия людей, их непрерывного общения друг с другом»²⁰. Таким образом, взаимодействия людей не сводятся исключительно к одной трудовой связи.

В этой же главе автор поднимает вопрос о роли личности в истории и опять занимает особую позицию. С одной стороны, «общество первенствует над личностью»²¹. С другой стороны, раз общество состоит из личностей, то действия отдельной личности входят как составная часть в общественное явление, и отдельный человек вовсе не ноль, а некоторая сила. Однако мотивы деятельности людей и пределы осуществимости их целей определяются общественными условиями. «Сама отдельная личность это точно сгусток сжатых общественных влияний, завязанных в маленький узелок»²². Роль личности может быть и довольно велика по причине особого места, ею занимаемого, и особой выполняемой ею работы, т. е. силу и значение отдельных людей создает та общественная связь, та организация, среди которой они работают. Таким образом, не отрицая значения выдающихся

¹⁸ См.: Там же. – С. 103, 105.

¹⁹ См.: Там же. – С. 107–108.

²⁰ Там же. – С. 112.

²¹ См.: Там же. – С. 118.

²² См.: Там же. – С. 115.

способностей личности, Н.И. Бухарин все-таки поставил на первое место положение индивида в общественной организации как члена группы, класса, общества, как бы игнорируя значение личной инициативы, т. е. внутреннего психического акта. Отсюда вывод: развитие личности можно вывести из условий общественного характера, но отнюдь нельзя из развития личности выводить развитие общества. Ученый заключает: «Из общественных отношений – из рассмотрения условий всей общественной жизни, жизни класса, профессиональной группы, семьи, школы и т. д. – мы можем объяснить более или менее развитие личности, а из развития “личности” мы отнюдь не сможем объяснить развитие общества»²³.

В главе V поднимаются проблемы равновесия между обществом и природой. Здесь Бухарин прямо следует марксистским трактовкам взаимоотношения природы и общества. Ученый пишет: «Процесс обмена веществ между природой и обществом есть процесс общественного производства. В этом процессе общество тратит свою трудовую, человеческую энергию и получает определенное количество усвояемой природной энергии. Совершенно очевидно, что для развития общества решающее значение имеет тот баланс, который получается при этом»²⁴. Равновесие общества постоянно нарушается и постоянно восстанавливается, здесь налицо противоречие, которое постоянно преодолевается и постоянно возникает и вновь преодолевается. Производительные силы общества служат точным выражением равновесия, по которому можно судить о характере общественных отношений. Из этого, пишет ученый, следует научное правило: «При рассмотрении общества, условий его развития, его форм, его содержания и проч. нужно начинать это рассмотрение с анализа производительных сил или с технической основы общества»²⁵. Автор отмечает несостоятельность попыток положить в основу развития общества иные факторы – географическую среду, народонаселение, расы.

Глава VI рассматривает проблемы равновесия между элементами общества. В подлинно марксистском духе автор пишет, что «совокупность производственных отношений и является экономической структурой общества, иначе – способом производства. Это есть

²³ Там же. – С. 117.

²⁴ См.: Там же. – С. 132.

²⁵ См.: Там же. – С. 142.

людовой трудовой аппарат общества, его “реальное основание”²⁶ или экономический базис». Однако ученого больше занимает общественная надстройка: «социально-политический строй общества (устройство его государственной власти, организация классов, партий и т. д.); обычаи, право и нравственность (общественные нормы, т. е. правила поведения людей); наука и философия; религия, искусство и, наконец, язык – средство общения между людьми»²⁷. Автор подробно анализирует все составные части надстройки и приходит к выводу о полной правильности гениальной формулировки соотношения базиса и надстройки, сформулированной К. Марксом. «В общественном отпращивании своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их производственных материальных сил. Совокупность этих производительных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»²⁸. Однако тут же Н.И. Бухарин пишет о том, что громадная «надстройка», расположенная над экономическим основанием общества, довольно сложна по своему внутреннему строению и по своей структуре. Ученый вводит в свою теорию понятие «общественная психология» в смысле «область несистематизированных или мало систематизированных чувств, мыслей и настроений, имеющих в данном обществе, классе, группе, профессии»²⁹ и понятие «общественная идеология», которая отличается от общественной психологии большей степенью систематизации. Это наука, искусство, мораль и пр. – словом, вся духовная культура. В общественной психологии он различает «общие психологические черты, которые могут быть у всех классов общества», и «психологию господствующего класса», дающую тон всей общественной жизни и подчиня-

²⁶ См.: Там же. – С. 175.

²⁷ Там же. – С. 177.

²⁸ См.: Там же. – С. 248.

²⁹ См.: Там же. – С. 249.

ющей своему влиянию другие классы³⁰. Совершенно справедливо автор замечает, что «в классовом обществе нет сплошной, единой, целостной “общественной психологии”». Однако и психологию класса нельзя сводить, как это делается, к его интересу. «Совершенно верно, что классовый интерес составляет жизненный нерв классовой борьбы. Но этим вовсе не исчерпывается классовая психология. ...При рассмотрении классовой психологии мы имеем дело с явлением опять-таки очень сложным, вовсе не сводимым к одному голому интересу, однако всегда объясняемым той конкретной обстановкой, в которую данный класс попал»³¹. Различие между психологией и идеологией Н.И. Бухарин объявил только как нечто условное: «Общественная психология есть некий резервуар для идеологии», а «идеологии – это сгустки общественной психологии»³². Всякая идеология – это продукт умственного труда, который, не будучи материальным производством, не является даже его частью. Более того, ученый допускает среди идеологов существование людей, не служащих какому-либо классовому интересу. «Действительно, настоящий ученый, художник, ученый юрист-теоретик любит свое дело, как самого себя, и не думает ни о какой практической стороне дела»³³. Наконец, Бухарин признает обратное воздействие идеологической надстройки на экономический базис. «Надстройки вовсе не “пустяк”, не имеющий значения... Они могут быть силой развития, они при определенных условиях могут стать тормозом развития. Но, так или иначе, они всегда влияют обратно на экономический базис и на состояние производительных сил. Другими словами, между различными рядами общественных явлений происходит непрерывный процесс взаимодействия»³⁴. В этих мыслях нельзя не видеть развития марксистской теории. Ученый говорит о «стиле жизни» общества; утверждает, что тип общества можно распознать и по его идеологии, и по его экономике.

Кроме того, в главе VI Бухарин творчески развивает учение о классовом характере морали. Так, он пишет: «Кроме классовой морали, есть еще подвиды ее, напр. профессиональная мораль: такова

³⁰ Там же. – С. 252.

³¹ См.: Там же. – С. 255–256.

³² См.: Там же. – С. 258.

³³ См.: Там же. – С. 269.

³⁴ См.: Там же. – С. 272, 274.

профессиональная мораль врачей, юристов и проч. Сходными условиями вызывается и воровская мораль (своего не выдавай), которая очень строго соблюдается»³⁵. Таким образом, Бухарин расширяет ленинскую трактовку морали как исключительно пролетарской или буржуазной.

Глава VII посвящена проблемам нарушения и восстановления общественного равновесия. Н.И. Бухарин развивает марксистскую теорию, объясняющую общественные изменения (революции) конфликтом производительных сил и производственных отношений. Так, он пишет: «По Марксу, переворот, революция наступает тогда, когда нарушается равновесие между производительными силами общества и основными чертами его экономической структуры. В этом и заключается суть конфликта, который должна разрешить революция... Пока же экономическая структура дает возможность развития производительных сил, до тех пор общественные изменения не приобретают характера переворота, они изменяются в “эволюционном порядке”»³⁶. При этом ясно, что основой производственных отношений являются отношения собственности. Отсюда «развитие производительных сил ставит людей в противоположные отношения и конфликт между производительными силами и производственными отношениями находит свое выражение в конфликте между людьми и конфликте между классами. ... Весь конфликт получает свое выражение в ожесточенной борьбе классов – в революционной борьбе пролетариата против класса капиталистов»³⁷. Пока все подается Бухариным в духе экономического материализма как классовой теории. Но далее следует некоторое отступление от учения о чисто материально-экономической основе общества. «Всякий общественный строй покоится не только на экономическом основании, ибо и любая идеология, господствующая при данном порядке вещей, является скрепой, держащей этот порядок», поэтому «нужна была целая психологическая и идеологическая революция, чтобы класс действительно стал против класса», а значит, «предпосылкой революции является революционизирование сознания нового класса, идеологическая революция в классе – мотыльке старого общества»³⁸. Выходя за границы взаимоотношения

³⁵ Там же. – С. 190.

³⁶ См.: Там же. – С. 294–295.

³⁷ См.: Там же. – С. 308.

³⁸ Там же. – С. 309.

людей в форме их «трудовой координации», первой фазой революции Н.И. Бухарин называет идейную революцию, которая заключается в крахе старой психологии и идеологии (ее ломают врывающиеся факты жизни) и в создании новой, по-настоящему революционной психологии и идеологии. Второй фазой революции он считает революцию политическую – захват власти новым классом, в процессе которого он разрушает и строит свою новую организацию, т. е. по-новому комбинирует вещи и людей, по-новому систематизирует соответствующие идеи. И лишь третьей фазой революции является революция экономическая. Она заключается в том, что новый класс, ставший у власти, использует эту власть как рычаг экономического переворота, доламая производственные отношения старого типа, помогая строиться отношениям, которые зрели в недрах старого строя в противоречии с ним. Наконец, четвертая (и последняя) фаза революции – революция техническая, подводящая новый фундамент под производственные отношения³⁹. В этих фазах революции Н.И. Бухарин раскрывает механизм обратного воздействия надстройки на базис. «Немудрено поэтому, что процесс обратного влияния надстроек (политическая идеология – завоевание власти – применение этой власти для переделки производственных отношений) растягивается, занимая целый исторический период»⁴⁰.

В главе VIII рассматриваются классы и классовая борьба. Бухарин в целом добросовестно излагает основы марксистского учения о классах и классовой борьбе. Он дает достаточно подробную классификацию классов, а на самом деле выходит за рамки классового деления общества, признавая существование иных социально-экономических группировок. Так, первыми в классификации оказываются основные классы данной общественной формы (классы в собственном смысле слова). Далее идут классы, занимающие промежуточное положение между командующим классом и эксплуатируемым (например, техническая интеллигенция); переходные классы, которые перешли из предыдущей формы общества (крестьяне, ремесленники); смешанные классовые типы (железнодорожный рабочий, имеющий хозяйство и нанимающий работника); деклассированные типы (люмпен-пролетариат, нищие, деклассированная «богема»)⁴¹. В этой же главе под-

³⁹ См.: Там же. – С. 310–317.

⁴⁰ Там же. – С. 320.

⁴¹ См.: Там же. – С. 342–344.

нимаются вопросы формирования классового интереса, классовой психологии и идеологии, «класса в себе» и «класса для себя».

Интересен параграф, в котором Н.И. Бухарин допускает при определенных условиях формы относительной солидарности классов, которая, по его мнению, соответствует скрытым фазам классовой борьбы. Безусловно, в эту главу автор включает учение о партии. Неоднородность класса является причиной того, почему становится необходимой партия. «Партия – это голова класса... Партия рабочего класса и есть то, что наилучшим образом выражает интересы класса»⁴². Н.И. Бухарин поднимает еще один вопрос, по его словам, чрезвычайно мало освещенный в марксистской литературе. Классы, выступая орудием общественной трансформации, могут способствовать переходу к бесклассовому обществу будущего. «Рабочий класс, имея в своем распоряжении такой прекрасный инструмент, как марксистскую теорию, должен помнить: его руками устанавливается и будет, в конце концов, установлен такой порядок отношений, который принципиально отличается от всех прошлых общественных формаций» тем, что «становится единым, гармонично построенным обществом»⁴³.

Таким образом, перед нами марксистская модель социологического образования, основанная на положениях экономического материализма в его творческом развитии проф. Н. И. Бухариным. Необходимо отметить, что книга написана в полемическом ключе: Бухарин приводит точки зрения не только марксистских авторов, но и «буржуазных ученых», как западных, так и русских. Среди русских упоминаются: В.М. Хвостов, С.Н. Булгаков, Е.В. Спекторский, Д.С. Мережковский, Н.И. Кареев, П.Ф. Лилиенфельд, В.С. Соловьев, Л.И. Мечников, А.А. Чупров, П.И. Новгородцев, А.Л. Погодин, П.А. Кропоткин. Правда, полемика не всегда носит научный характер. Например, говоря об органической теории общества, Бухарин приводит следующий пример: «Лилиенфельд без обиняков утверждает, что общество – такой же организм, как крокодил или сам автор этой теории»⁴⁴. Иногда критика имеет личный характер: «Из противников материалистического понимания истории достаточно прочесть Кареева. Старые и новые этюды об экономическом материализме»⁴⁵.

⁴² См.: Там же. – С. 370.

⁴³ Там же. – С. 377.

⁴⁴ См.: Там же. – С. 103.

⁴⁵ См.: Там же. – С. 121.

Конечно, в списке литературы к каждому разделу рекомендуются исключительно марксистские источники, но присутствие иных точек зрения в тексте книги делает ее серьезным научным исследованием. Не случайно поэтому достаточно высоко оценили этот труд и П.А. Сорокин, и Н.И. Кареев. Так, в своем отзыве о книге Сорокин писал: «Первая черта книги гр. Бухарина – это ее грамотность (в отличие от множества безграмотных марксистских работ). Вторая черта – умелая компоновка материала, удачно сжатого в ряде глав. Третья черта – интересная трактовка ряда вопросов, часто оставлявшихся марксистами в тени или излагавшихся весьма примитивно. Четвертая – общая согласованность большинства развиваемых положений если не с буквой, то с духом марксизма, каковое обстоятельство не мешает тому, что ряд теорем сильно модернизирован, “буржуазен” и смягчен по сравнению с ортодоксальной догмой марксизма. Все это делает книгу гр. Бухарина интересной и в ряде отношений ценной. После работ Г.В. Плеханова, данная книга – одна из самых удачных книг на русском языке, дающих систематическое построение марксистской социологии самими марксистами»⁴⁶. Такая оценка не помешала П.А. Сорокину дать обстоятельную критику ряда положений книги, но в целом он охарактеризовал ее как «здоровое ядро социологической доктрины марксизма»⁴⁷.

Н.И. Кареев считал, что книга Бухарина, а также необходимость чтения учебного курса по историческому материализму в вузах вдохновили и других авторов к написанию подобных учебников. Среди них выделялись учебники И.П. Разумовского и С.А. Оранского.

И.П. Разумовский выпустил в 1924 г. «Курс теории исторического материализма». Как отмечал сам автор, эта книга образовалась из записи лекций, прочитанных в 1920 г. в Саратовском университете. Книга выдержала переиздания, связанные с доработкой автором некоторых важных вопросов. Называя свою книгу курсом, И.П. Разумовский ориентировался на студентов, желавших удовлетворить потребности в учебном пособии философско-методологического характера. Как и Н.И. Бухарин, говоря о необходимости удержаться на «правильной и единственно ортодоксальной точке зрения», автор в то же время подчеркивал значение собственной позиции в целом ряде вопросов, вызывавших разногласия в марксистской среде.

⁴⁶ Сорокин, П. А. О русской общественной мысли. – СПб., 2000. – С. 206.

⁴⁷ См.: Там же. – С. 215.

Один из них – отношение к немарксистской социологии. Как считал И.П. Разумовский, представители «субъективной школы» ограничивались лишь такими общественными отношениями, которые, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей, и игнорировали такие, которые складываются, не проходя через сознание.

По вопросу о социологии И.П. Разумовский занял позицию поддержки права этой науки на существование и развитие применительно к обществу вообще и свершающемуся в нем историческому процессу в частности. Кроме того, в последней главе своей книги, отдавая основное место концепции Маркса и Энгельса, он все же рассматривал исторический материализм в ряду других социологических теорий⁴⁸. В учении о структуре общества (материальном базисе и надстройках над ним) И.П. Разумовский установил различие между «идеологическими формами, которые стоят ближе всего к экономической основе», и такими, которые отстоят от нее далеко, влияя на нее «через целый ряд промежуточных звеньев», т. е. «не прямо, а косвенно». Например, объясняя связь философии с экономикой, он писал, что было бы явной вульгаризацией марксизма «объяснять происхождение философии непосредственно из материальных условий производства», тем более что в философии «зачастую находится и кое-какой доисторический мыслительный аппарат»⁴⁹. Кроме того, Разумовский включил в состав экономического базиса и «сознание, интеллектуальную затрату». Он достаточно радикально заявил: «Сознание общественного человека входит в экономический базис и вовсе не является надстройкой»⁵⁰. Все это позволяет сделать вывод, что, по мнению автора, эта часть марксистского учения подлежит дальнейшему развитию в силу отмеченных им ограничений ее ортодоксального применения.

В теории классовой борьбы И.П. Разумовский вслед за В.И. Лениным увидел саму сущность марксистской социологии, но высказался против утрирования классовой борьбы в философии. По вопросу о роли личности в истории Разумовский пользовался формулировками К. Маркса и Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и В.И. Ленина. Так, он писал, что «люди сами делают свою историю», что если «люди представляют собой продукт обстоятельств, то и обстоятельства

⁴⁸ Цит. по: Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – С. 327.

⁴⁹ Там же. – С. 334.

⁵⁰ Там же. – С. 344.

изменяются именно людьми», что «в отличие от развития природы, где действуют одна на другую лишь слепые бессознательные силы, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенную цель», что «индивидуальные воли не нули, но каждая вносит свою долю в общий результат»⁵¹. Отведя много места в книге вопросу о диалектике как закону объективного бытия и развития в природе и обществе, ученый, однако, не применил это понятие к изучению исторического движения, что собственно явилось бы доказательством возможности перенесения диалектики и диалектического понимания из сферы мышления в сферу бытия. И.П. Разумовский отмечал, что в диалектическом материализме «методология содержит не только предпосылки нашего познания, но и предпосылки нашего действия» и что «задача познания общественного целого выдвигается перед нами лишь вместе с задачей его преобразования»⁵². И уже в духе ортодоксального марксизма он подчеркивал, что экономический материализм является классовой теорией. Поэтому «социологии как действительной науки об общественной жизни и законах ее развития буржуазия создать не может»⁵³.

Таким образом, перед нами в лице И.П. Разумовского пример более сдержанного отношения к творческому развитию марксизма, но, тем не менее, допускающего некоторые интерпретации марксистской теории.

С.А. Оранский в 1929 г. выпустил учебное пособие «Основные вопросы марксистской социологии» (т. 1). Будучи профессором Политехнического института им. М.И. Калинина, он отнесся к экономическому материализму как «предмету преподавания в высших учебных заведениях». С.А. Оранский, излагая основы марксизма, прямо заявлял о собственном построении марксистской социологии. Первые две главы своего труда он посвятил обзору возникновения социологии и главнейших современных ее направлений. Но, как и у предыдущего автора, у него отмечалось несколько пренебрежительное отношение к русской немарксистской социологии. Например, в разборе психологического направления в социологии он останавливался только на взглядах зарубежных авторов, говоря об

⁵¹ Там же. — С. 339.

⁵² Там же. — С. 343.

⁵³ Там же. — С. 350.

органическом направлении, обходил молчанием русских представителей и критиков. Однако ученый нашел известное родство между марксизмом и контизмом как учениями, возникшими на общей основе — социологии. В самом названии книги С.А. Оранский признал социологию, но только в марксистской ее интерпретации. Экономический материализм для него скорее не методология, а «теория, которая дает некоторые руководящие познавательные принципы путем установления общих законов, необходимых для изучения частных явлений»⁵⁴.

Что касается структуры общества, Оранский считал, что «общество не исчерпывается одними производственными отношениями», поскольку «существует ряд действий и отношений, не сводящихся непосредственно к производству, но безусловно необходимых» для самого этого производства, и что «всякое отношение между людьми как существами, наделенными сознанием, может устанавливаться при посредстве человеческого сознания», или психического взаимодействия⁵⁵. Таким образом, понятие психического взаимодействия было допущено автором в марксистскую социологию и поставлена новая проблема, так как психическое оказалось не только в идеологической надстройке над материальным базисом, но и в самом базисе. Отсюда С.А. Оранский сделал поистине революционный вывод о том, что понятие производственных отношений в марксистской литературе разработано «крайне недостаточно». Вообще, разбирая в первом томе своего труда вопрос о базисе и надстройке, он раскритиковал ортодоксальных марксистов за то, что у них «производством исчерпывается отношение человека к природе, как будто между ними нет иного отношения, породившего, в частности, такие явления, как мифология, поэзия, религия, искусство, философия, наука»⁵⁶. Кроме того, Оранский обратил внимание на то, что в марксистской литературе можно встретить различные определения классов. Сам он, опираясь на точку зрения К. Маркса, основным признаком классов назвал их различное отношение к средствам производства, распределением которых обусловлено распределение продукта труда и общественных функций. С.А. Оранский подверг критике постановку проблемы классов у немарксистских социологов

⁵⁴ Там же. — С. 327.

⁵⁵ Там же. — С. 331.

⁵⁶ Там же. — С. 335.

и развил тезис Маркса о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса. От себя он дополнил это учение признанием наличия как внутриклассовых, так и межклассовых групп, чем внес вклад в изучение социальной структуры. Наиболее важными для развития марксизма явились тезисы о том, что «воля отдельного человека не абсолютно детерминирована его классовым положением» и что «одним фактом общения или материальной зависимостью от какого-либо класса нельзя объяснить позицию целой группы»⁵⁷, например интеллигенции. Однако, в отличие от Н.А. Бухарина, он не довел эти тезисы до утверждения о существовании в обществе людей «умственного труда, мысли которых не диктуются их классовыми интересами». Оранский высказался против попытки так называемых критических марксистов дополнить экономический фактор идеологическим, т. е. психологическим. Он вообще был против социологии к коллективной психологии, подчеркнув, что «в социологию все более начинает проникать убеждение о невозможности вывести социальные явления из общих законов психического взаимодействия». Однако к самой коллективной психологии он отнесся как к «положительному научному явлению». По его мнению, социология должна «ограничиться лишь констатированием наличности известных переживаний вроде классового инстинкта, «вопрос же о психических элементах, из которых складываются эти переживания, лежит за пределами социологии и может составить предмет одного из разделов психологии»⁵⁸. С.А. Оранский критиковал О. Конта, который полагал, что на общественные явления влияют законы физики, химии, биологии, и, кроме того, к ним прибавляются особые законы социологии. Для ученого было ясно, что социология не может быть сведена к естествознанию, ее законы не могут быть выведены из законов других наук. У социологии есть свои автономные законы, имеющие характер своеобразного применения в общественной жизни общих законов бытия»⁵⁹.

Таким образом, Н.И. Бухарин, С.А. Оранский и И.П. Разумовский представили варианты марксистской концепции социологического образования, которые использовали в своей преподавательской деятельности. Эти варианты нельзя считать полностью ортодоксаль-

⁵⁷ Там же. – С. 337–338.

⁵⁸ Там же. – С. 345–346.

⁵⁹ Там же. – С. 342.

ными, как полагают некоторые исследователи⁶⁰, так как в них содержатся элементы творческого развития марксистской концепции.

4.3. Деятельность вузовских кафедр общественных наук: поиск оптимальной модели

С самого основания факультеты общественных наук (ФОНы) были призваны стать базой творческого развития и распространения марксизма – научного мировоззрения рабочего класса. Для этой цели предстояло осуществить реорганизацию преподавания общественных наук на основе передовой марксистской методологии. При обсуждении проекта плана организации ФОНа при Московском университете на заседании в Социалистической академии в 1919 г. прямо была поставлена задача применения марксистского метода исторического материализма ко всем отраслям общественного знания, ко всем гуманитарным дисциплинам⁶¹. Выполнение этой задачи осложнялось тем, что в университете преобладала старая профессура, а новых профессоров-марксистов, назначенных Наркомпросом, было не так много. Как вспоминал академик М.Н. Покровский, «сначала это был вопрос о проведении марксистского метода во всех курсах социально-экономического характера. Главным образом по этой линии шел бой в промежутке 1918–1921 гг.»⁶². В первую очередь предстояло распространить марксистский метод на область политической экономии, рабочего вопроса, истории социализма и отчасти финансовой науки. Поэтому первые планы ФОНа Московского университета носили компромиссный характер. Так, например, в летний триместр 1919 г. новые профессора-марксисты читали следующие курсы: В.П. Волгин – «История социалистических учений», С.С. Кривцов – «Основы марксистской социологии». Одновременно старые профессора вели большую часть курсов мировоззренческого и социологического характера. Например, И.А. Ильин вел курсы по проблемам логики, об-

⁶⁰ См.: *Голенкова, З. Т.* Курс истории русской социологии (магистерская программа). – М., 2006.

⁶¹ См.: *Удальцов, А.* Очерк истории Социалистической академии (1918–1922 гг.) // Вестник Социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 28–29.

⁶² См.: *Покровский, М. Н.* К вопросу о высшем социально-экономическом образовании // Научный работник. – 1925. – № 1. – С. 97.

щей методологии и философии, а В.М. Хвостов читал курс по методологии общественных наук. Эти курсы пользовались популярностью среди студентов юридического и исторического отделений ФОНа. Интересно, что в то же время студенты не поддерживали работу первых профессоров-марксистов. В.П. Волгин вспоминал: «Я прекрасно помню мои первые лекции в Московском университете, лекции по истории социализма: на третьем году после Октябрьской революции на курс по истории социализма собралась группа в 7–8 человек»⁶³. Такое положение не могло устроить Наркомпрос. Ведь основной задачей высшей школы становилась подготовка возможно большего числа специалистов, необходимых для поднятия производительных сил страны, строившей социализм. Подавляющее же большинство профессуры ФОН продолжало вести занятия в духе старых дореволюционных программ и традиций, лишь формально приспосабливаясь к отдельным директивам Наркомпроса⁶⁴. В связи с этим перед ФОНом была поставлена задача сближения факультетского преподавания с потребностями современной жизни путем введения курсов практического характера. Начался пересмотр учебных планов факультета по всем отделениям. Необходимо отметить, что среди учебных курсов были названы и курсы по социологии. В конкретных учебных планах 1919/20 учебного года среди социологических курсов по всем отделениям значились курсы по основам марксистской социологии и по истории социалистических учений. Перед историческим отделением была поставлена задача подготовки педагогов для преподавания обществоведения в школах 2-й ступени⁶⁵.

Таким образом, к 1920 г. на ФОНе Московского университета стали читаться марксистские курсы по философии, политической экономии, историко-социологическим и правовым дисциплинам, а также по актуальным проблемам социалистического строительства. Так реализовывалась задача создания в Московском университете марксистского ФОНа. На заседании коллегии Наркомпроса 26 октября 1920 г. А.В. Луначарский резко заметил: «Социальные науки

⁶³См.: Научный работник. – 1927. – № 11. – С. 22. Цит. по: Сафразьян, Н. Л. Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.). – М., 1987. – С. 27.

⁶⁴См.: Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. – Париж, 1930. – С. 174 // Цит. по: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 37.

⁶⁵См.: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 39.

представляют собой ту часть человеческих знаний, в которой беспартийность и аполитичность совершенно немислимы. Отсюда мы видим то плачевное зрелище отвратительно поддельной социальной науки, которая пала в такой мере, что нельзя больше говорить о науке как таковой. Конечно, материалы собираются, изучаются, делаются исследования, но они тем менее приемлемы, чем более обобщающие. Мы видим неправильный гнилой метод, вместо объединяющей мысли – тенденцию, которая направлена в угоду господствующей лжи»⁶⁶. После того как ректором Московского университета был избран «высокообразованный марксист, активный участник Октябрьской революции и социалистического строительства» профессор финансового права ФОНа Д.П. Боголепов, реформа университета пошла более быстрыми темпами. В начале 1920 г. в докладной записке, составленной по указанию В.И. Ленина, Д.П. Боголепов предложил покончить с буржуазной «свободой преподавания» и организовать изучение общественных наук под руководством коммунистов⁶⁷. Вскоре, в ноябре 1920 г., под председательством В.И. Ленина состоялось совещание профессоров-коммунистов, работников Наркомпроса, в котором приняли участие М.Н. Покровский и Д.П. Боголепов. На этом совещании в рамках решения вопроса о коренном преобразовании преподавания общественных наук в высшей школе В.И. Ленин предложил составить обязательные марксистские программы по всем общественным дисциплинам. Вопрос об отношении к профессорам-немарксистам решался В.И. Лениным просто: «Свяжите их твердыми программами, давайте им такие темы, которые объективно заставляли бы их становиться на нашу точку зрения. Потребуйте, кроме того, от каждого из них основательного знания марксистской литературы; объявите, что кто не сдаст специального марксистского экзамена, будет лишен права преподавания. Уверяю вас, что если они не сделаются ортодоксальными марксистами, они все же будут излагать такие вещи, которые раньше совсем не входили в программу их курсов, а уж это дело студентов, под нашим политическим руководством, использовать этот материал, как нужно»⁶⁸. Одновременно с этим планом переподготовки старого

⁶⁶См.: Народное просвещение. – 1921. – № 76–78. – 20 янв. – С. 1. Цит. по: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 33.

⁶⁷См.: Красное студенчество. – 1928–1929. – № 3–4. – С. 32; Фронт науки и техники. – 1935. – № 9. – С. 39. Цит. по: Там же. – С. 45.

⁶⁸См.: Покровский, М. Н. Воспоминания о Ленине. – М., 1933. – С. 21.

преподавательского состава высшей школы Ленин предложил начать ускоренную подготовку новой профессуры по общественным наукам из среды партийной молодежи⁶⁹.

19 ноября 1920 г. В.И. Ленин подписал декрет Совнаркома «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР». В постановлении правительства отмечалась крайняя устарелость учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук в высшей школе, а также совершенная непригодность этого преподавания к основным потребностям советского строительства. Комиссии, созданной с целью пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Советской республики, вменялось в обязанность к 15 января 1921 г. представить на утверждение Совнаркома новые учебные планы факультетов общественных наук и соответствующих отделений, детально разработанные программы основных теоретических курсов, а также списки лиц, рекомендуемых для преподавания общественных дисциплин по новым планам и программам⁷⁰. 23 декабря 1920 г. в газете «Правда» было опубликовано обращение комиссии под председательством известного деятеля международного коммунистического движения, члена Социалистической академии, историка-большевика Ф.А. Ротштейна «К ученым России», в котором было заявлено, что рабоче-крестьянская власть будет определять характер научного преподавания и изучения общественных наук во всех государственных учреждениях. Профессура вузов призывалась к сотрудничеству в деле создания новых учебных планов и программ преподавания на ФОНах и к совместной работе по проведению их в жизнь⁷¹. В Москве с 31 декабря 1920 г. по 4 января 1921 г. прошло первое партийное совещание по вопросам народного образования. С докладом о задачах в области реорганизации преподавания общественных дисциплин выступил М.Н. Покровский. Партийное совещание приняло по докладу Покровского развернутое постановление, в котором предлагалось: «Немедленно приступить к изъятию из рук профессуры старого типа всех курсов по общественным наукам (истории, политической экономии, праву и т. д.), носящих не узко специальный характер и

⁶⁹ См.: Там же. – С. 19–20.

⁷⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1920. – № 93. – Ст. 503.

⁷¹ См.: Правда. – 1920. – 23 дек. Цит. по: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 47.

не общий характер и формирующих в силу этого идеологию слушающей эти курсы молодежи». Для замены старой профессуры преподавателями-марксистами предписывалось «немедленно приступить к организации ускоренных курсов “красной профессуры” из партийной молодежи»⁷². Одобряя решения совещания, В.И. Ленин в газете «Правда» от 5 февраля 1921 г. писал: «Содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами»⁷³.

В начале февраля 1921 г. комиссия Ротштейна закончила свою работу. В дальнейшем она была преобразована в научно-политическую секцию Государственного ученого совета Наркомпроса. Итогом ее деятельности стала подготовка трех декретов Совнаркома, определивших основные направления реорганизации преподавания общественных наук в вузах Советской республики.

11 февраля 1921 г. был издан декрет Совнаркома об учреждении институтов по подготовке красной профессуры для преподавания в высшей школе политической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства⁷⁴. Институт красной профессуры открылся в Москве 3 октября 1921 г. и уже с лета 1924 г. начал выпускать новые кадры молодых обществоведов-марксистов.

4 марта 1921 г. Совнарком издал постановление «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», в котором, в частности, говорилось о том, что факультеты общественных наук имеют своей задачей создание кадров научно-подготовленных практических работников социалистического строительства⁷⁵. В постановлении определялся перечень отделений в составе ФОНов: экономическое с циклами организации промышленности, труда, снабжения и финансово-административным; правовое с циклами судебным и административным; общественно-педагогическое с циклами школьным и внешкольным. В Московском университете на ФОНе образовались также отделения статистическое, внешних

⁷² См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. – М., 1931. – С. 355.

⁷³ Ленин, В. И. – Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 320.

⁷⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1921. – № 12. – Ст. 79.

⁷⁵ Там же. – № 19. – Ст. 117.

сношений и художественное. Исторические отделения и историко-филологические (филологические) факультеты упразднились. Главное, что содержало постановление, – утверждение о том, что учебные планы факультетов общественных наук должны разрабатываться Народным комиссариатом просвещения.

4 марта 1921 г. был также издан декрет Совнаркома об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР⁷⁶. По общественным наукам в минимум входили следующие дисциплины: развитие общественных форм, исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР, организация производства и распределения в РСФСР. В дальнейшем, осенью 1922 г., в обязательный минимум по общественным наукам для вузов были внесены некоторые изменения⁷⁷. Так, например, при прохождении курса «Исторический материализм» студенты должны были изучить и основные положения философии диалектического материализма. На ФОНах предметы, входившие в обязательный минимум по общественным дисциплинам, должны были читаться в расширенном объеме.

Таким образом, с 1921 г. во всех вузах Советской республики началась реорганизация преподавания общественных наук на основе теории и методологии марксизма-ленинизма. Нарком просвещения А.В. Луначарский, выступая на X съезде РКП(б), подчеркнул, что «Наркомпрос есть орган диктатуры пролетариата в деле просвещения всех российских масс в коммунистическом духе» и «все просвещение в коммунистическом государстве может быть только коммунистическим и никаким другим; все науки, все искусства должны быть пропитаны коммунистическим духом»⁷⁸.

На Всероссийской конференции высших учебных заведений летом 1921 г. руководители Наркомпроса со всей определенностью заявили старой профессуре, что преподавание общественных наук будет перестроено на базе марксистской теории. Содержание изучаемых в высшей школе общественных дисциплин будет определяться Советской властью.

Из-за отсутствия необходимых кадров преподавателей для чтения новых курсов по проблемам теории марксизма, советского госу-

⁷⁶ Там же. – Ст. 119.

⁷⁷ Там же. – 1922. – № 75. – Ст. 929.

⁷⁸ См.: Десятый съезд РКП(б). – Стенограф. отчет. – М., 1963. – С. 152–153.

дарственного и экономического строительства к 1920/21 учебному году Наркомпросу удалось сохранить в полном объеме только ФОН Московского университета, соответствующим же факультетам Петроградского, Саратовского, Донского и Иркутского университетов был придан узко практический характер, остальные пришлось закрыть⁷⁹.

ФОН Московского университета руководство Наркомпроса ориентировало на подготовку разносторонне образованных «идейных борцов нового общественного строя». Поэтому учебные планы 1921/22 и 1922/23 учебных годов строились по принципу обеспечения универсально широкой теоретической, идейно-политической и специальной подготовки студентов ФОНа. По воспоминаниям секретаря ФОНа И.Д. Удальцова, разработка универсального учебного плана ставила своей целью сделать выпускника факультета всесторонне образованным и подготовленным к жизненной практике⁸⁰. Студенты должны были изучать исторический материализм, историю философии, историю социалистических учений, политическую экономию, логику и психологию. К обязательным для всех отделений дисциплинам относились курсы по истории России и Западной Европы XIX–XX вв., по государственному строю и конституции Советской республики, по экономической политике РСФСР. Кроме того, читались курсы по биологии, химии, физике, необходимые, по мнению составителей учебных планов, для формирования научного материалистического мировоззрения, для усвоения диалектического метода марксистско-ленинского учения. Особое значение придавалось преподаванию экономики как основы исторического материализма Маркса, с позиций которого должны были изучаться общие и специальные дисциплины. В 1922 г. в статье «ФОН и его задачи» декан Н.М. Лукин писал: «Будущий работник социалистического строительства должен быть знаком с историей социализма, конституцией нашей Советской республики, марксистской социологией и теорией капиталистического хозяйства. В то же время преподавание этих предметов содействует выработке марксистского мировоззрения, которое должно лежать в основе изучения специальных общественных наук»⁸¹.

⁷⁹ См.: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 59.

⁸⁰ См.: Факультет общественных наук (ФОН) Первого Московского государственного университета. – М., 1925. – С. 68.

⁸¹ Лукин, Н. М. ФОН и его задачи // Вестник ФОНа. – 1922. – № 1. – С. 12.

К 1921/22 учебному году на трех отделениях ФОНа Московского университета к марксистской профессуре перешли курсы по основам научной социологии, названные «Учение о происхождении общественных форм, или Теория исторического развития в связи с историей социологической мысли». Кроме того, профессора-марксисты читали следующие курсы: Д.Б. Рязанов «Маркс и марксизм», Н.А. Семашко «Исторический материализм». Проф. А.Д. Удальцов вел семинар по теории исторического материализма для студентов всех отделений. В.М. Фриче читал курс «История революционных и социалистических идей в литературе». Однако есть сведения о том, что в конце 1922 г. большая часть преподавательского состава ФОНа (61%) не разделяла теоретических и методологических принципов марксистского учения⁸². Часть старых профессоров ФОНа Московского университета (А.А. Кизеветтер, М.С. Фельдштейн, И.А. Ильин, С.Л. Франк) к тому времени была выслана за границу. Другая часть старой профессуры (А.А. Мануйлов, С.А. Котляревский, М.К. Любавский) вели специальные или описательные курсы и были обязаны представлять в деканат и Наркомпрос программы своих лекционных курсов. Кроме того, введение в учебные планы ФОНа обязательных марксистских курсов было воспринято значительной частью старой профессуры как упразднение свободы научного преподавания. Как объяснял профессор-марксист М. Покровский, в этом сказалось огромное влияние традиций дореволюционного университетского образования, рассматривавшего марксизм в качестве «узкого», «одностороннего» учения. «Одновременно различные концепции общественного развития идеологов помещиков и буржуазии выдавались за истинно научные, имеющие будто бы не классовое, а широкое общечеловеческое значение»⁸³. Особые протесты у старой профессуры вызывали установленные Наркомпросом преимущества при приеме в высшую школу для рабоче-крестьянской молодежи и политика обновления кадров преподавательского состава путем приглашения со стороны, без согласия академических коллегий. Дело в том, что в конце ноября 1922 г. было издано постановление деканата ФОНа, что наличие печатных научных трудов и прочтение пробной лекции не

⁸² См.: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 72.

⁸³ См.: Покровский, М. Академический центр Наркомпроса // Народное просвещение. – 1921. – № 80. – 20 марта. – С. 3–5.

являются обязательными условиями допущения к преподаванию⁸⁴. Вместе с тем, конечно, преподавателям-марксистам необходимы были учебные пособия для преподавания марксистских дисциплин. Так, например, В.И. Ленин принял меры к максимально быстрому изданию подготовленной В.В. Адоратским обстоятельной программы по основным вопросам марксизма⁸⁵. Кроме того, Ленин считал, что литераторам-марксистам надо начать немедленно работать над созданием пособий и учебников «по всем без изъятия общественным вопросам»⁸⁶.

С августа 1921 г. при ФОНе Московского университета были организованы научно-исследовательские институты по истории, философии, социологии, праву, языковедению и истории литературы, археологии и искусствоведению⁸⁷. К концу 1921 г. эти институты были объединены в Ассоциацию при ФОНе Московского университета. Состав действительных членов и научных сотрудников институтов Ассоциации первоначально комплектовался из представителей преимущественно старой интеллигенции и был далек от марксизма. Поэтому к преподавательской работе на ФОНе привлекались лишь отдельные лица с определенными поручениями и под контролем деканата. Отношение к данной профессуре было, мягко говоря, подозрительным. Так, например, нарком просвещения А.В. Луначарский, выступая осенью 1922 г. перед коммунистическим студенчеством московских вузов, говорил о дореволюционной профессуре так: «Они несут нам не просто науку, а науку отравленную, фальсифицированную, пронизанную вредными ядами, зараженную антинаучным духом». И тем не менее пролетариат должен использовать все лучшее из предшествующей культуры. «Все, что мы имеем, – это создано предшествующей культурой, и если бы мы сожгли все научные источники, то мы оказались бы крупными невеждами, ибо чисто марксистская библиотека уложится в 4-х шкафах»⁸⁸. Такое отношение к дореволюционной профессуре не могло не сказаться на учебном процессе. В конце 1922 г. деканат ФОНа обязал отделения факультета расширить организацию практических занятий, увеличить количе-

⁸⁴ См.: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 71.

⁸⁵ См.: Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 54. – С. 233.

⁸⁶ См.: Там же. – Т. 45. – С. 51–52.

⁸⁷ См.: Научный работник. – 1927. – № 11. – С. 54.

⁸⁸ См.: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 78.

ство семинариев, рекомендовать профессорам и преподавателям при чтении курсов по возможности сочетать лекции с беседами. Однако данная система преподавания почти сразу столкнулась с проблемой отсутствия необходимого числа преподавателей и аудиторий. Постепенно все вернулось к прежней лекционно-семинарской системе⁸⁹.

В ноябре 1922 г. силами студентов ФОНа и рабочего факультета в помещении бывшей университетской церкви был открыт студенческий клуб, названный «Клубом Октябрьской революции»⁹⁰. Центральное место в работе клуба заняла организация марксистско-просветительского кружка. Студенты ФОНа старших курсов руководили работой большинства марксистских кружков, в которых весной 1923 г. занималось около 200 человек. Они же участвовали в деятельности марксистских кружков повышенного типа, где руководителями были высококвалифицированные марксисты ЦК РКП(б) и Института красной профессуры⁹¹.

По имеющимся данным, в течение 1921/22 и 1922/23 учебных годов (до 1 января 1924 г.) ФОН выпустил 841 специалиста, окончивших курс по всем отделениям⁹².

Летом 1923 г. на заседании президиума Госплана был подтвержден общий курс высшей школы на подготовку практических кадров сравнительно узкой специализации в течение трехгодичного цикла обучения. Были подвергнуты критике вузы, учебные планы которых отличались чрезмерной академичностью, включали множество предметов и грешили отсутствием должной связи с потребностями отдельных отраслей народного хозяйства. В докладе заведующей Главпрофобром В.Н. Яковлевой говорилось: «Мы считаем необходимым, чтобы учебный план и программа высших учебных заведений одновременно были установлены в смысле уничтожения академичности, в смысле приспособления их к нуждам практической жизни и полной увязки с потребностями тех отраслей народного хозяйства и государственного строительства, в которых придется работать выпущенным из вузов»⁹³. В полной мере данная критика относилась к ФОНу Московского университета. С 1923/24 учебного года на

⁸⁹ Там же. – С. 83–84.

⁹⁰ См.: Вестник ФОНа. – 1922. – № 1. – С. 38–40.

⁹¹ Там же. – 1923. – № 2. – С. 46.

⁹² См.: Факультет общественных наук (ФОН) Первого Московского государственного университета. – М., 1925. – С. 11–12.

ФОНе вводилась более узкая специализация путем значительного сокращения общеобразовательных и теоретических дисциплин. Однако в число обязательных общефакультетских предметов входили следующие дисциплины: политическая экономия, исторический материализм, история Западной Европы XIX–XX вв., история социализма на Западе, история социализма в России, государственное устройство и конституция СССР⁹⁴. Широко стали применяться просеминарские и семинарские методы преподавания. Для ведения семинарских занятий по политической экономии, историческому материализму, истории хозяйственного развития России широко привлекались слушатели Института красной профессуры. В помощь преподавателям были организованы методические совещания. Например, методическим совещанием по историческому материализму руководил работавший в то время деканом ФОНа В.К. Сережников. На одном из таких совещаний в марте 1924 г. обсуждался вопрос об организации широкого изучения трудов В.И. Ленина. Декан предложил включить в программу специальную тему «Ленинизм». В 1924/25 учебном году курс лекций по истории РКП(б), переработанный в соответствии с ленинизмом, читали на ФОНе В.В. Адоратский и С.И. Мицкевич. Работали 30 кружков по изучению истории партии и ленинизма, в которых занимались около 1000 человек⁹⁵. На отделении археологии и искусствоведения функционировали два студенческих кружка по изучению основ ленинизма и один кружок по социологии искусства⁹⁶.

В 1924/25 учебном году значительные проблемы появились на общественно-педагогическом отделении ФОНа. Они в большой степени были вызваны несовершенством самого предмета обществоведения, преподавателей которого отделение должно было готовить. В то время эта дисциплина представляла собой соединение первоначальных основ политической грамоты, исторического материализма и некоторого количества конкретно-исторических сведений. Серьезные недостатки курса обществоведения, отличавшегося известным

⁹³ См.: Сафразьян, Н. Л. Указ. соч. – С. 91.

⁹⁴ См.: Факультет общественных наук (ФОН) Первого Московского государственного университета. – С. 81–91.

⁹⁵ См.: История Московского университета. – М., 1955. – Т. II. – С. 98.

⁹⁶ См.: Факультет общественных наук (ФОН) Первого Московского государственного университета. – С. 221–227.

социологизмом, упрощением и вульгаризацией истории человеческого общества, приводили к частым переделкам его программ и учебных пособий, что не могло не порождать трудностей в подготовке преподавательских кадров. Не удивительно, что учебные планы общественно-педагогического отделения пересматривались чаще, чем на других отделениях ФОНа⁹⁷.

В последний период деятельности ФОН Московского университета дал самые большие с момента своего существования выпуски специалистов. На протяжении 1924–1926 годов ФОН выпустил по всем отделениям 2625 специалистов⁹⁸.

Декрет Совнаркома о преобразовании ФОНа Московского университета в факультеты советского права и этнологический был издан 28 апреля 1925 г. Этнологический факультет был организован 1 мая 1925 г. в составе четырех отделений: историко-археологического, этнографического, литературного и изобразительных искусств. Факультет советского права организован 1 июня 1925 г. в составе четырех отделений: судебного, хозяйственно-правового, государственно-административного, международного.

⁹⁷ См.: *Иванова, Л. В.* У истоков советской исторической науки. Подготовка кадров историков-марксистов. 1917–1929. – М., 1968. – С. 21.

⁹⁸ См.: Факультет общественных наук (ФОН) Первого Московского государственного университета. – С. 274.

Латентное развитие социологического образования в период строительства социализма

5.1. Советские реалии начала 1930-х годов

В начале 1930-х годов жесткой и необоснованной критике подвергалась оставшаяся в России «старая профессура», среди которой был социолог Н.И. Кареев. В середине 1930 г. из печати вышел третий том «Малой советской энциклопедии», в котором Н.И. Кареев был назван «историком-идеалистом, противником марксизма»¹. «Проработка» профессора в подобном духе была продолжена в декабре 1930 г. на заседании методологической секции Общества историков-марксистов². Н.И. Кареев тяжело переживал эту «научную» дискуссию. В начале января 1931 г. ученый отправил в редакцию «Малой советской энциклопедии» письмо о его отношении к К. Марксу и марксизму³. В этом письме он четко определил свой научный статус: «конкретный историк», «социолог-теоретик исторического знания, методолог». Не отказываясь от критической позиции по отношению к марксизму, ученый заявлял: «Если я и явился противником чего-то, то этим что-то было не учение Маркса о материальном базисе общественной жизни, а возведение его в исключительный принцип объяснения исторического процесса. К самому содержанию экономического материализма я отнесся настолько невраждебно, что признал его правоту как одного из направлений социологии, которое должно войти в общий научный синтез социальной науки»⁴. Уточняя свои позиции, Н.И. Кареев подчеркивал: «В своих исторических занятиях я всегда старался стоять на реалистической точке зрения и в исторических работах о Марксе всегда ценил их реализм в смысле трезвого отношения к действительности, чуждого всякой идеализации прошлого, не отрицая, однако, идеалистических, в этическом смысле, мотивов

¹ См.: *Малая советская энциклопедия*: В 10 т. – М., 1928–1931. – Т. 3. – С. 722.

² См.: *Историк-марксист*. – 1931. – Т. 2. – С. 44–86.

³ ОР РГБ. – Ф. 119. – Д. 43. – Ед. хр. 7. – Л. 1–6об.

⁴ См.: Там же.

человеческого поведения»⁵. В письме ученый прозорливо отметил наметившееся противостояние сторонников ортодоксального и неортодоксального марксизма: «Для сторонников ортодоксального марксизма я, действительно, являюсь противником, еретиком, не экономистом, но это не значит, что я противник тех марксистских тезисов, которые воспринял с самого начала моего знакомства с учением Маркса»⁶. Заканчивая письмо, Н.И. Кареев, по сути, намечал возможное развитие социологии марксизма: «Самый отказ некоторых марксистов от обозначения их социологического учения экономическим материализмом, замена у них этого прилагательного другим (исторический, диалектический) был воспринят мною за признак более широкого понимания исходного пункта марксистской социологии, чем то, которое мы находим у некоторых вульгаризаторов экономического материализма»⁷. Однако, будучи реалистом, он не мог не видеть совершенно иного развития ситуации. Н.И. Кареев скоропостижно скончался 18 декабря 1931 г., так и не получив ответа на свое письмо.

Воинственные позиции ортодоксального марксизма подкреплялись соответствующей разработкой социального идеала. В этом плане интересным является источник, не так хорошо известный современным исследователям советского общества. Речь идет о проекте программы Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), подготовленной в 1947 г.⁸ Проект готовился специально созданной программной комиссией, возглавляемой А.А. Ждановым. В историю эта комиссия вошла под названием «Ленинградская группа». Принятие данного проекта было приурочено к открытию XIX съезда ВКП(б) в 1948 г. Однако планам не дано было осуществиться. Внезапная смерть А.А. Жданова, «закат ленинградских выдвиженцев» отодвинули дату проведения съезда до 1952 г., а подготовленный проект программы был положен «под сукно». Однако этот документ, как представляется, лег в основу последующих хрущевских преобразований и заслуживает особого рассмотрения. В рамках темы исследования обратим внимание на раздел IV «Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества». Во-первых, в доку-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 476. – Л. 190–205.

менте содержится полное описание социального идеала – коммунизма. «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество. Коммунизм – это такое общество:

а) где на основе роста производства достигнуто изобилие продуктов и господствует равная обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право трудящихся получать за это по их потребностям, а все труженики общества являются людьми, ведущими вполне зажиточную и культурную жизнь;

б) где все народное хозяйство базируется на общенародной собственности на средства производства, оснащено высокоразвитой техникой и управляется по единому плану;

в) где нет классов и классовых различий, а все работники индустрии, сельского хозяйства и других отраслей общественной деятельности являются тружениками единого бесклассового общества;

г) где на основе огромного повышения технической базы сельского хозяйства и подъема культурного уровня деревни до уровня передового города ликвидирована противоположность между городом и деревней;

д) где на основе роста квалификации, профессионального мастерства и культурного уровня работников индустрии и сельского хозяйства ликвидирована противоположность между физическим и умственным трудом;

е) где созданы все условия для удовлетворения непрерывно растущих материальных и духовных потребностей людей и всестороннее развитие их способностей и дарований»⁹.

Во-вторых, документ содержит четкое представление о способах достижения этого идеала. «Переход от социализма к коммунизму может быть осуществлен лишь через ряд переходных ступеней, в порядке дальнейшего развития материальных основ и общественных отношений социалистического общества. ...Выполнение всемирно-исторической задачи построения коммунистического общества требует мощного развития материально-технической базы социализма, высоких темпов роста производства, всемерного использования резервов, повышения производительности труда и всех материальных ресурсов, самоотверженного созидательного труда советских людей»¹⁰.

⁹ Там же. Цит. по: Исторический архив. – 2002. – № 6. – С. 3–10.

¹⁰ Там же.

Конечно, выполнение этих задач требовало роста «коммунистической сознательности», «неуклонного развития культурного уровня масс», воспитания в них «социалистической гражданственности, трудового героизма, красноармейской доблести»¹¹. Поставленные партией задачи достижения социального идеала по-особому определяли роль образования вообще и социологического образования в частности.

5.2. Адаптация марксистской модели социологического образования

Потребность модернизации марксизма осознавалась И. Сталиным уже с середины 1920-х годов. О том, в каком направлении необходимо было развивать марксистскую теорию, можно судить по лекциям, которые он читал в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова в апреле 1924 г. Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова – высшее партийное учебное заведение, готовившее кадры партийных и советских работников. Образовался из созданных в июле 1918 г. в Москве по инициативе Свердлова курсов агитаторов и инструкторов при ВЦИК. Им же была составлена первая учебная программа. В январе 1919 г. курсы преобразовали в Школу советской работы. На ее основе по постановлению VIII съезда РКП(б) была создана Центральная школа советской и партийной работы, переименованная в июле 1919 г. в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. Курс обучения в университете вначале составлял 6–8 месяцев, затем постепенно был увеличен до 2, 3, 4 лет. При университете работали: вечерний коммунистический университет, вечерняя совпартшкола, воскресный коммунистический университет, заочный коммунистический университет, лекторские курсы, в дальнейшем – Институт аспирантов. В.И. Ленин уделял большое внимание организации университета, выработке его учебных программ. 11 июля и 29 августа 1919 г. он прочел в университете две лекции о государстве. В университете выступали с лекциями видные партийные и государственные деятели Я.М. Свердлов, М.И. Калинин, А.В. Луначарский, В.В. Куйбышев, А. С. Бубнов и другие. Пре-

¹¹ Там же. – Л. 25–28. Цит. по: Исторический архив. – 2002. – № 6. – С. 4–5.

подавали в университете профессора В.П. Волгин, С.И. Мицкевич, С.А. Пионтковский, М.Н. Покровский и другие¹².

Курс лекций, прочитанный И.В. Сталиным студентам университета, назывался «Об основах ленинизма»¹³. С точки зрения концептуальной модели особенно важны введение и первые три лекции. Во введении Сталин отмечал: «Ленин – марксист, и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм... Изложить ленинизм – это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма... Ленин действительно применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски... Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское»¹⁴. Отсюда следовал вывод: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. ... Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма»¹⁵. В первой лекции «Исторические корни ленинизма» И.В. Сталин, описывая международную обстановку, породившую ленинизм, доказывал, что Россия стала узловым пунктом противоречий империализма и в силу того, что «была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна», породила «реальную силу, могущую разрешить противоречия империализма революционным путем». Вывод таков: «Россия стала очагом ленинизма, а вождь русских коммунистов Ленин – его творцом»¹⁶. В третьей лекции, названной коротко – «Метод», Сталин стремился показать сущность метода ленинизма, рожденного в полемике с политическими лозунгами и политическими решениями партий II Интернационала. Этот метод состоит в творческом применении революционной теории, ибо «революционная теория не есть догма», «она складывается окончательно лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» («Детская болезнь»), ибо «теория должна служить практике»,

¹² См.: *Иванова, Л. В.* Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918–1922 гг. // История и историки. Историография истории СССР. – Сб. статей. – М., 1965.

¹³ *Сталин, И. В.* Об основах ленинизма // Сталин И. Вопросы ленинизма. II-е изд. – М., 1939. – С. 1–77.

¹⁴ Там же. – С. 1.

¹⁵ Там же. – С. 2.

¹⁶ Там же. – С. 5–6.

«должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа»), она должна проверяться данными практики¹⁷. Вывод, который сделал Сталин: «То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, “в существе своем критическим и революционным”... На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики»¹⁸. В четвертой лекции «Теория» Сталин раскрывал значение революционной теории для пролетарского движения. В своих рассуждениях он опирался на два известных положения В.И. Ленина: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» и «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией». Кроме того, в этой лекции раскрывались сущность и значение ленинской теории пролетарской революции¹⁹.

В лекциях с четвертой по девятую И.В. Сталин довольно подробно раскрыл вклад Ленина в марксистскую теорию по конкретным вопросам. Так, в четвертой лекции «Диктатура пролетариата» он поднял три проблемы: диктатура пролетариата как орудие пролетарской революции; диктатура пролетариата как господство пролетариата над буржуазией; Советская власть как государственная форма диктатуры пролетариата²⁰. В пятой лекции «Крестьянский вопрос» он рассматривал роль крестьянства во время буржуазно-демократической революции, пролетарской революции и после упрочения Советской власти²¹. В шестой лекции «Национальный вопрос» анализировались место и роль пролетарской революции в освободительном движении угнетенных народов²². В седьмой лекции «Стратегия и тактика» И.В. Сталин поднял вопросы о значении стратегии и тактики как науки о руководстве классовой борьбой пролетариата²³. В восьмой лекции «Партия» он обосновал необходимость новой партии как передового, организованного отряда рабочего класса,

¹⁷ Там же. — С. 11.

¹⁸ Там же. — С. 13.

¹⁹ Там же. — С. 16–26.

²⁰ Там же. — С. 26–35.

²¹ Там же. — С. 35–45.

²² Там же. — С. 45–52.

²³ Там же. — С. 52–64.

высшей формы классовой организации пролетариата, орудия диктатуры пролетариата²⁴. В девятой лекции «Стиль в работе» Сталин говорил о том, что «ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и государственного работника, создающая ленинский стиль в работе», особенности которого — «а) русский революционный размах и б) американская деловитость». Он делал вывод: «Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе»²⁵.

Таким образом, прочитанные И.В. Сталиным в апреле 1924 г. в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова лекции можно назвать данью памяти ушедшего в январе того года вождя российского пролетариата В.И. Ленина. Во всех лекциях представлен подробный конспект соответствующих работ В.И. Ленина и цитаты из работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Сталин пытался обобщить вклад В.И. Ленина в развитие марксизма и сделал это достаточно добросовестно, понятно для студенческой аудитории. Вместе с тем следует отметить вторичность позиции самого лектора, он, скорее, популяризатор, транслятор мыслей и идей К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, чем самостоятельный исследователь. Названия отдельных лекций кратки, конспективны, не содержат проблемной постановки. Следует отметить и тот факт, что в лекциях не были упомянуты, даже в критическом плане, русские исследователи, не относящиеся к марксистской социологии, названы лишь некоторые лидеры-«оппортунисты» II Интернационала.

В сентябре 1938 г., отдельным изданием вышла работа И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», написанная вначале к краткому курсу «Истории ВКП(б)». Открывала работу четкая формулировка сущности диалектического и исторического материализма. «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является диалектическим, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория — материалистической»²⁶. Далее автор продолжал: «Исторический материализм есть распро-

²⁴ Там же. — С. 64–75.

²⁵ Там же. — С. 75.

²⁶ Там же. — С. 535.

странение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества»²⁷.

Интересна интерпретация Сталиным марксистского диалектического метода в применении к общественной жизни.

Первое. «Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития ... значит, капиталистический строй можно заменить социалистическим строем... значит, надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность»²⁸. И «именно потому, что пролетариат развивался как класс, тогда как крестьянство как класс распадалось, ... марксисты ориентировались на пролетариат ... и они не ошиблись». Отсюда следовал вывод: «Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад»²⁹.

Второе. «Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития... значит, переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса... может быть осуществлено... только путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции». Из этого Сталин сделал вывод: «Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом»³⁰.

Третье. «Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением. Значит... надо не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца». И отсюда следует: «Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии»³¹.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. — С. 540.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. — С. 541.

³¹ Там же.

Понятно, что мог усвоить изучающий марксизм по этой статье И.В. Сталина: надо смотреть вперед, быть революционером, проводить непримиримую классовую пролетарскую политику. Но это еще не все. Надо быть последовательным материалистом. И.В. Сталин дал свою интерпретацию «марксистского философского материализма». Так, он писал: «Марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляют объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична... а сознание вторично, производно...»³² Вывод лектора был такой: «Значит, практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях “выдающихся лиц”, не на требованиях “разума”, “всеобщей морали”, а на закономерностях развития общества... руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов. Значит, социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку»³³. Ошибочность позиции немарксистских авторов, по мнению И.В. Сталина, заключалась в том, что они не были материалистами. «Падение утопистов, в том числе народников, анархистов, эсеров, объясняется, между прочим, тем, что они не признавали первенствующей роли условий материальной жизни общества в развитии общества и, впадая в идеализм, строили свою практическую деятельность ... на основе “идеальных планов” и “всеобъемлющих проектов”, оторванных от реальной жизни общества»³⁴. Вывод, который следовал из этого: «Сила и жизнеспособность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не открываясь от реальной жизни общества»³⁵.

Конечно, такой вывод не мог не породить вопрос: а как же быть с социальным идеалом — коммунизмом, который еще не стал реальностью? И здесь Сталин вынужден был оговориться, что «исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает серьезную роль и значение в жизни общества»³⁶ общественных идей,

³² Там же. — С. 542.

³³ Там же. — С. 544–545.

³⁴ Там же. — С. 546.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

теорий, взглядов. Имея в виду идею коммунизма, он утверждал: «Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед...». Отсюда следовало, что «...сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу»³⁷.

«Марксистский исторический материализм», как подчеркивал И.В. Сталин, отмечает, что «главной силой развития общества является способ производства материальных благ ... Каков способ производства – таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения»³⁸. И вывод: «Значит, чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности, прежде всего, из законов развития производства, из законов экономического развития общества»³⁹. Одним из них является закон соответствия производительных сил производственным отношениям. В интерпретации И.В. Сталина он звучит так: «Каковы производительные силы, таковыми должны быть и производственные отношения»⁴⁰. Особенность действия этого закона состоит в том, что «сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, в зависимости от этих изменений и соответственно с ними, – изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей»⁴¹. Интересно, что Сталин в этой работе для характеристики истории развития общества не использовал термин «общественно-экономическая формация». Он писал так: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический»⁴². Объясняя последовательность смены одного типа общества другим, он дал описание общества, построенно-

³⁷ Там же. – С. 548.

³⁸ Там же. – С. 550–551.

³⁹ Там же. – С. 552.

⁴⁰ Там же. – С. 553.

⁴¹ Там же. – С. 552.

⁴² Там же. – С. 554.

го в СССР. «При социалистическом строе, который осуществлен пока что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципу: “кто не работает, тот не ест”. Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства»⁴³. Конечно, данное описание общества в СССР было далеко от реальной ситуации. Не случайно поэтому Сталин закончил работу «гениальной формулировкой сущности исторического материализма», данной К. Марксом⁴⁴.

Итак, в работе «О диалектическом и историческом материализме» И.В. Сталин предложил свою интерпретацию, версию марксизма. По жесткости, категоричности формулировок, отсутствию проблемной постановки вопросов можно говорить скорее о догматизации, чем модернизации марксистской социологии в собственном, сталинском, варианте.

Модернизация марксизма означала бы, в первую очередь, преодоление противоречий, заложенных в самом учении Маркса. Об этом писал, в частности, философ Б.П. Вышеславцев в книге «Философская нищета марксизма»⁴⁵: «У Маркса мы встречаем два основных суждения о *должном*: категорический императив максимальной продукции, с одной стороны, и категорический запрет эксплуатации, с другой стороны. Между двумя императивами колеблется вся неосознанная и необоснованная этика марксизма: максимальная продукция есть добро; эксплуатация есть зло»⁴⁶. «Но что если максимальная продукция потребует максимальной эксплуатации, а прекращение эксплуатации потребует сокращения продукции?» – спрашивает ученый. Ответ очевиден: «Маркс совершенно не созна-

⁴³ Там же. – С. 558.

⁴⁴ Там же. – С. 562–563.

⁴⁵ См.: *Вышеславцев, Б. П. Сочинения / Сост. и примеч. В.В. Сапова; вступ. ст. С.А. Левицкого. – М., 1995. – 461 с.*

⁴⁶ Там же. – С. 162.

вал этой моральной антиномии, он не понимал, что ставит рядом два противоположных идеала: идеал наибольшего количества товаров и материальных благ, с одной стороны, и идеал свободной автономной личности, развивающей все свои духовные потенции, с другой стороны. ...Он наивно полагает, что чем интенсивнее и богаче продукция, тем меньше эксплуатации, тем легче она устраняется; и чем больше эксплуатации, тем хуже идет продукция»⁴⁷. Реальность опровергла это утверждение Маркса. Размышляя об опыте реализации марксистской концепции в России в 1930–1950-х годах, Б.П. Выпеславцев с горечью отмечал: «В коммунизме, с его интенсивной индустриализацией, мы находим наибольшую эксплуатацию личности ради максимальной продуктивности: крепостное право колхозов, каторжный труд заключенных, рабский труд рабочих. ... такая форма эксплуатации и истощения всех личных и народных сил оказывается весьма продуктивной в военной промышленности и вполне эффективной в процессе индустриализации»⁴⁸. Отсюда становится ясным, что в вопросе, можно ли допустить эксплуатацию, если того требует интенсивность продукции (например, «внезапная индустриализация»), марксизм в СССР остался верным принципу максимальной продукции какой угодно ценой⁴⁹. Другими словами, И.В. Сталин остался верным экономизму, техницизму, индустриализму Маркса. Его социальным идеалом, высшей целью стало наиболее производительное хозяйство, а развитие духовных сил и способностей личности оказалось подчиненной целью.

Попытки модернизировать марксизм в русле построения марксистской социологии предпринимались в 1920–1930-е годы Н.И. Бухариным, И.П. Разумовским, С.А. Оранским. Такие лидеры Коминтерна, как Дьердь Лукач, Карл Корш, Антонио Грамши, пытались достроить марксизм теми идеями, которые стали актуальными в западном обществе в 1930–1940-е годы⁵⁰. Ревизия основных постулатов марксизма происходила на всем протяжении его существования⁵¹. Кстати, это дало повод Э. Гидденсу в конце 1970-х годов

⁴⁷ См.: Там же.

⁴⁸ См.: Там же. – С. 162–163.

⁴⁹ См.: Там же. – С. 163.

⁵⁰ См.: *Андерсон, П.* Размышления о западном марксизме. – М., 1991. – С. 62–86.

⁵¹ См.: *Ойзерман, Т. И.* Оправдание ревизионизма. – М., 2005.

заметить, что верность духу марксизма стала возможной лишь при отходе от его буквы⁵².

Однако не модернизация марксизма представлялась И. Сталину первоочередной задачей, а его распространение в форме догматического провозглашения марксизма как всеильного учения. Успехи индустриализации преподносились как безусловное подтверждение на практике верности марксистско-ленинской теории. Однако, по мнению М. Буравого и Э. Райта, «для превращения марксизма в эффективную идеологию вовсе не требуется жесткая, догматическая вера в его постулаты. Центральным вопросом здесь является то, что марксизм следует сделать общедоступным, чтобы он усваивался как субъективно яркая система убеждений»⁵³. Для этой цели И. Сталиным была создана действенная всеобщая система марксистско-ленинского образования.

Кроме того, в сталинской интерпретации марксизма была заложена особая практика его использования. Как подчеркивают М. Буравой и Э. Райт, «многое из того, что излагается под рубрикой “марксистская социология”, имеет характер, позволяющий избирательно использовать частные понятия и темы из марксистской традиции, чтобы понять конкретные эмпирические проблемы. Однако вовсе не нужно быть “марксистом” для того, чтобы таким образом пользоваться марксизмом»⁵⁴.

Именно о таком «использовании марксистской теории» свидетельствовал отчетный доклад И.В. Сталина на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г. В разделе «Некоторые вопросы теории» он заявил: «Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45–55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем»⁵⁵. И делает вывод: «Но мы можем и должны требовать от марксистов-ленинцев нашего времени, чтобы они не ограничивались

⁵² См.: *Романовский, Н. В.* Ревизия ревизионизма // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С. 147–151.

⁵³ См.: *Буравой, М., Райт, Э.* Руководство по социологической теории / Под ред. Дж. Тернера. – Нью-Йорк, 2002. – Гл. 22. (Перевод на русский язык Соколовой Г.Н.)

⁵⁴ См.: Там же.

⁵⁵ См.: *Сталин, И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии // Сталин И. Вопросы ленинизма. – С. 603.

заучиванием отдельных общих положений марксизма, чтобы они вникли в существо марксизма, чтобы они научились учитывать опыт двадцатилетнего существования социалистического государства в нашей стране, чтобы они научились, наконец, опираясь на этот опыт и исходя из существа марксизма, *конкретизировать отдельные общие положения марксизма, уточнять и улучшать их* (выделено мной. – М. Б.)⁵⁶. Кстати, уточнять и улучшать марксизм предлагалось именно в варианте индустриализма с его формулой «жить, чтобы производить», а не «производить, чтобы жить». В этих словах содержалась конкретная программа подготовки кадров марксистов-ленинцев, кадров новой советской интеллигенции в вузах страны.

5.3. Опыт реализации марксистской модели в советской высшей школе

В 30–40-е годы XX в. в российской высшей школе проводилась реформа, связанная с формированием системы массовой подготовки специалистов из рабочих и крестьян, владеющих марксистской теорией, передовой наукой, способных, как свидетельствуют документы того времени, «по-большевистски решать вопросы практики социалистического строительства». Примером высшего учебного заведения, в котором в это время, наряду с решением отраслевых задач, была реализована марксистская модель И.В. Сталина, был Историко-архивный институт им. М.Н. Покровского.

Сначала немного истории. 3 сентября 1930 г. Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин и заместитель Председателя СНК СССР Я.Э. Рудзутак подписали постановление ЦИК и СНК СССР, в котором говорилось: «Открыть при Центральном архивном управлении Союза СССР Институт архивоведения и организовать при этом институте подготовительные курсы по архивоведению»⁵⁷. Учебные занятия в институте начались в апреле 1931 г. Первоначально было принято 125 учащихся на дневной сектор и 60 на вечерний⁵⁸. Учебные

⁵⁶ См.: Там же. – С. 603–604.

⁵⁷ См.: Московский ордена «Знак почета» государственный историко-архивный институт (1930–1980). Сб. док-тов и мат-лов. – Пермь, 1984. – Док. № 1: Постановление ЦИК и СНК СССР. – С. 52.

⁵⁸ См.: Там же. – Док. № 3: Контингент учащихся института. – С. 55.

планы 1931/32 учебного года были рассчитаны на двухлетний срок обучения студентов. Вскоре выяснилась недостаточность этого срока для фундаментальной подготовки научных работников партийных и государственных архивов. С 1932/33 учебного года срок обучения в вузе был увеличен до двух с половиной лет, в следующем году – до трех лет. В 1934/35 учебном году – до 4 лет⁵⁹. В 1932 г. коллегией ЦАУ СССР и РСФСР и дирекцией Института архивоведения было возбуждено ходатайство перед ЦИК СССР о присвоении вузу имени М.Н. Покровского⁶⁰. В 1933 г. в принятом уставе было изменено название вуза: вместо «Институт архивоведения» он стал называться «Историко-архивный институт».

В первые годы в структуре института были созданы Совет института, три основные кафедры (истории и экономических дисциплин, архивоведения, иностранных языков), аспирантура, лаборатория, научно-методический, историко-архивный кабинеты, библиотека.

Учебным планом института на 1931–1933 гг. в первый год обучения предусматривалось чтение курса «Ленинизм» в количестве 200 часов. На второй год обучения был запланирован курс диалектического и исторического материализма, рассчитанный на 350 часов. Если учесть, что на втором году обучения студенты также слушали курсы «Политэкономия» (300 часов) и «История ВКП(б)» (150 часов)⁶¹, то можно сказать об успешном решении в институте задачи «овладения студентами марксистско-ленинской методологией ... в объеме, дающем возможность *правильно* ориентироваться в оценке и обработке исторического материала во всей его конкретности и разновидности»⁶². Выделенное курсивом слово показывает, что в основу овладения студентами марксистско-ленинской методологией была положена модель И.В. Сталина. Неудивительно поэтому, что в институте была группа аспирантов, нацеленная на выпуск «архивных работников в области марксистско-ленинской методологии и техники архивного дела»⁶³.

⁵⁹ Архивное дело. – 1932. – № 30–31. – С. 172.

⁶⁰ Там же. – 1933. – № 32–33. – С. 16.

⁶¹ См.: Московский ордена «Знак почета» государственный историко-архивный институт. – Док. № 2: Учебный план Института архивоведения. – С. 53–54.

⁶² Там же. – Док. № 5: Характеристика профилей специалистов, подготовляемых Институтом архивоведения (1931 г.). – С. 57.

⁶³ См.: Там же. – Док. № 6: Из проекта положения о группе аспирантов при Институте архивоведения (1932). – С. 60.

В 1932 г. на базе кафедры истории и экономических дисциплин были образованы самостоятельные кафедры: истории народов СССР, всеобщей истории, социально-экономических дисциплин. В 1938 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. о постановке партийной пропаганды в институте был введен единый курс «Основы марксизма-ленинизма» и образована одноименная кафедра. В список кандидатских экзаменов, обязательных для всех аспирантов, в 1939 г. был введен экзамен по диалектическому и историческому материализму⁶⁴.

В 1933–1938 гг. в институте по особому учебному плану работали группы Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б), задачей которых была подготовка кадров для партийных архивов. Наряду с курсом основ марксизма-ленинизма для студентов этих групп читались углубленные курсы по истории ВКП(б), истории и организации работы партийных архивов⁶⁵.

Статьи преподавателей вуза печатались в исторической периодике, в частности в журнале «Историк-марксист». Доказывая на деле приверженность делу марксизма-ленинизма, коммунисты и комсомольцы вуза активно участвовали в переписи населения 1937 г., трудились на коммунистических субботниках, принимали участие в строительстве первых очередей московского метро, стояли во главе социалистического соревнования и движения ударников среди студентов⁶⁶. К концу 1930-х годов ряды комсомольской организации института выросли с 20 до 200 человек. В вузе работали кружки повышения уровня марксистско-ленинского образования. Комсомол посылал лучшие силы для пропагандистской работы вне института – на предприятия и в школы⁶⁷. До 1941 г. институт подготовил для государственных и партийных архивов свыше 400 специалистов⁶⁸.

В годы Великой Отечественной войны Историко-архивный институт был одним из немногих вузов, продолжавших работать в

⁶⁴ Там же. – Док. № 24: Аспирантура института (1939 г.). – С. 98.

⁶⁵ Там же. – Док. № 17: Из письма выпускника Института к. и. н. А.О. Тулумджана. – С. 79.

⁶⁶ Там же. – Док. 16: Учеба в институте в 1930-х гг. – С. 77–78.

⁶⁷ Там же. – Док. 18: В борьбе за кадры (К пятилетию комсомольской организации института – 1936 г.). – С. 80–84.

⁶⁸ См.: Рослова, А. С. 25 лет работы Московского государственного историко-архивного института // Труды МГИАИ. – М., 1958. – Т. IX. – С. 13.

первый период войны. К работе в вузе были привлечены оставшиеся в столице историки и ученые, эвакуированные из осажденного Ленинграда. Осенью 1942 г. институтом был проведен военный набор: в институт поступили 108 студентов, в основном девушек, выпускниц школ Москвы и Московской области. Срок обучения в институте сократился с четырех до двух с половиной лет. В 1941/42 учебном году нагрузка преподавателей по кафедре основ марксизма-ленинизма составляла 720 часов. На кафедре в то время работали: доктор исторических наук, проф. Попов К.К. – заведующий кафедрой; кандидат философских наук, доцент Шохор В.М., читавший курсы по диалектическому и историческому материализму; кандидат экономических наук, доцент Тарковский Д.И., читавший курс по политэкономии⁶⁹. Из справки, составленной в декабре 1942 г. кафедрой основ марксизма-ленинизма, следует, что учебная работа кафедры предусматривала проведение лекционных и семинарских занятий по основам марксизма-ленинизма для студентов 1-го и 2-го курсов, по диалектическому и историческому материализму для студентов 3-го курса⁷⁰. В 1944/45 учебном году большую роль в учебной и политико-воспитательной работе вуза играл кабинет марксизма-ленинизма при кафедре основ марксизма-ленинизма. При кабинете были организованы постоянные консультации по вопросам марксизма-ленинизма, экспонировались новинки политической литературы. Кабинет организовывал экскурсии в Музей В.И. Ленина, в которых приняли участие 450 студентов. В отчете было написано: «В целях повышения идейно-политического уровня студенчества и профессорско-преподавательского состава, в целях овладения марксистской теорией, в институте были проведены две теоретические конференции»⁷¹.

Во второй половине 1940-х и в 1950-е годы в вузе шел процесс расширения состава учебных дисциплин, создавались новые программы, учебники, учебные пособия, совершенствовалась структура вуза. В связи с этим в 1945/46 учебном году работа кафедры основ

⁶⁹ См.: Московский ордена «Знак почета» государственный историко-архивный институт. – Док. № 36: Организация работы в 1941/42 учебном году. – С. 118–120.

⁷⁰ Там же. – Док. № 42: Из справки кафедры основ марксизма-ленинизма. – С. 128–129.

⁷¹ См.: Там же. – Док. № 51: Работа института в 1944/45 учебном году. – С. 138–142.

марксизма-ленинизма заключалась не только в организации учебного процесса, но и в проведении кружковой работы, теоретических конференций и товарищеских беседований. В состав кафедры был включен преподаватель Егоров С.П. «для руководства работой агитаторов и оказания им помощи»⁷². Прием в вуз в 1946 г. был установлен в количестве 150 человек на дневное отделение, столько же на заочное. В 1953 г. в институте для подготовки кадров без отрыва от производства было образовано вечернее отделение с планом приема в 75 человек⁷³. Важнейшим событием в истории института явился перевод его в 1949/50 учебном году на пятилетний срок обучения. Существовавшее с 1939 г. заочное отделение в 1955 г. было преобразовано в заочный факультет.

К середине 1950-х годов относятся первые попытки избавления от сталинской модели образования в вузе. Из документов следует, что в институт возвратились участники Великой Отечественной войны, влились молодые ученые, защитившие диссертации в послевоенные годы, а также кадры из собственных выпускников. В составе кафедры основ марксизма-ленинизма теперь трудились: историки – проф. А.А. Абрамов, доценты А.С. Конькова и М.Т. Белоусова; философы – проф. П.П. Иониди, доценты Л.С. Дмитровский, М.Н. Зарбабов, В.А. Карпушин, Е.Г. Шарапова; экономисты – доценты Е.С. Мельцер, Л.О. Осипов. В 1953 г. в состав кафедры влились выпускники МГИАИ, окончившие аспирантуру, М.А. Пережогин, И.Ф. Угаров⁷⁴. К концу 1950-х годов активизировалась деятельность научных кружков. Догматической риторике была противопоставлена реальная жизнь. Так, В.Н. Зеленецкая со своей группой начала изучение истории завода «Шарикоподшипник», и вокруг нее образовался кружок студентов из 13 человек. Интересное мероприятие организовала Т.М. Ягодина, которая на объединенное собрание двух групп, посвященное вопросу дальнейшего развития колхозного строя и реорганизации машино-тракторных станций, пригласила секретаря одного сельского райкома партии. Он на ярких примерах из непосредственной жизни колхозов показал важность этого про-

⁷² Там же. – Док. № 52: Политико-воспитательная работа Историко-архивного института. – С. 144.

⁷³ Там же. – Док. № 62: Открытие вечернего отделения при МГИАИ. – С. 154.

⁷⁴ См.: Там же. – С. 23.

цесса⁷⁵. Однако основная работа, связанная с переходом на новую модель образования, была еще впереди.

Таким образом, латентное развитие социологического образования происходило в форме марксистской модели. Эта модель была адаптирована И.В. Сталиным к задачам построения в России социализма. Она не предусматривала подготовку кадров профессиональных социологов, строилась на основе массового преподавания в высшей школе основ марксизма-ленинизма, курсов диалектического и исторического материализма. В силу того что данная модель наследовала такую сторону марксизма, как экономизм, технологизм и индустриализм, она менее всего востребовала наследие русской социологической школы, обращенной к человеку, развитию его личности и духовного мира.

⁷⁵ Там же. – Док. № 70: Научная и воспитательная работа среди студентов (1958 г.). – С. 161.

Раздел 6

Социологическое образование в русском зарубежье

6.1. Социальная реальность русского зарубежья

Феномен российского зарубежья вызывает сегодня большой интерес у исследователей. Важнейшей составляющей этого феномена является создание и сохранение системы высшего образования на русском языке.

На первом этапе эмиграции была продолжена успешная практика обучения русских студентов в зарубежных высших учебных заведениях ряда стран. Но если в XIX в. выбор заграничных вузов молодежью был вызван малочисленностью университетов в России, отсутствием в них академического комфорта и реальной свободы, действием закона об ограничении образования для ряда лиц, то в 1920 г. массовый приток был совсем по другой причине – эмиграции, т. е. носил вынужденный характер. После октября 1917 г. в зарубежье попали около 2 млн бывших граждан Российской империи. Из них, по данным анкеты Объединения русских эмигрантских организаций (ОРЭСО) 1922 г., оказалось более 14 тыс. российских студентов и лиц, получивших среднее образование в России¹. Причем эмиграция разбросала студентов по целому ряду стран. По данным, опубликованным в 1922 г., в Турции к ноябрю 1921 г. насчитывалось около 2000 русских студентов, в Греции – 230, в Болгарии – около 2000, в Югославии более 2500, во Франции – около 300, в Польше – более 1000, в Чехословакии – от 200 до 300, в Германии – более 1500 человек².

Необходимо подчеркнуть тот факт, что правительства этих стран брали на себя частичное содержание русских студентов, давали им общежития, устанавливали режим наибольшего благоприятствования в обучении. Русских принимали не столько из милости, сколько

¹ Вестник Русского национального комитета. – Париж, 1923. – № 7. – С. 31.

² Студент (Прага). – 1922. – № 2. – С. 9–13. Цит. по: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Авт. коллектив: Е.И. Пивовар, Н.П. Герасимова и др. – М., 1994. – С. 91.

6.1. Социальная реальность русского зарубежья

из «высокого понимания единства культурной Европы»³. Наиболее благоприятной была ситуация в Королевстве сербов, хорватов, словенцев. Это определялось прежде всего практическим отсутствием языкового барьера. Например, в университете в Белграде обучались 625 русских студентов, в университете Загреба – 285, в университете Любляны – 137, в Высшей технической школе в Загребе – 166, в Высшей коммерческой школе в Загребе – 140, на юридическом факультете в Субботице – 40, в Высшей школе искусств в Загребе – 4⁴.

Несмотря на то что помощь русскому студенчеству оказывалась, ее явно не хватало, положение было чрезвычайно тяжелым. С целью не допустить потери (прежде всего, для России) молодого поколения в 1921 г. группа русских профессоров, поддержанная российской эмиграцией, поставила перед общественными и правительственными кругами Чехословакии вопрос об оказании помощи русскому студенчеству, разбросанному по всему миру. Эта идея нашла отклик. Летом 1921 г. в Чехословакии был создан особый Комитет помощи русским студентам. Чешское правительство выделило средства на содержание в первую очередь студентов, находившихся на территории Чехословакии, но уже с конца 1921 г. – на содержание студентов в других странах⁵. Представители русских академических кругов направились в разные страны с благородной миссией – оказать помощь русским студентам в продолжении образования. Такая группа, в частности, прибыла в Константинополь. 25 августа 1921 г. проф. М.М. Катков и преп. М.А. Циммерман, работавшие до эмиграции в Московском университете, провели коллоквиум для всех желающих продолжить образование. В итоге первая группа студентов (200 человек) из числа выдержавших испытание отправилась в Прагу. К весне 1922 г. около 1700 русских студентов стали стипендиатами чешского правительства⁶. Студенты распределялись по высшим школам Чехословакии в Праге, Брно, Братиславе и других городах. Они были поселены в несколько больших общежитий и частично на частных квартирах, получили одежду, питание, пособие, карманные деньги. Русские студенты-эмигранты жили в довольно тяжелых условиях. Выделенной

³ Костиков, П. Е. Не будем проклинать изгнание... – М., 1990. – С. 222.

⁴ ГАРФ. – Ф. 5680. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 5–8. Цит. по: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. – С. 91.

⁵ Студент (Прага). – 1922. – № 2. – С. 11. Цит. по: Там же. – С. 93.

⁶ Там же. – С. 12–20.

стипендии едва хватало на поддержание скромного уровня потребления, поэтому они вынуждены были работать в свободное от занятий время. Все они тогда жили надеждой на скорое возвращение на родину и верой в возможность служить новой России.

Не только правительства отдельных стран, но и российская эмиграция считала своим долгом помочь молодежи получить образование. При российских посольствах на постоянной основе были созданы испытательные комиссии для приема в течение года переходных экзаменов, а также экзаменов на аттестат зрелости, что давало молодым людям возможность продолжить образование в высших учебных заведениях вне России. В состав комиссий входили русские преподаватели, работавшие в местных образовательных учреждениях⁷.

В октябре 1921 г. образовательный процесс в зарубежье был взят под контроль Русским академическим союзом (РАС). 26 апреля 1922 г. Совет этой организации принял специальный документ – «Правила о государственных испытательных комиссиях». В составе таких комиссий предполагалось иметь не менее пяти ординарных и экстраординарных профессоров соответствующих специальностей. Документ также предусматривал: перечень лиц, которые могут быть допущены к испытаниям; круг предметов; программу испытаний и порядок их проведения; систему оценок знаний; форму выдаваемых дипломов; источники средств оплаты экзаменов⁸. Тем самым была упорядочена процедура подготовки и сдачи квалификационных экзаменов русской молодежью. Испытательные комиссии были утверждены при русских академических группах в ЧСР, Франции, других странах. Например, в Чехословакии испытательная комиссия для приема экзаменов за курс средней школы возникла в 1923 г. Комиссия выдавала свидетельства на русском и чешском языках, утверждаемые Министерством народного просвещения ЧСР и дающие право поступления во все высшие учебные заведения ЧСР. С 1924 по 1927 г. такие свидетельства получили 52 человека⁹. Создание этой и других комиссий было весьма своевременно, так как в результате фактически бегства из России многие студенты оказались без надлежащих документов и не могли продолжить свое образование.

⁷ ГАРФ. – Ф. 5760. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 4–7.

⁸ Там же. – Ф. 5765. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1–3.

⁹ Там же. – Ф. 5856. – Оп. 1. – Д. 539. – Л. 17.

Вторым съездом Русских академических организаций 14 октября 1922 г. было принято «Положение о производстве испытаний на ученые степени и по защите диссертаций»¹⁰, включившее правила приема экзаменов и защиты магистерских и докторских диссертаций. С 1924 по 1927 г. только в Праге и в Париже были защищены более 20 диссертаций¹¹. Сохранение института научной аттестации в эмиграции было более чем символично. В Советской России к тому времени ученые степени и звания были отменены: всем преподавателям, работавшим в университетах и институтах не менее трех лет, присваивалось единое звание «профессор», прочим – «преподаватель»¹².

Помимо организации экзаменов, РАС взял на себя разработку содержания, форм обучения, подбор профессорско-преподавательского состава и организацию учебного процесса в вузах, налаживание контактов с местными государственными структурами, общественными, политическими деятелями и организациями.

В 1921 г. в Париже был учрежден Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей во главе с М.М. Федоровым. В него входили общества, учреждения, организации и отдельные лица Франции и (на правах отделений) целого ряда европейских стран. Официальной целью Комитета было «обеспечение находящемуся за границей русскому юношеству обоюбого пола возможность получения или продолжения образования в высших учебных заведениях Франции и других стран». Для реализации своих задач Комитет «вступал в сношения с правительствами; органами городского самоуправления и другими органами публичной власти; а равно с высшими учеными и учебными учреждениями; благотворительными, профессиональными и иными организациями». Принималась также помощь частных лиц в пределах всего русского зарубежья¹³.

Бессменный руководитель Комитета в течение 20 лет Михаил Михайлович Федоров – личность неординарная. В России он был общественным деятелем и одновременно крупным специалистом по промышленности и хозяйственным вопросам, министром торговли и

¹⁰ Там же. – Ф. 5765. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 24–28.

¹¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 706. – Л. 113.

¹² См.: Иванов, А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1947 г. – М., 1994. – С. 183.

¹³ ГАРФ. – Ф. 5781. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 61.

промышленности в кабинете Витте. Попад в эмиграцию, он вложил все свои силы в дело помощи студентам. По свидетельству современников, его можно было назвать «отцом русского студенчества» за рубежом¹⁴. М. Федоров писал: «Именно русская молодежь, выброшенная за границу, доучившись здесь, должна будет восстанавливать Россию из развалин»¹⁵. Чтобы не допустить распыления молодежи по многим образовательным центрам Европы и Америки, были созданы национальные образовательные учреждения.

На втором этапе в эмиграции была проведена огромная работа по созданию целой сети русских образовательных учреждений. На 1 января 1924 г. в европейских государствах (преимущественно славянских) насчитывалось 83 русские школы с 6765 учащимися¹⁶. Создание средних школ оказалось относительно легким делом, так как начальное образование почти всюду было всеобщим и бесплатным. Главной задачей этих школ было «дать образование и воспитание в истинно национальном и патриотическом духе на православных началах», «сохранение детей для будущей России»¹⁷.

Русские высшие учебные заведения были созданы лишь в Праге, Париже, Харбине. Русским Оксфордом называли Прагу, поскольку чешское правительство не просто поддержало, но целиком взяло на себя финансирование русских учебных заведений. За основу функционирования национальной образовательной системы за рубежом был взят университетский устав 1884 г. Это касалось структуры вуза, перечня кафедр, использования учебных планов и программ. Такой подход должен был сохранить национальные традиции. В школьном образовании вводились также предметы по истории, географии, литературе и языку стран проживания. Больше внимания уделялось естественным дисциплинам, способствовавшим адаптации выпускников к иной культурной среде. Такое изменение программ школьного обучения являлось одним из условий уравнивания в правах русских учебных заведений и местных государственных¹⁸. Вообще к 1926 г. сложилась дилемма: если русская школа не будет отвечать

¹⁴ Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия. – Париж, 1971. – С. 110–111.

¹⁵ ГАРФ. – Ф. 5781. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 2.

¹⁶ Зарубежная русская школа 1920–1924 гг. – Париж, 1924. – С. 266.

¹⁷ Советские по борьбе с денационализацией, созданное педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – Прага, 1924. – С. 6.

¹⁸ ГАРФ. – Ф. 5781. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 5.

программам заграничных учебных заведений, то окажется практически оторванной от реальных условий. Если ее приспособить к этим программам, то она станет непригодной для осуществления поставленной образовательной цели – предотвращению денационализации¹⁹. Не менее важным и сложным был вопрос об учебниках. Например, в педагогической среде неоднозначно решался вопрос о взаимосвязи общемировых курсов научных знаний по гуманитарному циклу и российского материала. Издания для вузов готовились под контролем русских академических групп (РАГ), но при финансовой поддержке местных правительств, благотворительной помощи. Нередко русские учебные пособия служили учебным материалом для местного студенчества. Так, в письме от 12 июня 1923 г. проф. Н.Н. Салтыков писал: «В Сербии до войны имели распространение германские издания, теперь сербское студенчество проявляет интерес к приобретению русских учебных книг, приобретает даже литографированные издания, и с большим уважением и вниманием относится к преподаванию русских профессоров»²⁰.

В административном плане русские учебные заведения работали под патронатом министерств просвещения и иностранных дел стран пребывания. Например, высший надзор над Русским институтом сельскохозяйственной кооперации в Праге осуществляло Министерство земледелия ЧСР. Но содержательная и оценочная сторона образовательного процесса оставалась в руках российских учреждений.

Специализация учреждаемых русских факультетов или высших учебных заведений обуславливалась рядом причин. Во-первых, необходимостью обеспечения национальных интересов. Во-вторых, компетенцией профессиональной подготовки по ряду специальностей в Советской России. В-третьих, потребностями самой эмиграции в тех или иных кадрах для поддержания жизнедеятельности зарубежной России. Другими словами, в начале 1920-х годов ставка делалась на возвращение в постбольшевистскую Россию. Поэтому поначалу признание законной силы документов, выдаваемых русскими учебными заведениями, не особенно заботило эмиграцию. Однако по мере укрепления советской власти вопрос актуализировался. Последнее слово в этом вопросе оставалось за местной властью.

¹⁹ Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг. – Сб. документов. – М., 1995. – С. 83.

²⁰ ГАРФ. – Ф. 5760. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 69.

Русские вузы со второй половины 1920-х годов серьезно озаботились уравниванием дипломов своих выпускников с дипломами выпускников местных университетов. Так, например, открытый Всероссийским земско-городским комитетом в 1925 г. в Париже Русский коммерческий институт был включен распоряжением Министерства народного просвещения Франции в число частных учебных заведений, признаваемых государством. Это давало выпускникам право получать официальные дипломы, признаваемые в стране. С 1926 г. начал работать Франко-русский институт – высшая школа социальных, политических и юридических наук, дипломы которого приравнивались к дипломам французских факультетов. Диплом об окончании Русского высшего технического института в Париже (открыт 4 октября 1931 г.) приравнивался к аналогичным, выдававшимся французскими техническими «эколь суперьер».

Чем дальше отодвигалась перспектива возвращения на родину, тем более актуализировался вопрос о трудоустройстве выпускников русских вузов. Так, например, 1 марта 1925 г. Н.И. Астров, представитель Земгора при Верховном комиссариате по делам беженцев при Лиге Наций, писал К.Н. Гулькевичу, представителю Совещания послов: «Как Вам известно, в высших учебных заведениях Чехословакии обучается до 4,5 тысяч русской молодежи. По установленному здесь правилу, студент, оканчивающий курс, получает 500 крон ликвидационных и снимается с иждивения правительства. Нечего и говорить, что никаких надежд устроиться на работу в Чехословакии нет. Не только для всей массы оканчивающих курс, но даже для отдельных лиц»²¹. В том же письме он сообщал, что в Праге существует Русский торгово-промышленный комитет, который объединяет представителей организаций, озабоченных судьбой студентов – выпускников вузов. После весеннего семестра 1924/25 учебного года предстояло трудоустроить 300 выпускников различных специальностей (техников, юристов, медиков). Их предполагалось отправить во Францию, однако оставался открытым вопрос, будут ли учтены «профессия и факультет, пройденный ищущими работу». Пока решался вопрос об отъезде молодых специалистов во Францию, они нанимались на любую работу: на «земельные и строительные работы, подметальщиками улиц»²². В сентябре 1930 г. в Париже было создано Объедине-

²¹ Там же. – Ф. 6094. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 29.

²² Там же. – Л. 30.

ние русских, окончивших высшие учебные заведения (ОРОВУЗ) с целью защиты академических, правовых, трудовых и культурно-национальных интересов тех, кто закончил вузы за границей, а также координации деятельности подобных союзов в различных странах. Начался новый этап деятельности русского зарубежья, связанный с трудоустройством выпускников для постоянного проживания за границами России.

6.2. Русская модель социологического образования

Если на первом этапе для русской эмиграции была еще актуальна задача возвращения на историческую родину, то чем дальше шло время, тем призрачнее становилась надежда на возвращение. И первыми данную перемену осознали социологи, судьба которых была неразрывно связана с системой образования. По словам П.Е. Ковалевского, «два крупных русских ученых социолога завоевали мировое признание и их считают, как в Европе, так и в Америке, выдающимися представителями современной науки»²³. Учеными, о которых шла речь, были профессор Питирим Александрович Сорокин и Николай Сергеевич Тимашев.

Научная деятельность П.А. Сорокина как социолога за границей, после его высылки из России в 1922 г., была интенсивной. В основном она была связана с США. С 1924 по 1930 г. он работал профессором социологии в Университете Миннесоты. С 1930 по 1942 г. руководил факультетом социологии, а по 1959 г. стоял во главе основанного им Центра социологии Гарвардского университета. В 1949 г. при этом же университете он основал Центр творческого альтруизма. За огромные заслуги в области социологии в 1937 г. он был избран председателем международного конгресса социологов. В течение ряда лет возглавлял Институт социологии и Американское общество социологов. Являлся почетным членом Американской, Бельгийской, Румынской, Чешской, Мексиканской академий наук.

За рубежом вышли многие известные труды П. Сорокина: «Современное состояние России» (1922); «Социология революции» (1925); «Социальная мобильность» (1927); «Систематическая антология сельской социологии» (1930–1932); «Социальная и культурная

²³ Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия. – С. 161.

динамика» (1937–1941); «Россия и Соединенные Штаты» (1944); «Общество, культура и личность» (1947) и др.

В целом ученый придерживался тех принципов построения социологии, которые он выработал еще в «Системе социологии», опубликованной в России в 1920 г. Этих принципов пять: социология может и должна быть построена по принципу естественных наук; социология должна отказаться от какого-либо нормативизма; она должна изучать только те явления, которые доступны наблюдению, измерению, проверке; социология должна исходить из фактов и отказаться от всякого философствования; социология является изначально плюралистической дисциплиной²⁴. Однако на его социологических взглядах не могли не сказаться события, участником которых ему довелось быть. В работе «Социология революции» он писал, что революция означает прежде всего изменения в поведении людей, их психологии, верованиях и ценностях. Существуют революционные отклонения в поведении людей, они вызываются подавлением базовых инстинктов, т. е. рефлексов, импульсов (пищеварительного, индивидуального и группового самосохранения, самовыражения, собственности и др.). Происходит вырождение элиты общества, правящих классов. Революция представляет собой худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс, потому что достигается это непропорционально великой ценой. Ненависть, сумасшедшая борьба, зверства сопутствуют любой великой революции. В своих воспоминаниях П.А. Сорокин писал, что такие взгляды не были поначалу поддержаны в тех кругах американской интеллигенции, которые идеализировали русскую революцию. Неожиданным для ученого был достаточно холодный прием в университетах Иллинойса и Висконсина. «Поскольку в лекциях я особенно упирал на деструктивность, жестокость и зверства пяти первых лет коммунистической революции... это вызывало у них протест по отношению ко мне и моим лекциям. Эта оппозиция мне длилась несколько лет и проявлялась в различных попытках дискредитировать не только мои лекции и работы по русской революции, но и саму мою научную деятельность и публикации по другим проблемам»²⁵. И только вмешательство и поддержка знаменитых американских социологов

²⁴ См.: *Голосенко, И. А.* Питирим Сорокин: Судьба и труды. – Сыктывкар, 1991. – С. 189.

²⁵ *Сорокин, П. А.* Дальняя дорога. Автобиография. – М., 1992. – С. 154.

Ч. Элвуда, Ч. Кули, Э. Росса и Ф. Гиддингса спасло ученого от обвинения в научной невежественности.

В противовес революции П. Сорокин предложил основные правила реформирования общества: реформы не должны попираť человеческую природу, ее базовые инстинкты; перед началом реформирования необходимо тщательное научное исследование конкретных социальных условий; каждый социальный эксперимент вначале следует испытать в малом масштабе; реформы должны проводиться правовыми и конституционными средствами²⁶. Ученому было ясно, что социология может быть не только теоретической, но и практической наукой, иметь прикладной характер.

Уделяя большое внимание теории и методологии социологического познания, П. Сорокин считал необходимым выстраивать теоретическую работу на основе широкого использования эмпирических данных, полученных путем применения надежных социологических методов. Именно на таком фундаменте выстроены его работы по социальной стратификации и мобильности, а также исследование по социальной и культурной динамике. Социологическая интерпретация социальных процессов сочеталась у П. Сорокина с «человеческим измерением». Такое измерение вообще характерно для российской социологической традиции. Это, в частности, выразилось в интересе ученого к феномену духовной культуры, основополагающие типы которой (чувственный, идеационный, идеациональный) были положены в основание понимания доминирующих тенденций общественного развития.

Для объяснения исследуемых явлений П.А. Сорокин использовал многофакторные, многоуровневые теоретические модели, при этом строго подкрепляя их эмпирическими фактами и данными. Его «интегральная теория» общественной жизни гармонично сочетала в себе философскую, социологическую, психологическую традиции. Подводя итог своей научной и педагогической деятельности, великий социолог оставил своеобразный завет будущим последователям: «Что бы ни случилось в будущем, я знаю теперь три вещи, которые сохраню в голове и сердце навсегда. Жизнь, даже самая тяжелая – это лучшее сокровище в мире. Следование долгу – другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменять своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в

²⁶ См.: *Голосенко, И. А.* Указ. соч. – С. 479–481.

том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении»²⁷.

Вторым из названных крупных социологов был Н.С. Тимашев (1886–1970) – выдающийся русский правовед, социолог, научное наследие которого огромно и еще ждет своих исследователей. Его научная биография менее известна, поэтому нуждается в краткой характеристике. Н.С. Тимашев происходил из старинной дворянской семьи, давшей России ряд государственных деятелей и людей, отличавшихся своими трудами в области юриспруденции. Сын министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, он получил образование в Императорском Александровском лицее, продолжив образование в Страсбургском университете. В 1914 г. защитил магистерскую диссертацию по праву на тему «Уголовное осуждение» и с 1915 г. начал преподавательскую деятельность в Петербургском университете. В том же университете в 1916 г. он получил степень доктора права за двухтомный труд «Преступное возбуждение масс» и был приглашен доцентом в Петербургский политехнический институт. В 1918 г. Н.С. Тимашев был избран экстраординарным профессором экономического отделения института и вскоре его деканом. Необходимо подчеркнуть, что курс по общей теории права профессор читал с социологической точки зрения, являясь пионером в области социологии права. В России, кроме «Уголовного осуждения», Н.С. Тимашев успел напечатать исследование «Преступления против религии» (1916) и начать труд «Социология права». В 1921 г., когда над ним нависла угроза ареста, он уехал из России в Германию, где преподавал в Берлинском университете. Затем переехал в Чехословакию, куда в 1923 г. был приглашен профессором в Пражский университет, а затем стал членом Института русской экономики, возглавляемого проф. Прокоповичем. С 1928 г. Н.С. Тимашев жил во Франции, где преподавал в Славянском институте Сорбонны, Франко-русском институте в Париже. В эти годы вышли несколько его больших работ: «Право Советской России» (2 тома, Прага, 1924 г.), «Введение в изучение уголовно-судебного права» (Прага, 1925 г.), «Политическое и административное устройство СССР» (Париж, 1931 г.). С 1932 г. началось его сотрудничество с П.А. Сорокиным, который создал творческий коллектив для написания труда по социальной и культурной

²⁷ Сорокин, П. А. Дальняя дорога. – С. 239.

динамике. Работа, присланная Н.С. Тимашевым, была так высоко оценена П.А. Сорокиным, что в 1936 г. Тимашева пригласили в США, и до 1940 г. он читал лекции в Гарвардском университете. Потом он перешел в Фордэмский университет в Нью-Йорке, где создал отделение социологии и в течение 18 лет читал различные социологические курсы. В 1958 г. получил почетное звание заслуженного профессора. Кроме преподавания в Нью-Йорке, Н.С. Тимашев читал лекции в других городах США, а в 1955–1956 гг. преподавал на социологических курсах в Гронингском университете в Голландии²⁸. Все это свидетельствует о том, как много он сделал в качестве профессора-педагога для нескольких поколений русской, западноевропейской и американской учащейся молодежи.

Социологические работы ученого «Введение в социологию права» (1939), «Социологическая теория: ее природа и развитие» (1955–1957), «Общая социология» (1959), «Социология Луиджи Стурцо» (1962) получили восторженный отклик на страницах американских научных журналов и прессы. О его «Введении в социологию права» специалисты отзывались как о ценном вкладе не только в социологию, но в антропологию, этику, политические науки. Профессор Ч. Моргентау считал, что эта книга – не только введение в социологию права, но и общая социологическая теория права, вносящая много нового в различные отрасли общественных наук. «Социологическую теорию» Томашева один из американских социологических журналов («American Catholic Sociological Review») признал достойной «восторженного приема» в силу ее ясности, широкого охвата, уравновешенности, единства и четкости. Работа «Социология Луиджи Стурцо» была оценена как исследование, вышедшее из-под пера выдающегося социолога, конгениально представившего сложную социологическую и философскую мысль великого итальянского ученого и политика²⁹. Кроме того, и публицистическое наследие Н.С. Тимашева было весьма внушительно – более 2000 статей по общественным и политическим вопросам.

Живя в условиях эмиграции, ученый приложил все силы, чтобы быть в курсе тех событий, которые происходили на его родине,

²⁸ См.: Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия. – С. 162–163.

²⁹ Полторацкий, Н. П. Предисловие // На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965. – С. 4.

в России, судьба которой волновала его до последних дней жизни. По мнению профессора Дж. Шойера, социология Н.С. Тимашева – единственная в своем роде: «Тимашев не следует никакой традиции, не принадлежит ни к какой школе. Тем не менее, его огромный вклад в науку об обществе представляет собой последовательное единство, согласующееся с любой из существующих в развитии социологической теории лучших систем, но никогда не просто подражающее им»³⁰.

Н.С. Тимашев как социолог выработал особые методологические подходы, которые он не декларировал, но применял в своих научных работах, анализируя социальные процессы, происходящие не только в России, но и в мире. В основе этих методологических подходов лежали общие либерально-консервативные мировоззренческие позиции ученого.

Многосторонность подхода к социальной реальности. К анализу социальных процессов Тимашев подходил, вооруженный данными и критериями социологии, права, политической экономики, статистики, демографии, всеобщей и русской истории, политической философии, философии религии и истории церкви, философии культуры. Энциклопедичность познаний Н.С. Тимашева в социальных науках потрясала его коллег и студентов. Работая десятками лет в области данных наук, он проверял свой подход под углом зрения и этих отдельных дисциплин, и их совокупности в целом.

Необходимость учета всей сложности социальной жизни. Ученый отвергал прямолинейный подход к жизни общества, предложенный «старым эволюционизмом» (читай – позитивизмом). В действительности во всяком состоянии есть несколько возможностей, которые, становясь вероятностями, превращаются в тенденции общественного развития. Какие из этих тенденций осуществляются, а какие нет, предвидеть с абсолютной уверенностью нельзя. Все зависит от исхода «встречи» одних тенденций развития с другими тенденциями. Так, например, на вопрос, была ли революция в России неизбежна и необходима, Тимашев отвечал отрицательно, подкрепляя свой ответ точными доводами. Однако она все же произошла, и для ученого было ясно, что будущее России зависит от ряда колебательных, а отчасти прямолинейных процессов, которые происходят в российском обществе. Кроме того, ученый считал, что человеческой воле принадлежит большая роль, чем это допускается старой эволюцион-

³⁰ Шойер, Дж. Социология Н.С. Тимашева // Там же. – С. 25.

ной теорией. И только в этом смысле он говорил об ответственности каждого человека за то, что происходит³¹.

Анализ как положительных, так и отрицательных сторон того или иного социального процесса. В своих работах Н.С. Тимашев откровенно и мужественно говорил о том, что было положительным и что было отрицательным в дореволюционной России. И точно так же он говорил о коммунистическом строе, характеризуя его огромные недостатки, но отмечая и его несомненные заслуги, например ликвидацию неграмотности среди взрослого поколения русских людей. Будущее России, определял ученый, будет своеобразным синтезом «вечных начал», доставшихся от прошлого, и «жизненных элементов» постсоветского периода русской истории³².

Следование хронологии фактов и событий. Коллеги Н.С. Тимашева отмечали его «непоколебимое смирение» перед фактом, подчинение его мысли логике факта, а не абстрактной логике метафоры или «закрытой системы» мысли³³. Многие из опубликованных в США Н.С. Тимашевым исследований русских и советских дел передают факты почти со дня на день, с журналистской точностью. Он действительно вел хронику событий и лиц, имевших отношение к развитию России с 1917 г. до последних дней своей жизни. Эта хроника до сих пор не издана. Не случайно Государственный департамент США считал Тимашева одним из главных авторитетов по вопросам, касающимся СССР³⁴.

Следование логике развития социальной системы. Н.С. Тимашев считал, что общество и отдельные социальные системы самоопределяются с точки зрения их культурного и индивидуального элементов. Каждый из этих элементов в своих пределах способен изменяться. Причем данные изменения определяются не внешними факторами, а внутренними причинами, присущими культурному и индивидуальному элементам. В своих аналитических работах о России Н.С. Тимашев пользовался понятием «культура» индуктивно, соединяя логику понятия с конкретикой факта, для характеристики и анализа быстро развивающегося общества. В результате такого подхода ученый ощущал изменения не только в российском обществе и

³¹ Профессор Н.С. Тимашев о путях России // Там же. – С. 201–202.

³² См.: Там же. – С. 202–203.

³³ Шойер, Дж. Социология Н.С. Тимашева // Там же. – С. 26–27.

³⁴ См.: Там же. – С. 33.

в коммунистическом строе, но также и в манере их восприятия – на основании этих изменений.

Анализ социальных структур и их движущих сил как человеческих процессов, а не только как биологических и механических процессов. Для Тимашева было ясно, что эти процессы подлежат научному исследованию только потому, что они являются человеческими. Теоретики-классики О. Конт, Г. Спенсер, В. Парето, М. Вебер объясняли социальные явления при помощи какой-либо одной схемы, включавшей обычно единый образ или метафору, к которой сводились все научные определения и толкования социальных явлений. Изучая аналитические работы Тимашева, независимо от того, касаются ли они правовых систем, политических систем или целых обществ, как, например, Россия, Германия или Италия, можно убедиться, что автор проанализировал действительное течение изучаемого явления, а не просто какой-то стереотипный (биологический или механический) образ этого явления.

Использование всего богатства теорий и методов, добытых другими учеными. Для Н.С. Тимашева ни одна теория, ни один метод не были и не являлись никчемными. Каждая схема изучения человеческих поступков могла прибавить что-нибудь новое к общей сумме знаний и сделать будущее более ясным. Каждая теоретическая точка зрения (от социал-дарвинизма до неопозитивизма) заслуживает внимания, разбора, возможно даже подлежит испытанию опытом и неоднократной пробе. Но ни одной из них не предписывается просто подражать. Как отмечали ученики Н.С. Тимашева, одним из ведущих его принципов был такой: не следует тратить время и умственные силы на то, чтобы доказывать ошибки другого, но зато следует приложить все усилия к тому, чтобы собрать зерно и отбросить солому в умственном урожае каждого человека³⁵.

Учет действия «человеческого фактора» при анализе социальных процессов. Н.С. Тимашев отмечал, что сами меры, употребляемые исследователями, инструменты, «контрольные средства», сама система понятий, в рамках которой формулируются проблемы, предлагаются гипотезы, делаются выводы, даже личность самих ученых – все это изменяет (придавая им определенную структуру) изучаемые явления. Ученый подчеркивал, что обществовед «создает» свой собственный инструмент, свою вероятностную модель того, чего он хочет

³⁵ Фэйси, П. Н.С. Тимашев как учитель // Там же. – С. 36.

достичь. Кроме того, исследователь вскоре осознает, что, будучи человеком, он создал также – даже в форме модели – систему ценностей или норм, которые сами изменяют те самые явления, которые он хотел бы рассмотреть без этих ценностей и норм. В этом и заключается проблема измерения социальных процессов как человеческих поступков.

Пользуясь своими методологическими подходами, Н.С. Тимашев достиг необычайного успеха в анализе социальных процессов и систем. По единодушному отзыву не только коллег, но и оппонентов, в своих работах профессор Тимашев проявил такую силу анализа и систематизации, которая не имеет прецедента в этой области. Это признавал не только ученый мир, но и мир политиков. По словам П. Сорокина, этот культурный, политический и моральный «рыцарь без страха и упрека» был не только одним из выдающихся мировых ученых в области социологии и социальных наук, но и воспитателем студенческих поколений и человечества своего времени вообще³⁶.

Таким образом, П.А. Сорокин и Н.С. Тимашев, работая в европейских и американских университетах, разработали особую, русскую, модель социологического образования, вобравшую в себя наработки неопозитивизма с его верностью факту, реальным отношениям людей и соединившую с ним этическую компоненту – ответственность ученого за судьбу своей теории.

6.3. Опыт реализации русской модели в европейских и американских университетах

Модель социологического образования, разработанная социологами русского зарубежья, была успешно реализована ими в системе университетского образования в Европе и США.

Пристально следя за успехами коллег в русском зарубежье, в частности в Чехословакии, Н.И. Кареев писал, что своими успехами они во многом обязаны президенту Масарику – человеку «с широким философским кругозором и большим политическим талантом»³⁷. Действительно, основатель и первый президент Чехословацкого государства Т.Г. Масарик был мыслителем и политиком мирового

³⁶ Сорокин П.А. о Н.С. Тимашеве // Там же. – С. 13.

³⁷ Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – С. 212.

уровня. По мнению Н.П. Нарбута, для России фигура Масарика чрезвычайно важна потому, что в свое время он по праву считался знатоком «русского вопроса». «С самого начала своей научной карьеры он занимался “славянским вопросом”, русской литературой, философией и социологией, а также русским марксизмом в его ленинской интерпретации»³⁸.

Крупным учебным заведением в Праге был Русский юридический факультет. Учредителем его выступил Союз русских академических организаций, стремившийся к восстановлению юридического образования. Открытие факультета состоялось 18 мая 1922 г.³⁹ Русский юридический факультет был основан как частное высшее учебное заведение с уставом и программой, аналогичными юридическим факультетам дореволюционной России. Нововведениями в программе были курсы международного права, советского строя и дополнительные курсы – логика, психология, русская история, история экономических учений, экономическая география и др.⁴⁰

Для поступления на факультет необходимо было представить подлинник или официальную копию документа, удостоверяющего или окончание среднего учебного заведения, или обучение в одном из русских высших учебных заведений. Требовалось знание основ латинского языка, о чем надо было представить удостоверение или сдать коллоквиум. На факультет принимали всех желающих, без ограничения по национальности и подданству.

В этом учебном заведении преподавали выдающиеся ученые юридических факультетов Московского, Петроградского, Харьковского, Киевского и Ростовского университетов. Лекции по уголовному праву читал проф. С.К. Гогель; по государственному праву – проф. Н.Н. Алексеев; по общей теории права – проф. А.Н. Фатеев; по финансовому праву – А.А. Вилков; по гражданскому праву – проф. С.В. Завадский; по философии права – проф. П.И. Новгородцев. Кроме того, на факультете преподавали П.И. Георгиевский, Д.Д. Гримм, М.М. Катков, П.Б. Струве, А.А. Кизеветтер, Н.О. Лосский, А.В. Федоровский, Г.В. Флоровский, С.Н. Булгаков, Г.В. Вернадский. Таким образом, в работе факультета принимали участие

³⁸ Нарбут, Н. П. Социологические взгляды Т.Г. Масарика. – М., 2003. – С. 195.

³⁹ Студенческие годы (Прага). – 1922. – № 1 (июнь). – С. 23.

⁴⁰ Русские в Праге. 1918–1928. – Прага, 1928. – С. 84.

не только юристы, но и историки, философы, представители других гуманитарных наук. Деканом факультета с 1922 по 1924 г. был П.И. Новгородцев. На посту декана главную задачу своей деятельности он видел в том, чтобы «русские на чужбине остались русскими и чтобы они получили хорошее общее образование для подъема культурного уровня России после возвращения на Родину»⁴¹. Учебные занятия начались 16 октября 1922 г. сразу на четырех курсах. Если преподавательский корпус был сформирован, то учебников и учебных пособий катастрофически не хватало. При содействии профессоров студенты начали издавать тексты лекций. На факультете также велась активная научная работа: издавались научные труды по праву, философии, социально-экономической и политической истории России и Чехословакии. Выполнив свою просветительскую миссию, Русский юридический факультет был закрыт в 1929 г. За период существования факультета дипломы об окончании этого заведения получили 384 человека. К званию доцента были подготовлены 16 человек, активно готовились докторские диссертации⁴².

Наиболее долговременным русским высшим учебным заведением, просуществовавшим 16 лет, был Русский народный университет в Праге, торжественное открытие которого как чешско-русского просветительного учреждения состоялось осенью 1923 г. Учебная деятельность университета начиналась скромно – с устройства публичных лекций и организации курсов иностранных языков. В дальнейшем его деятельность была расширена.

На самом первом этапе в деятельности университета принял участие П.А. Сорокин. В своих воспоминаниях он писал: «Когда меня пригласили прочитать серию публичных лекций в Праге, я написал и затем издал эти лекции в виде книги “Современное состояние России” (Прага, 1922 г.). Готовя курс лекций для студентов Русского университета и для чешских и карпато-русских учителей, я написал и опубликовал другую книгу – “Очерки социальной педагогики и политики” (Ужгород, 1923 г.). Как редактор и автор журнала “Крестьянская Россия”, я напечатал несколько статей-исследований в области сельской социологии»⁴³. Трудно переоценить тот творчес-

⁴¹ Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945 гг. – Прага, 2008. – С. 170.

⁴² Русские в Праге. – С. 84, 87.

⁴³ Сорокин, П. А. Дальняя дорога. – С. 146–147.

кий заряд, который получили слушатели П.А. Сорокина, впервые познакомившись с той «интегральной системой философии, социологии, психологии, этики и личностных ценностей»⁴⁴, к которой ученый пришел во время вынужденной эмиграции.

С первых дней своего существования Русский народный университет находился под контролем Земгора, державшего финансы и пытавшегося с помощью управляющего делами университета П.Д. Климушкина вмешиваться в учебный процесс. Например, таким научным авторитетам, как акад. П.Б. Струве или проф. Н.О. Лосский, предложили читать лекции более популярно, делая их доступными для широкой публики⁴⁵. Неутомимая борьба проф. М.М. Новикова, неоднократно обращавшегося с просьбой о выведении университета из ведения Земгора в Министерство иностранных дел и Министерство народного просвещения ЧСР, только через два года увенчалась успехом. В 1925 г. университет стал независимым русско-чешским научно-просветительским центром, а в последствии был переименован в Русский свободный университет в Праге.

Ректором университета все годы был проф. М.М. Новиков. В управление университетом входили выдающиеся чешские деятели (знаменитый ботаник проф. Б. Немец, известный славист проф. Ю. Поливна) и представители русской науки и культуры – профессора Е.В. Спекторский, А.А. Кизеветтер, В.В. Лепешкин, Н.С. Тимашев⁴⁶.

Прототипом университета было решено сделать Московский городской народный университет им. А. Шанявского. По этому поводу М.М. Новиков отмечал: «Подобно тому, как в этом университете популяризаторская деятельность совмещалась с серьезной научно-исследовательской работой, мы также старались охватить все сферы и все степени науки и искусства»⁴⁷.

В университете было организовано пять отделений: общественных наук во главе с проф. Н.С. Тимашевым; историко-философское во главе с проф. А.А. Кизеветтером; естественных и прикладных наук во главе с проф. Н.М. Могиланским; по изучению Чехословакии во

⁴⁴ См.: Там же. – С. 150.

⁴⁵ Новиков, М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. – Нью-Йорк, 1952. – С. 336–337.

⁴⁶ Русские в Чехословакии. – Прага, 1929. – С. 96.

⁴⁷ Новиков, М. М. Указ. соч. – С. 339.

главе с проф. Ю.И. Поливной; курсы русского и иностранного языков во главе с проф. Е.И. Лацким. На первых четырех отделениях велась научно-просветительская работа. Их деятельность выражалась в организации научно-популярных лекций, в среднем около 50 в год. Они были систематизированы в небольшие тематические курсы по 6–8 часов. Примерно такое же количество учебных часов отводилось для занятий в семинариях и кружках, отличавшихся от лекций углубленным теоретическим (в семинариях) и прикладным (в кружках) характером. Под руководством преподавателей слушатели готовили доклады и участвовали в их обсуждении. Будучи социологом и работая в составе отделения общественных наук, проф. Н.С. Тимашев мог реализовать свои идеи в области социологического образования.

Вспоминая Н.С. Тимашева в эмиграции, современники отмечали его неординарные черты как человека и ученого: «Элегантная наружность, правильные черты красивого лица, сильный, мужественный голос; четкая речь. Это был поистине эффектный представитель наиболее образованной и культурной, широко мыслящей части сметенного революцией и коммунизмом русского дворянства»⁴⁸. Слушатели отмечали, что он «говорил по памяти, оперируя большим количеством фактов. За сдержанностью жестов скрывалась ровная, безотказная работа хорошо дисциплинированного и организованного ума. Поражало и то, насколько внимательно этот почтенный представитель старой России следил за всеми событиями и новейшими процессами в СССР»⁴⁹. Николай Сергеевич был ровен, прост, общителен со студентами и преподавателями, однако большей части из них потребовалось немало времени, чтобы оценить по достоинству его скупой, деловой и точный язык.

В состав Русского народного университета входило Философское общество (председатель – проф. И.И. Лапшин), имевшее свое правление и действующие семинары и кружки. По отделению общественных наук было организовано несколько семинариев: «Новое в нашей жизни» – руководитель проф. М.А. Циммерман; «Новое в экономической жизни» – руководитель проф. Д.И. Иванцов; общественно-экономический кружок – руководитель проф. В.Э. Бурнст;

⁴⁸ Памяти профессора Тимашева Н.С. // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965. – С. 187.

⁴⁹ См.: Там же.

кружок по изучению международных отношений – руководитель проф. М.А. Циммерман. По историко-философскому отделению были организованы: семинарий по изучению Достоевского – руководитель проф. А.Л. Бем; семинарий по изучению Толстого – руководитель проф. Е.И. Лацкий; кружок ревнителей русского слова – руководитель проф. С.В. Завадский; кружок по психологии творчества – руководитель проф. И.И. Лапшин. По отделению естественных и прикладных наук был организован семинарий по общим вопросам естествознания – руководитель проф. М.М. Новиков⁵⁰.

Научно-исследовательская работа велась в рамках Философского общества, а также в целом ряде специальных семинариев и кружков. Среди них: семинарии по геополитике и философии права (проф. А.Н. Фатеев); по истории экономического быта (проф. П.А. Остроухов); по русскому языку и литературе (А.Л. Бем), по изучению современной России (ряд руководителей по отдельным проблемам); по изучению мировой войны (генерал В.В. Чернавин), по изучению сельской России (К.Р. Кочаровский), по хозяйственному быту (проф. С.Н. Прокопович), по этнографии (проф. Н.М. Могилевский)⁵¹.

Обучение строилось по трем ступеням. Низшая ступень напоминала российские начальные школы и ставила цель искоренить неграмотность среди взрослых. Неграмотные казаки и крестьяне, проживавшие в Праге и ее окрестностях, были приглашены организаторами университета к обучению на бесплатных курсах. Вторая ступень – среднее образование – было представлено рядом курсов. Особый успех имели курсы иностранных языков, помогавшие многим русским эмигрантам приспособиться к новой жизни. Успехом пользовались и курсы русского языка для чехов. Кроме того, были образованы специальные курсы русского языка для чиновников МИДа и чешских студентов⁵². Практическая необходимость приводила к организации курсов счетоводов, торговой корреспонденции, стенографии, сестер милосердия. Как отмечал ректор М.М. Новиков, «переходной формой между средним и высшим уровнем образования были популярные лекции по различным отраслям знаний»⁵³,

⁵⁰ Русские в Чехословакии. – С. 96–98.

⁵¹ Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия. – С. 101.

⁵² Русские в Чехословакии. – С. 99.

⁵³ Новиков, М. М. Указ. соч. – С. 342.

которые (примерно 200 лекций в год) устраивались в различных городах Чехословакии. Кроме лекций, преподаватели университета организовывали вечера, на которых обсуждались наиболее интересные проблемы науки и искусства.

Помимо научно-просветительской и учебной деятельности, университет ставил цель «культурного сближения между чешским и русским народами». Университет выступил организатором исторических концертов (первой частью которых являлись лекции о каком-либо выдающемся русском композиторе, а второй – камерное исполнение его произведений); литературных вечеров, торжественных собраний по случаю знаменательных дат истории России или годовщины выдающихся русских людей. Ректор университета М.М. Новиков отмечал: «Таким образом, непрестанно удерживалась и крепилась духовная связь с нашей далекой родиной, с ее умершими и еще жившими тогда созидателями в области культуры. Забота деятелей Народного университета заключалась в том, чтобы питаться корнями своего отечества»⁵⁴. Согласно этой тенденции с января 1924 г. по январь 1930 г. в духе академической традиции организовывались празднования годовщин основания Московского университета.

В конце 1933 г. университет организовал два новых отделения. В это время он остался почти единственным русским научно-просветительским учреждением в Праге. По инициативе В.Ф. Булгакова, бывшего секретаря Л.Н. Толстого, университет выступил организатором Русского заграничного музея как хранилища и центра изучения истории культуры и быта русского зарубежья. Музей был открыт в замке Збраслав в пригороде Праги. В нем имелись отделения: художественное, архитектурное, истории эмиграции, русской старины с отделом автографов и фотографий. При музее была библиотека редких книг о России⁵⁵.

Вторым отделением было научно-исследовательское объединение, возникшее в 1933 г., «главная цель которого заключалась в усилении ученой деятельности университета, тем более, что лекционная работа к этому времени, в связи с рассеянием учащейся молодежи из Праги, ослабела»⁵⁶. Университет получил наименование «сво-

⁵⁴ Там же. – С. 342.

⁵⁵ Ковалевский, П. Е. Указ. соч. – С. 101.

⁵⁶ Новиков, М. М. Указ. соч. – С. 361.

бодный» и активно приступил к научной работе, так как включал в свои ряды большинство русских ученых, проживавших в Чехословакии. Вскоре стали выходить «Записки научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге». Было выпущено 6 томов «Записок» и 43 брошюры, которые составили продолжение тех пяти томов «Научных трудов университета», которые под общей редакцией М.М. Новикова выходили с 1928 г. на русском и иностранном языках.

После захвата Чехословакии нацистами университет был переименован в Русскую свободную академию, но, как писал его бывший ректор, «перестал быть тем, чем он прежде был»⁵⁷.

Помимо Праги, высшие учебные заведения были открыты в Париже, который нередко называли столицей эмиграции. Здесь было основано семь высших учебных заведений, которые принимали студентов из всей русской диаспоры. По официальному статусу и уровню преподавания на первом месте стояли русские отделения, открытые в 1921 г. на трех факультетах (юридическом, историко-филологическом и физико-математическом) Сорбонны. К преподаванию были привлечены больше 40 русских ученых, читавших лекции не только русским, но и французским студентам. Среди них на юридическом факультете – профессора Б.Э. Нольде (международное право), В.Н. Сперанский, П.П. Гронский (государственное право), В.Б. Эльяшевич (гражданское право), М.В. Бернацкий, А.М. Михельсон (финансовое право), Д.М. Одинец (история государственных учреждений), В.Д. Кузьмин-Караваев (уголовное право) и другие. На физико-математическом факультете – профессора Д.П. Рябушинский, С.Н. Виноградский, Э.Г. Когбетлианц и другие. На историко-филологическом факультете – профессора Н.К. Кульман (русская литература), А.В. Карташев (история русской церкви), М.Л. Гофман (пушкинист) и другие⁵⁸.

В 1925 г. был открыт Франко-русский институт (Высшая школа социальных, политических и юридических наук), дипломы которого были приравнены к дипломам французских факультетов. Председателем был известный французский социолог Гастон Жез, председателем совета профессоров – П.Н. Милюков. Этот институт, продолжая традицию первых лет эмиграции, ставил своей целью «подготовку

⁵⁷ Там же. – С. 363.

⁵⁸ Гуль, Р. Я унес Россию. Т. II. Россия во Франции. – М., 2001. – С. 103.

молодых кадров для общественной деятельности на родине». Однако этой цели не суждено было осуществиться, и со временем выпускники института «осели во Франции, став французами»⁵⁹.

Реализация русской модели социологического образования в США проходила в двух основных центрах: Гарвардском и Фордэмском университетах.

Большую часть своего времени и труда П. Сорокин отдал факультету социологии Гарвардского университета. 28 октября 1929 г. он был избран профессором социологии университета и начал преподавать с 1 сентября 1930 г. Созданную кафедру социологии включили в состав экономического факультета. Но уже в самом начале 1930/31 учебного года президент Лоуэлл назначил специальный комитет для организации нового факультета. Членами комитета стали Р. Кэбот, Т. Карвер, Р.Б. Пери, Х. Бербенк, А. Шлезингер, А.М. Тозэр, Э.Б. Вильсон, Дж. Блэк, Дж. Форд, Г. Оллпорт, представлявшие факультеты экономики, истории, психологии, антропологии, философии и социальной этики. Одним из обязательных условий организации данного факультета было требование, чтобы факультет был первоклассным и по составу преподавателей, и по учебным программам, и по своему исследовательскому потенциалу. Однако вначале набирать сотрудников П.А. Сорокину пришлось из числа гарвардского преподавательского состава, не приглашая никого из социологов со стороны. Это было весьма трудно, так как в Гарварде практически не было людей, получивших социологическую подготовку или работавших ранее преподавателями социологии. Еще одним условием было то, что новый факультет социологии должен был включить в свой состав факультет социальной этики. В своих воспоминаниях П.А. Сорокин писал, что самой большой уступкой, на которую пришлось идти при создании факультета, «являлся отказ от идеи создать социологический факультет как чисто аспирантское подразделение, открытое только для лучших выпускников. Я считал и считаю социологию самой сложной из всех психосоциальных наук»⁶⁰. Но по финансовым и другим практическим соображениям Гарвард не мог позволить себе такой «избранный» факультет. Комитет пришел к соглашению, что новое подразделение будет обучать как студентов первых четырех курсов, так и аспирантов, но оба от-

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Сорокин, П. А. Дальняя дорога. – С. 176.

деления станут принимать только самых лучших учащихся. Кроме П.А. Сорокина как президента факультета, в качестве постоянных сотрудников были рекомендованы: Р. Кэбот (полный профессор), Дж. Форд (ассоциированный профессор), Ч. Джослин и Т. Парсонс (факультетские инструкторы), П. Пигорз и У.Л. Уорнер (тьюторы)⁶¹. Вот в таком составе начал свою деятельность факультет социологии Гарварда, который официально был создан в начале 1931 г. и с сентября приступил к обучению студентов.

К занятиям в 1931/32 учебном году были допущены только самые лучшие студенты, что повлияло на качество будущих выпускников. В первые годы доля студентов, окончивших факультет с отличными оценками, была очень высокой. Но если по отношению к студентам не удалось сохранить привилегию «снятия сливок», то по отношению к аспирантам суровый отбор сохранялся всегда. Вот почему факультет социологии под руководством П.А. Сорокина выпустил большое число молодых лидеров американской социологической науки. В числе аспирантов, а затем и преподавателей факультета были Дж. Хоманс, Р. Мертон, А. Пирс, Ч. Тилли, Э. Тириахьян, Ч. Андерсон, К. Бергер и другие⁶².

В основу организации учебного процесса П. Сорокин положил свой опыт работы в Петербургском университете. Будущие профессионалы, считал профессор, должны быть высокообразованными людьми по всем социальным наукам. Поэтому в Гарварде была достигнута договоренность, что для студентов факультета социологии будут доступны курсы и семинары других факультетов по таким предметам, как криминология, социальная психология, статистика, философия, история (включая историю религии), политические науки, антропология, лингвистика, литература и искусство. Таким образом, базовые социологические предметы были дополнены многими дисциплинами, преподававшимися известными учеными на других факультетах⁶³.

От преподавателей социологических дисциплин П.А. Сорокин требовал всегда оставаться на научных позициях, приводя пример собственной деятельности в Петроградском университете. Так, он писал: «Мой курс социологии в университете был самым посеща-

⁶¹ См.: Там же.

⁶² См.: Там же. – С. 180.

⁶³ См.: Там же. – С. 176.

емым не потому, что я имел талант лектора, а по той причине, что социология теперь стала таким жизненно важным предметом... На лекциях я никогда не играл в политику, но приводил научные факты, независимо от того, подкрепляют они коммунистические теории или нет. Быть социологом в этих условиях – чертовски трудно, но я должен был оставаться честным социологом»⁶⁴.

Во второй и последующие годы работы факультета количество предлагаемых студентам курсов было увеличено за счет лекций и семинаров по социологии семьи, села, социальных изменений (проф. К.К. Циммерман), социологии религии (проф. А.Д. Нокк), социологии животных (проф. М. Вилер), по социологии права (проф. Н.С. Тимашев). К этим регулярным курсам лекций и семинарам впоследствии были добавлены предметы, которые вели профессора из других университетов, приглашенные на семестр, учебный год или летнюю сессию. За годы существования факультета его посетили такие заслуженные ученые, как К. Кейз, Ч. Эллвуд, Р. Парк, Э. Берджес, У.И. Томас, Ф.С. Чейпин, А. Кребер, Х. Беккер из американских университетов; Г. Келсен, Л. фон Визе, Р. Турнвальд из австрийских и немецких университетов; Г. Гурвич из Сорбонны⁶⁵. Курсы и семинары ведущих мировых ученых в своих областях знания обогатили программу факультета и сделали ее в высшей степени сбалансированной и качественной. «Руководимые в своей подготовке постоянными и временными преподавателями, студенты и аспиранты социологического факультета могли успешно изучать специальность и максимально развивать свои способности и пытливые умы», – писал П.А. Сорокин⁶⁶.

Работая в Америке со студентами, П. Сорокин подчеркивал сходство русской и американской психологии, указывал на откровенность, широту умственного кругозора, отношение к людям по достоинству и труду независимо от национальности. Поэтому принципы организации работы со студентами были также схожими. П. Сорокин подчеркивал: «Я никогда не заставлял студентов некритично принимать на веру мои личные теории, а, наоборот, неоднократно советовал им идти по пути независимого исследования и выработки собственных взглядов, безотносительно к тому, согласуются они или нет с моими

⁶⁴ См.: Там же. – С. 130.

⁶⁵ См.: Там же. – С. 181.

⁶⁶ Там же.

или любыми другими концептуальными схемами, методами и выводами. Правильность моего отношения и проводимой мной политики подтверждена последующим превращением этих студентов, научных сотрудников и инструкторов в крупных лидеров сегодняшней американской социологии, психосоциальных наук, образования и культуры»⁶⁷. П.А. Сорокин руководил факультетом социологии Гарвардского университета до 1942 г., т. е. 12 лет.

Отдел политических, философских и социальных наук был открыт в Фордэмском университете Нью-Йорка в 1929 г. На базе данного отдела велось преподавание нескольких дисциплин: социальной философии, политической науки, экономики и социологии. Каждая из дисциплин преподавалась студентам и аспирантам в такой форме, чтобы установить некоторые важные внутренние соотношения между науками. К моменту прихода в 1940 г в университет профессора Н.С. Тимашева отдел очень нуждался в междисциплинарном курсе о методах в социальных науках. Кандидатура Н.С. Тимашева, плодотворно до этого времени работавшего в Гарвардском университете, не вызвала ни у кого возражения. Однако профессор в силу характерной для него скромности сомневался, достаточны ли его познания в этой области. По мнению проф. Ф. Бервальда, «в нашем академическом мире он являлся редким примером универсальности знания, соединенной с терпением и скромностью»⁶⁸.

Придя в Фордэмский университет, Тимашев взялся не только за предложенный ему курс по методологии научного познания. Некоторое время он представлял в одном лице весь отдел социологии. Профессор читал студентам и аспирантам курсы по социологии права, этике, государству, по криминологии, о развитии социологических теорий, о войне и революции, о социальной динамике, о методологии в социологии, о расовых и этнических проблемах, о коммунистическом строе и идеологии. В каждой из названных областей он проявлял критическое знание соответствующей литературы, европейской и американской, старой и современной, предвосхитил многие новейшие тенденции развития современности. Как отмечали слушатели, основная роль в обучении социологии отводилась лекциям: «Каждая из них была всегда тщательно подготовлена. Он всегда точно рас-

⁶⁷ Там же. – С. 180.

⁶⁸ Бервальд, Ф. Н.С. Тимашев как коллега // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. – С. 43.

пределял время своих лекций. Так, чтобы достигнуть определенного пункта через полчаса, следующего, скажем, минут через пятнадцать. В результате – каждая лекция была законченным и настоящим целым. Свои лекции Тимашев читал чеканно и быстрым темпом; каждая из них была насыщена социологическим эмпирическим материалом»⁶⁹.

Вводя русскую модель социологического образования, Н.С. Тимашев отвергал парсоновскую школу как школу одного фактора, одной системы. Он утверждал, что «для изучения человеческого поведения ученый может создать не одну, а предельно возможное количество перспектив, основанных на логических или математических символах. В одном можно быть уверенным: до сих пор ни одна единичная перспектива, ни одна однородная логическая система мысли не оказалась вполне удовлетворительной в социальной науке»⁷⁰. Профессор Н.С. Тимашев достиг необычайного успеха в своем анализе социальных систем, благодаря тому что он пользовался целым рядом различных критериев и перспектив.

Воспоминания одного из аспирантов Тимашева очень хорошо раскрывают не только его профессиональные, но и человеческие черты. «В курсе о советском обществе нам ничего не было сказано о его дореволюционном общественном положении, ничего об ударе, нанесенном ему лично и его семье революцией, о его смелом и опасном беге со своей любимой родины. В этом курсе он нам представил обильные доказательства для отрицательной оценки революционных достижений, но не преминул упомянуть и положительные стороны. Все темы были разобраны академически спокойно, без враждебных чувств»⁷¹. Кстати, П. Фэйси после окончания аспирантуры остался в отделении социологии и долгое время работал под руководством Н.С. Тимашева как коллега.

Собственным научным примером профессор Н.С. Тимашев передал студентам и аспирантам не только частицу своего невероятно широкого и глубокого знания социологии, но подготовил не один выпуск социологов-профессионалов Фордэмского университета.

Таким образом, оказавшись за пределами Родины, русская интеллигенция предприняла гигантские усилия по созданию условий для

⁶⁹ Фэйси, П. Н.С. Тимашев как учитель // Там же. – С. 35–36.

⁷⁰ Шойер, Дж. Социология Н.С. Тимашева // Там же. – С. 26–27.

⁷¹ См.: Там же. – С. 37–38.

молодежи с целью продолжения ее образования. Надеясь в первое время на скорое возвращение, стремясь сохранить и преумножить русскую культуру, эмигранты, создавая учебные заведения по образу и подобию русских дореволюционных школ, вузов, стремились подготовить молодежь к будущему служению России. Этими же стремлениями жило и молодое поколение. Однако вскоре первоочередной задачей стала проблема адаптации к новым условиям, без иллюзий на возвращение. И в этих условиях «русская школа» стала менять свой характер и направленность. Она приобрела рационалистический характер, готова специалистов для тех стран, где оказались эмигранты. Многие высшие учебные заведения закрывались или превращались в научно-исследовательские центры. Первоначально щедрая помощь правительств ряда стран начала иссякать, и главным источником финансирования стала собственная коммерческая деятельность учебных заведений.

Русская модель социологического образования, разработанная профессорами П.А. Сорокиным и Н.С. Тимашевым, по-разному была востребована в европейских и американских университетах. В европейских университетах она была реализована как модель просветительского образования, одинаково необходимого для специалистов всех специальностей. В американских университетах она послужила образцом для подготовки специалистов-социологов.

Судьба русского зарубежья сложилась так, что данная модель социологического образования вскоре была адаптирована к местным условиям и со временем утратила исторические корни, став «американской» или «европейской», пока, по иронии судьбы, по прошествии десятилетий вновь была востребована Россией, возрождающей традиции социологического образования.

Институционализация социологического образования в советской России

7.1. Причины и истоки возрождения социологии

Положение социологической науки изменилось лишь в начале 1960-х годов. Как писал П.А. Сорокин в своих воспоминаниях, на пятом Всемирном конгрессе социологов в Вашингтоне в 1962 г. он встретился с делегацией советских социологов. «Наши встречи проходили дружески, а беседы носили весьма откровенный характер. "Хотя Ваши взгляды отличаются от наших по многим вопросам, мы, тем не менее, считаем Вас великим социологом. Многие из нас внимательно изучали ваши работы и высоко ценим их. Мы даже гордимся вашими достижениями, поскольку считаем вас русским социологом. Вам надо посетить Россию. Можете быть уверенным – вас там примут тепло и сердечно". Таково, примерно, было их мнение и отношение ко мне»¹.

Кстати, Питирима Александровича неоднократно приглашали посетить Россию приезжающие в США советские социологи. Вот как он пишет об этом: «Сходную реакцию на знакомство со мной я видел и у других русских ученых, с кем встречался в Гарварде и у себя дома в последние два года (имеется в виду период начала 60-х годов. – М. Б.). Какая перемена! До последних лет мои работы были запрещены в России. Сейчас, как говорили мне, главные мои труды можно найти в университетских и национальных библиотеках России, хотя они все еще доступны только коммунистам, профессорам и аспирантам. Когда, шутя, я упомянул, что ни одна из моих книг, которые переведены на все европейские и многие азиатские языки, к сожалению, не издана по-русски, они посоветовали мне не удивляться, если в ближайшем будущем одна или несколько моих книг выйдут в Советском Союзе»². Это ближайшее будущее оказалось отложенным на 30 лет. И первой широко тиражированной (60 000 экземпляров. – М. Б.) книгой Сорокина оказался сборник его

¹ Сорокин, П. Дальняя дорога. Автобиография. – М., 1992. – С. 226.

² Там же. – С. 226–227.

работ «Человек. Цивилизация. Общество», изданный Политиздатом в 1992 г. в серии «Мыслители XX века». В том же году в издательстве ТЕРРА вышла автобиография П. Сорокина «Дальняя дорога» (тираж 15 000 экземпляров. – М. Б.).

Не были заинтересованы в приезде Сорокина в Россию не только советские власти. Когда дело доходило до оформления официальных документов, все стопорилось «на самом верху» и с русской, и с американской стороны. Известно, например, что летом 1962 г. президент Всемирного совета мира Джон Бернал пригласил Сорокина на Всемирный конгресс «За всеобщее разоружение и мир» в Москву. Однако госсекретарь США Дин Раск, который, как и Джон Ф. Кеннеди, слушал лекции Сорокина в Гарварде, прислал ему официальное письмо с рекомендацией не принимать приглашения. По свидетельству сотрудника советского посольства в Вашингтоне, в 1963 г. повторилась та же история. Сорокины были очень расстроены, что не удастся перед смертью побывать на Родине³.

Последняя попытка поехать в СССР была предпринята Сорокиным незадолго до кончины, в 1967 г. Изъявив желание побывать на Родине, Питирим Александрович направил 4 января 1967 г. соответствующее письмо заместителю председателя Научного совета АН СССР по истории мировой культуры В.А. Карпушину. В письме он, в частности, подчеркнул: «Я все же надеюсь до моей кончины посетить мою родину и встретиться там с Вами и другими Советскими учеными. (Мне ведь уже 78 лет и организм начинает сдавать). Пока что сократил лекции, но продолжаю «марать бумагу» в форме статей и очерков. Если я могу быть полезным Вам и Русским ученым, дайте знать и, если смогу, буду рад сослужить службу»⁴.

Председатель Научного совета П.Ф. Юдин 3 февраля 1967 г. обратился за разрешением в Секретариат ЦК КПСС. В качестве доводов в пользу приглашения Юдин отмечал следующее: «Питирим Сорокин является самым крупным буржуазным социологом, работающим в области проблем культуры; он – влиятельная фигура в среде деятелей современной буржуазной философии и социологии... Учитывая популярность имени П. Сорокина в странах Запада, принимая

³ См.: Отчизна. – 1990. – № 3. – С. 43–47.

⁴ ЦХСД. – Ф. 5. – Оп. 59. – Д. 42. – Л. 1–4. Подлинник. Цит. по: Социология и власть: Сб. 1: Документы. 1953–1968 / Под ред. Л.Н. Москвичева и др. – М., 1997. – С. 92–93.

во внимание его антиамериканские настроения и особенно резкое осуждение им американской интервенции во Вьетнаме, было бы целесообразно положительно реагировать на желание П. Сорокина посетить СССР ... с двухнедельным визитом, в ходе которого можно было бы провести пресс-конференцию в Доме ученых с освещением ее результатов в журнале «Вопросы философии»⁵.

Однако партийные инстанции сочли нецелесообразным приглашение П. Сорокина в страну, причем даже без соответствующих разъяснений. Впрочем, вопрос о причинах отказа в определенной степени разъясняется из другого документа этого периода – записки Главного управления по охране государственных тайн от 15 мая 1967 г. о задержании книги П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия», направленной автором с дарственной надписью И.С. Кону. П. Юдин в обращении в Секретариат ЦК КПСС подчеркивал тот факт, что «на протяжении последнего десятилетия П. Сорокин воздерживался от каких-либо выпадов против СССР и мировой системы социализма, проявляя интерес к успехам своей родины, и следил за советской социологической литературой»⁶. Однако начальник Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР П. Романов, ссылаясь на перевод источника с английского языка, напротив, отмечал, что «на всем протяжении книги, особенно в тех случаях, когда автор касается Советского Союза, он допускает различные враждебные высказывания, искажает природу нашего общественного и государственного строя»⁷. Именно эти «искажения», судя по всему, не только привели к конфискации книги, но и повлияли на отрицательное решение вопроса о визите социолога в Россию. Среди упомянутых «искажений» можно выделить следующий пример: «На странице 224 советский строй характеризуется как «диктаторский», «тиранический», «невыносимый», ставится на одну доску с фашизмом; жизнь советского народа представлена как «апатичная покорность безжалостному подавлению»⁸. Конечно, сами по себе фразы не передают контекста, в котором они упомянуты, но для тогдашней власти уже даже одного этого примера хвати-

⁵ Там же. – С. 91.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 97.

⁸ Там же. – С. 98.

ло для определения нелояльной позиции «неистового Питирима». Выдающийся русский социолог умер в 1969 г. в Америке, так и не побывав перед смертью на родине. Однако изменения в отношении к социологии, которые в начале 1960-х годов вдохновили П.А. Со-рокина, действительно были.

Принятие Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» побудило АН СССР к конкретным действиям. В 1968 г. Отделу науки и учебных заведений ЦК КПСС было передано ходатайство об организации Института конкретных социальных исследований на базе Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР⁹. Разработка методологии, методики и техники конкретных исследований социологических проблем советского общества предполагалась силами новых кадров специалистов на основе исторического материализма. В связи с этим перед соответствующими организациями был поставлен вопрос о внесении изменений в номенклатуру специальностей научных работников с целью расширения подготовки кадров специалистов для проведения конкретных социальных исследований¹⁰. Конечно, речь шла о кадрах специалистов-социологов, а модель их подготовки должна была быть модернизирована для решения конкретных прикладных задач.

7.2. Модернизация марксистской модели социологического образования

Марксистская модель социологического образования, внедренная в российские вузы в 30–50-е годы XX в., имела четкую теоретическую направленность. Студенты всех специальностей должны были иметь подготовку по основам диалектического и исторического материализма в сталинском варианте их интерпретации. Подготовка специалистов-социологов в этот период не было, так как, во-первых, статус социологии как науки не был ясен, во-вторых, как следствие,

⁹ ЦХСД. – Ф. 4. – Оп. 20. – Д. 344. – Л. 62, 65–66, 67–68, 70–71, 73. Подлинники. Цит по: Социология и власть (как это было на самом деле) / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. – М., 2008. – С. 150–155.

¹⁰ Там же. – Д. 441. – Л. 72–76 // Там же. – С. 158–159.

государственного заказа на подготовку специалистов данного профиля не было.

В 1960-е г. ситуация стала меняться. Вопрос о статусе социологии как науки четко отражался в имевшихся источниках, литературе и учебно-методических пособиях. Не претендуя на полный охват всех изданий, вышедших в эти годы, можно выделить те из них, которые позволили решать конкретные вопросы социологического образования. Необходимо сразу оговориться, что в 1960–1970-е годы учебники по социологии отсутствовали, их функцию выполняли отдельные монографии и пособия. Кроме того, имевшаяся литература выходила по определенным нормативным требованиям. Цель их сводилась к тому, чтобы ознакомить научную общественность, преподавательский корпус, студентов, аспирантов с достижениями социологической теории и практики. Однако официального статуса учебного пособия эта литература не имела.

В начале 1960-х годов статус социологии как науки рассматривался в рамках ее марксистской интерпретации¹¹. Теоретические проблемы социологии изучались в рамках исторического материализма¹². И даже прикладные исследования в социологии опирались на марксистскую методологию¹³. Однако уже в конце 1960-х годов на страницах журнала «Вопросы философии» началась дискуссия о статусе марксистской социологии. В ней принимали участие Г.В. Осипов, А.М. Румянцев, В.А. Ядов¹⁴.

¹¹ См.: Рогожин, В. П. Введение в марксистскую социологию. – М., 1962.

¹² Константинов, Ф., Келле, Ж. Исторический материализм – марксистская социология // Коммунист. – 1965. – № 1; Чесноков, Д. И. Исторический материализм и социальные исследования. – М., 1967; Ковалев, А. М. Еще раз о социологии марксизма и научном коммунизме // Философские науки. – 1967. – № 1.

¹³ Кривонос, Ю. Т., Здравомыслов, А. Г., Петров, М. П. Труды В.И. Ленина – классический образец марксистского конкретного социологического исследования // Философские науки. – 1963. – № 2; Латин, Н. И. Роль конкретных социальных исследований в формировании марксизма // Маркс и социология. – М., 1968; Развитие В.И. Лениным марксистской методологии конкретных социальных исследований. – М., 1969.

¹⁴ Румянцев, А. М., Осипов, Г. В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. – 1968. – № 6; Ядов, В. А. К вопросу о марксистской социологии как науке // Философские науки. – 1968. – № 2.

Влияние официальной идеологии марксизма-ленинизма в этот период было еще очень велико¹⁵. Примером этого влияния может служить судьба «Лекций по социологии» (1968), прочитанных Ю.А. Левадой студентам факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Изучение этого источника помогает понять направление модернизации модели социологического образования¹⁶. Уже в первой лекции – «Предмет социологии» – автор достаточно четко определил специфику социологии. «Для нашей страны, для нашего общества социология – сравнительно необычная социальная дисциплина, которая ставит во главу угла экспериментальное, количественное, статистическое изучение общественной жизни... Она отличается, прежде всего (это отличие наиболее интересное и очевидное), резко выраженным эмпирическим подходом к изучению общества... Представление о социологии как об экспериментальном методе изучения общества в большой мере верно»¹⁷. Однако здесь же автор оговаривается, что сводить социологию только к этому было бы неправильно и бесполезно. Как и всякая наука, она должна включать три составные части: эмпирию, теорию и методологию. Вне этих трех моментов она перестает быть наукой. Казалось бы, что здесь нового? В полезности эмпирических социологических исследований к этому времени никто уже не сомневался. Дело в том, что в лекциях Ю.А. Левады ни слова не было сказано, что социология в своих исследованиях должна руководствоваться марксистско-ленинской теорией и методологией. Более того, автор подчеркивал, что в любом исследовании необходима социологическая теория: «...именно социологическая, потому что данные теории философской или экономической, очень важные и полезные, часто оказываются недостаточными для объяснения, почему, например, в одной области страны движение преступности идет по другой кривой, чем в соседней области. Никакие общепсихологические закономерности здесь не действуют»¹⁸. И это сказано в то время, когда писались книги и защищались диссертации по марксистской теории и методологии конкретных социальных исследований.

¹⁵ Константинов, Ф. В. Социология и идеология // Социология и идеология. – М., 1969.

¹⁶ Левада, Ю. А. Лекции по социологии; Семенов Ю.Н. Киноискусство и массовая аудитория. – М., 2008. – 386 с.

¹⁷ Там же. – С. 13.

¹⁸ Там же. – С. 14–15.

Еще один пример из этой же лекции: «У нас нет единого ключа, при помощи которого можно сразу открыть все механизмы общественной жизни, единого принципа, из которого их нужно вывести». И далее: «Существует, конечно, проверенный философский принцип примата общественного бытия по отношению к общественному сознанию, но для нужд анализа механизма общественной жизни этого недостаточно, т. к. то, что подтверждается в масштабе огромных социальных пространств, не всегда подтверждается в рамках отдельно взятой социальной ситуации»¹⁹. Таким образом, «беда» ученого состояла в том, что он невольно опередил время, утверждая, что социология не только по своим методам, но и по содержанию должна иметь статус самостоятельной науки, т. е. не выступать, говоря словами Н.И. Кареева, ни с какой общественно-ведческой окраской (философской, экономической, юридической).

Но Ю.А. Левада был «обвинен». Причем, «вина» автора была конкретно сформулирована – «насаждение буржуазных теоретических концепций и взглядов»²⁰. Имелись ли основания для этого? Да, если называть «насаждением» упоминание западных социологов, философов, политологов, психологов, не разделявших теоретические позиции К. Маркса и Ф. Энгельса. В первой лекции предмет социологии был сформулирован так: «Социология – это эмпирическая социальная дисциплина, изучающая общественные системы в их функционировании и развитии»²¹. Основными понятиями данного определения были «система», «функционирование». Это, в частности, послужило основанием для профессора Ц.А. Степаняна (при обсуждении книги в АОН ЦК КПСС) заявить: «“Лекции по социологии” Ю.А. Левады – не что иное, как концепт теорий Парсонса»²². Кстати, американские социологи Т. Парсонс и Р. Мертон были упомянуты в тексте только однажды – в связи с таким направлением мировой социологии, как структурно-функциональный анализ²³. Во

¹⁹ Там же. – С. 19–20.

²⁰ Осипов, Г. В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 16.

²¹ Левада, Ю. А. Лекции по социологии; Семенов Ю. Н. Киноискусство и массовая аудитория. – С. 15.

²² Осипов, Г. В. Время, исследуемое на все времена / Предисловие к кн.: Левада, Ю. А. Лекции по социологии; Семенов, Ю. Н. Киноискусство и массовая аудитория. – С. 8.

²³ Левада, Ю. А. Лекции по социологии. – С. 34.

второй лекции, разбирая особенности социологической точки зрения на мир, автор прямо заявил, что считает удачным «выражение американского социолога Райта Миллса “социологическое воображение”, специфика которого состоит в том, что все явления оно старается привести к некоторому общему знаменателю»²⁴. В третьей лекции «Общество как система» Ю.А. Левада приводит точки зрения американского психолога Дж. Миллера и создателя кибернетики Н. Винера²⁵. В пятой лекции «Социальная структура и социальная группа» ученый оценил как хорошее исследование об элите в современном американском обществе книгу социолога Р. Миллса «Властвующая элита»²⁶. В седьмой лекции «Социальная структура и группы. Малая группа» говорил о вкладе в разработку данной проблематики американских исследователей Ч. Кули, Э. Мейо, Ч. Хоманса-Морено²⁷. В восьмой лекции «Социальная структура личности» автор кратко изложил концепцию личности «запрещенного» З. Фрейда²⁸. В одиннадцатой лекции «Ориентация личности» автор привел типологию ориентации человека американского социолога Дж. Олпорта, отметил вклад Томаса и Знанецкого в разработку типологии «четырёх желаний», которые движут людьми²⁹, и др. Впервые неискнутому читателю (прежде всего студентам) открылся «мир социологии», вынесенный автором за рамки цитирования произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Но настоящее потрясение ожидало читателей в самом конце книги: оказывается, этот «мир социологии» един. Приведем последний абзац полностью: «Американские и наши исследователи исходят из различных уровней и типов развития общества, из разных предпосылок. В одном случае задачи чисто практические – как добиться, чтобы рабочий больше производил, в другом случае – гуманитарная предпосылка – как добиться перехода к новому типу производственных отношений. И в ходе исследования те и другие приходят к выводу о том, что необходимо рассматривать цельного человека: не только рабочие его функции, но и человеческие, т. е. функции человека в обществе. Это один из самых важных выводов

²⁴ Там же. – С. 29.

²⁵ Там же. – С. 44.

²⁶ См.: Там же. – С. 72–73.

²⁷ См.: Там же. – С. 96–100.

²⁸ См.: Там же. – С. 110–112.

²⁹ Там же. – С. 143–144.

социологии на сегодняшний день»³⁰. Оценка этого вывода со стороны власти последовала немедленно. В записке МК КПСС об ошибках идейно-теоретического характера «Лекций по социологии» Ю.А. Левады (от 4 апреля 1970 г.) было отмечено: «Лекции не базируются на основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии – историческом и диалектическом материализме. В них отсутствует классовый, партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности... отсутствует критика буржуазных социологических теорий. ...Тов. Левада Ю.А. освобожден от работы по совместительству в Московском государственном университете и лишен звания профессора»³¹.

Ирония ситуации состояла в том, что властью была к тому времени проделана значительная работа по признанию статуса социологии как прикладной науки, принятом во всем мире, но отделять ее от исторического материализма было еще рано. В аналитической записке Главной редакции общественно-политической литературы «О литературе по конкретно-социологическим исследованиям» (от 9 августа 1967 г.) категорически подчеркивалось: «Попытки ряда теоретических работников создать какую-то особую, “новую” социологическую науку, отличную от исторического материализма, представляются беспочвенными, наваянными современной буржуазной социологией»³².

Несмотря на этот факт, в 1960-е годы постепенно начинается кропотливая работа по признанию социологии самостоятельной научной и учебной дисциплиной. Выходят работы, посвященные отдельным методам и методологии социологических исследований. Среди них – статьи, вошедшие в сборник 1968 г. «Проблемы научного коммунизма»³³; исследования А.Г. Здравомыслова, Р.В. Рывкиной и других авторов по конкретным методам, методике и методологии социоло-

³⁰ Там же. – С. 211.

³¹ ЦХСД. – Ф. 5. – Оп. 62. – Д. 67. – Л. 16–17. Подлинник. Цит. по: Социология и власть: Сб. 1: Документы. 1953–1968 / Под ред. Л.Н. Москвичева и др. – М., 1997. – С. 204.

³² Там же. – Оп. 59. – Д. 42. – Л. 86–111. Подлинник // Там же. – С. 147.

³³ Водзинская, В. В. Опрос как метод конкретного социологического исследования // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968; Римащевская, Н. М. Метод моментных наблюдений в конкретных социологических исследованиях // Там же; Свенцицкий, А. Л. Метод интервью в конкретных социологических исследованиях // Там же.

гического исследования³⁴. В литературе 1960-х годов следует назвать статью Федосеева П.Н. и двухтомник «Социология в СССР»³⁵, подводящие итог развитию социологии в предшествующие годы.

1970-е годы были отмечены противоречивыми тенденциями, заложенными в 1960-е. С одной стороны, продолжалось издание работ, подчеркивавших потенциал развития теоретической социологии в методологических рамках исторического материализма³⁶. С другой стороны, нарастало недовольство профессионалов развитием социологии в рамках исторического материализма. Так, например, в коллективном письме сотрудников гуманитарных институтов АН СССР секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову о недостатках в работе Института конкретных социальных исследований (13 января 1972 г.) отмечалось: «Ведущие сотрудники ИКСИ отрицают исторический материализм как основу для социальных исследований»³⁷. Уйти от «философских рамок» социологии в какой-то степени помогла реальная ситуация, связанная с необходимостью изучения проблем социалистического общества. В 1970-е годы появляются работы, сопоставляющие марксистскую социологию и теорию научного коммунизма³⁸. Вообще на эти годы пришлось большое количество исследований по теории научного

³⁴ Здравомыслов, А. Г. Методология и процедура социологических исследований. – М., 1969; Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. – М., 1968; Рывкина, Р. В., Винокур, А. В. Социальный эксперимент. – Новосибирск, 1968.

³⁵ Федосеев, П. Н. Развитие социологических исследований в СССР // Проблемы научного коммунизма. – Вып. 2. Социология в СССР: В 2 т. – М., 1966.

³⁶ Глезерман, Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. – М., 1973; Глезерман, Г., Келле, Ж., Пилипенко, Н. Исторический материализм – теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. – 1971. – № 4; Караваев, Г. Исторический материализм – метод познания общественных явлений. – М., 1973; Лармин, О. В. Исторический материализм и социология // Исторический материализм как наука. – М., 1974; Чесноков, Д. И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. – М., 1973; Ильичев, Л. Ф. О методологической функции исторического материализма // Вопросы философии. – 1977. – № 6.

³⁷ РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 64. – Д. 106. Л. 2, 3, 5–6, 7–8. Подлинник // Социология и власть: Сб. 1: Документы. 1953–1968. – М., 1997. – С. 231.

³⁸ Ельмеев, В. Я. Научный коммунизм и специальные социологические теории // Вестник Московского университета. – Сер. «Теория научного комму-

коммунизма³⁹. Этот факт, с одной стороны, объяснялся тем, что в 1970 г. в стране отмечалось 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Известно, что в своей знаменитой работе «Три источника, три составные части марксизма» Ленин наряду с диалектическим и историческим материализмом выделял научный коммунизм. С другой стороны, в этом проявился заявленный партией курс на «возрастание роли общественных наук в коммунистическом строительстве». Складывалось впечатление, что теория социологии начала все больше подменяться не столько историческим материализмом, сколько научным коммунизмом.

Следует особо подчеркнуть, что большинство социологических работ этого периода были посвящены конкретным проблемам прикладной социологии⁴⁰. Появились первые учебно-методические пособия, позволявшие ввести прикладную модель для социологического образования студентов вузов⁴¹. Особый вклад в формирование

низма». – 1974. – № 1; Ковалев, А. М. Исторический материализм и научный коммунизм // Исторический материализм как наука. – М., 1974; Угринович, Д. М. О структуре марксистской социологической теории // О структуре марксистской социологической теории. – М., 1970.

³⁹ Васильева, М. А. О характере законов научного коммунизма. – М., 1979; Гончаров, В. П. Законы научного коммунизма и их классификация. – М., 1979; Ионов, К. К. вопросу о предмете научного коммунизма // Коммунист. – 1979. – № 16; Князев, Б. В., Куфтырев, А. И. Методологические основы предмета научного коммунизма. – М., 1971; Ковалев, А. М. Некоторые актуальные проблемы теории научного коммунизма. – М., 1979; Козиков, И. А. Метод научного коммунизма. – М., 1974; Косичев, А. Д. Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма // Научный коммунизм. – 1975. – № 3; Тадевосян, Э. В. Научный коммунизм – социально-политическая теория марксизма. – М., 1977; Тер-Вартанов, Э. Р. Формирование содержания и определения научного коммунизма. – Ереван, 1974; Трубицин, О. Н. Методологические проблемы научного коммунизма // Вопросы философии. – 1971. – № 8.

⁴⁰ Методологические проблемы социологических исследований. – М., 1979; Михайлов, С. Эмпирическое социологическое исследование. – М., 1975; Слепиков, И. М. Методологические принципы и методика конкретно-социологического исследования. – М., 1974; Ядов, В. А. Социологические исследования. – М., 1972.

⁴¹ Лекции по методике конкретных социальных исследований. – М., 1972; Осипов, Г. В., Андреев, Э. Н. Методы измерения в социологии. – М., 1977; Рабо-

нового учебно-методического профиля социологического образования внесла «Рабочая книга социолога», сформировавшая не одно поколение будущих социологов.

Стремление ограничить социологическое образование студентов только прикладными аспектами было вызвано потребностью отделить социологию от теории исторического материализма и научного коммунизма, а это было возможно только на пути обоснования ее специфических подходов к изучению общества. Попытки такого обоснования специфики социологии предпринимались в научной литературе на всем протяжении 1970-х годов⁴². Системный подход, уникальные процедуры обработки социальной информации за счет применения математических методов и ЭВМ – все это было призвано подчеркнуть самостоятельность, независимость социологии от других социальных наук. Своеобразный итог 1970-х годов подвела книга Г.В. Осипова «Теория и практика социологических исследований в СССР», а также двухтомник «Социология и современность»⁴³.

1980-е годы, продолжая тенденцию 1970-х, открылись дискуссией о предмете социологии, развернутой на страницах журнала «Социологические исследования»⁴⁴. В дискуссии приняли участие

чая книга социолога. – М., 1976; Вопросы методики и техники социологических исследований. – М., 1975; Ядов, В. А. Социологическое исследование. Методология. Программы. Методы. – М., 1973.

⁴² Блауберг, И. В., Юдин, Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973; Ляпунов, А. А. В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы? // Системные исследования. – М., 1972; Анализ социологической информации с применением ЭВМ / Отв. ред. В.И. Молчанов. – М., 1976; Докторов, Б. З. О надежности измерения в социологическом исследовании. – Л., 1979; Процесс социального исследования. – М., 1975; Рачков, П. А. Место специальных социологических теорий (Материалы дискуссии). – М., 1970; Саганенко, Г. И. Социологическая информация. – Л., 1979; Человек как объект социологического исследования / Ред. Л.И. Спиридонов. – Л., 1977; Воробьев, Н. А. Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования. – Барнаул, 1974.

⁴³ Осипов, Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. – М., 1979; Социология и современность. – Т. 1–2. – М., 1977.

⁴⁴ Аитов, Н. А. Предмет и структура социологической науки // Социологические исследования. – 1981. – № 1; Козлов, А. Д. Предмет и структура социологической науки // Там же; Осипов, Г. В. Предмет и структура социологической науки // Там же; Харчев, А. Г. Предмет и структура социологической науки // Там же. – № 2.

Н.А. Аитов, А.Д. Козлов, Г.В. Осипов, Ю.К. Плетников, А.Г. Харчев. Эта дискуссия, с одной стороны, была вызвана общим социальным заказом на развитие общественных наук⁴⁵. С другой стороны, она привела к новым исследованиям по социологии как самостоятельной общественной науке⁴⁶. В роли учебных пособий, вышедших в начале 1980-х годов, выступали «Основы марксистско-ленинской социологии» (под редакцией Г.В. Осипова) и монография Слепенкова И.М. «Научный коммунизм и конкретные социологические исследования»⁴⁷.

Считается, что первым официальным учебником по социологии (в ее марксистской интерпретации) следует считать книгу «Марксистско-ленинская социология» (под редакцией Н.И. Дряхлова, Б.В. Князева, В.Я. Нечаева), выпущенную в Москве в 1989 г. Эта книга имела гриф, т. е. была допущена Госкомитетом СССР по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Философия» и «Прикладная социология». Однако ни в данном учебнике, ни в тех учебных материалах, которые были изданы в начале 1980-х годов, авторы не подняли проблему признания социологии самостоятельной наукой, не связанной с особым «покровительством» исторического материализма и научного коммунизма. Надежды на возможность иного положения дел дала перестройка.

логической науки // Там же; Осипов Г.В. Предмет и структура социологической науки // Там же; Плетников, Ю. К. Предмет и структура социологической науки // Там же; Харчев, А. Г. Предмет и структура социологической науки // Там же. – № 2.

⁴⁵ Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи // Коммунист. – 1980. – № 13; Федосеев, П. Н. Повышать теоретический уровень и практическую эффективность общественных наук // Социологические исследования. – 1981. – № 3.

⁴⁶ Математические методы в социологических исследованиях. – М., 1981; Цыба, В. Т. Математико-статистические основы социологических исследований. – М., 1981; Козлов, Д. Ф. Структура и функции социологической теории. – М., 1984.

⁴⁷ Основы марксистско-ленинской социологии / Под ред. Г.В. Осипова. – М., 1980; Слепенков, И. М. Научный коммунизм и конкретные социологические исследования (Методологические и методические вопросы). – М., 1984.

Таким образом, в указанной период произошла модернизация марксистской модели социологического образования в плане усиления ее прикладных аспектов, связанных с необходимостью решения конкретных проблем совершенствования социалистического общества. Вместе с тем теоретической основой социологии оставались исторический материализм и научный коммунизм.

7.3. Опыт реализации марксистской модели в российских университетах

В 1960–1980-е годы в вузах продолжалось обучение теории марксизма-ленинизма. Это соответствовало положениям Программы КПСС и Конституции СССР о том, что «советская система образования создана для народа и служит великим идеалам коммунизма». Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в речи на Всесоюзном слете студентов 19 октября 1971 г. отмечал: «Советский специалист сегодня – это человек, который хорошо овладел основами марксистско-ленинского учения, ясно видит политические цели партии и страны, имеет широкую научную и практическую подготовку, в совершенстве владеет своей специальностью»⁴⁸. Партия ставила перед вузами задачи марксистско-ленинского образования и коммунистического воспитания студенчества, их реализацией занимались в первую очередь кафедры общественных наук.

В 1960–1980-х годах в Московском государственном историко-архивном институте продолжала работать кафедра марксизма-ленинизма, обеспечивавшая, как свидетельствуют документы, «идейно-политическое воздействие на студентов, формирование их марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистической убежденности и нравственности через учебный процесс, через лекции и семинары»⁴⁹. Важное место в подготовке профессионалов всех специальностей отводилось изучению марксистско-ленинской теории. К 100-летию юбилею В.И. Ленина в лекционных курсах

⁴⁸ Брежнев, Л. И. Ленинским курсом. – М., 1973. – Т. 3. – С. 429.

⁴⁹ См.: Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт (1930–1980): Сборник документов и материалов. – Пермь, 1984. – Док. № 93: Навстречу Ленинскому юбилею. Из справки о выполнении социалистических обязательств (14 мая 1970 г.). – С. 208.

и семинарах была усилена ленинская тематика. Например, по источниковедению истории СССР были введены лекции о работе В.И. Ленина над источниками. По курсу исторической библиографии была прочитана лекция «В.И. Ленин как библиограф»⁵⁰. Были разработаны новые курсы и спецкурсы, связанные с ленинской тематикой. Например, «Вопросы научного коммунизма в трудах В.И. Ленина» (проф. Д.И. Надточеев), «В.И. Ленин и историческая наука» (проф. Н.Н. Яковлев). В 1977 г. по кафедре марксизма-ленинизма было защищено 19 дипломных работ, в которых была отражена плодотворная работа студентов над актуальными вопросами марксистско-ленинской теории⁵¹. В своем выступлении в 1981 г. на торжественном заседании преподавателей и сотрудников, посвященном вручению Московскому государственному историко-архивному институту ордена «Знак Почета», ректор профессор Н.П. Красавченко отмечал: «МГИАИ ныне – единственный в стране и мире гуманитарный университетского типа вуз, готовящий специалистов широкого профиля на базе всестороннего изучения марксистско-ленинской теории, исторических наук, комплекса архивоведческих и документоведческих дисциплин»⁵².

Однако с 1960-х годов в некоторых российских вузах наряду с марксистско-ленинским стало даваться собственно социологическое образование в виде отдельных курсов и спецкурсов, а в научном сообществе началась дискуссия о необходимости получения социологического образования студентами всех специальностей. Такая постановка вопроса отвечала традициям российского социологического образования.

В 1960–1970-е годы дискуссионным оказался и вопрос о содержании социологических курсов: как преподавать социологические знания в рамках исторического материализма и научного коммунизма. Одна из точек зрения по данному вопросу принадлежала профессору МГУ И.М. Слепенкову. В своем учебнике он писал: «Конкретные социологические исследования, основанные на фундаменте марксистско-ленинской теории и выполняемые в русле

⁵⁰ См.: Там же. – С. 210–211.

⁵¹ См.: Там же. – Док. № 121: Дипломные работы студентов. Из доклада доцента В.А. Муравьева на заседании Ученого совета МГИАИ 23 декабря 1977 г. – С. 255–256.

⁵² См.: Там же. – Док. № 134. – С. 287–288.

научного коммунизма, прочно входят в нашу действительность, приобретают все большее значение в решении производственно-экономических, социально-политических, духовно-идеологических и других общественных задач»⁵³. Большинство же социологов склонялось к необходимости конкретизировать предмет социологии.

Реально в 1970–1980 гг. наука социология преподавалась через специальные социологические теории. Появление и развитие отраслевых социологий (социологии молодежи, социологии образования, социологии труда, социологии семьи, социологии организаций и пр.) давало реальную возможность говорить со студентами на социологическом языке, не используя категории исторического материализма и научного коммунизма.

Развитию различных форм непосредственно преподавательской деятельности предшествовало открытие социологических отделов и лабораторий при академических институтах и учебных вузах. Так, например, в 1960 г. на философском факультете МГУ была создана межфакультетская социологическая лаборатория под руководством Р.И. Косолапова. Там же в 1968 г. открылась кафедра методики конкретных социальных исследований. Организатором и первым заведующим кафедрой была профессор Г.М. Андреева. Начиная с 1968 г. подготовка философов по курсу социологических дисциплин в университете велась факультативно – в форме спецкурсов и спецсеминаров⁵⁴.

Аналогичный процесс факультативного чтения отдельных курсов социологии студентам философских, исторических, юридических, экономических специальностей происходил в то время и в других российских университетах. Так, например, в Ленинградском, Казанском, Рижском, Тбилисском и Уральском государственных университетах отдельные социологические курсы читались студентам-философам. В Уральском университете в 1970–1972 гг. трижды был произведен выпуск студентов по специальности «Исторический материализм и конкретные социологические исследования». В Томском государственном университете социологические курсы читались юристам. В Новосибирском государственном универ-

⁵³ Слепенков, И. М. Научный коммунизм и конкретные социологические исследования (Методологические и методические вопросы). – М., 1984. – С. 5.

⁵⁴ Добренков, В. И., Зборовский, Г. Е., Нечаев, В. Я. Социологическое образование в России. – М., 2003. – С. 46.

ситете – экономистам. В Иркутском государственном университете – историкам. Выбор профиля специальности определялся тем факультетом, на котором работал преподаватель, взявший на себя личную инициативу познакомить студентов с социологической проблематикой. По сути, повторилась та ситуация, о которой писал еще в 1907 г. Н.И. Кареев: «Если в одних местах социология преподается на одном факультете, в других – на другом, то это зависит от чисто случайных причин, смотря по тому, где какой профессор брал на себя инициативу»⁵⁵. Кстати, из числа студентов, которым читались социологические курсы, и сформировался впоследствии первый корпус преподавателей социологии.

В это же время в ряде экономических вузов были введены солидные курсы по социологии для экономистов. Тем самым были созданы предпосылки для обучения студентов специальности «экономист-социолог» (Московский инженерно-экономический институт, Ленинградский финансово-экономический институт)⁵⁶. К этому времени был накоплен и значительный опыт по чтению обязательных и факультативных курсов по социологии, учитывавших специальность студентов, в технических, экономических, педагогических и других вузах и факультетах.

В 1960-е годы можно говорить о социологическом просвещении в среде партийных работников. В ряде вечерних университетов марксизма-ленинизма были созданы социологические факультеты (Москва, Харьков, Пермь, Свердловск, Уфа и др.)⁵⁷. На этих факультетах советский партийный и хозяйственный актив постигал основы социологии для научного руководства развитием общества. В будущем этот актив стал поставщиком социальных заказов для существовавших и вновь создававшихся социологических отделов и лабораторий. Кроме того, полученные социологические знания партийный и хозяйственный актив сразу же использовал на практике, проводя социологические исследования, с одной стороны, эффективности массовых форм идеологической

⁵⁵ Кареев, Н. И. Введение в изучение социологии. 2-е изд. СПб., 1907 // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997. – С. 40.

⁵⁶ РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 201. – Л. 7–10. Цит. по: Социология и власть (как это было на самом деле) / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. – М., 2008. – С. 254.

⁵⁷ См.: Там же.

пропаганды⁵⁸, а с другой стороны, опыта работы конкретных партийных организаций⁵⁹.

В некоторых вузах социологов готовили на факультетах общественных профессий (Харьковский университет, Саратовский политехнический институт). В Москве, Ленинграде, Свердловске, ряде других городов работали школы заводских социологов. Эти школы готовили социологов для решения вопросов улучшения социального планирования на сотнях предприятий промышленности, строительства, транспорта⁶⁰.

С начала 1970-х годов число социологических лабораторий и секторов в вузах увеличилось в четыре раза и достигло к 1977 г. двухсот. Вузовская социология, занимаясь прикладными исследованиями, выполняла значительный объем работ по конкретным заказам предприятий и других организаций. К 1976 г. в области прикладной социологии было занято почти 900 научных и научно-педагогических работников, из них 20 докторов и более 240 кандидатов наук⁶¹.

Все это создавало условия для внесения серьезных изменений в организацию социологического образования в стране. В принятом 24 октября 1972 г. постановлении бюро Отделения философии и права АН СССР «О развитии социологического образования в СССР» отмечалось: «Марксистская социология – это, прежде всего, общая теоретическая социология, исторический материализм. На

⁵⁸ Макаров, А. С., Смольков, В. Г. Опыт конкретного социологического анализа массовых форм идеологической работы // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968; Макеева, П. Г. Конкретные социологические исследования партийной пропаганды // Там же.

⁵⁹ Смирнов, В. А. Проведение конкретных социологических исследований в Горьковской городской партийной организации // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968; Сызранцев, В. Т. О конкретных социологических исследованиях в партийно-идеологической работе (на материалах исследований, проведенных в Узбекской ССР) // Там же; Тайбинский, С. Т. Конкретные социологические исследования в Татарской партийной организации // Там же; Хаблюк, В. П. Использование конкретных социологических исследований в партийной пропаганде (из опыта работы Краснодарской краевой партийной организации) // Там же.

⁶⁰ РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 201. – Л. 7–10. Цит. по: Социология и власть (как это было на самом деле). – С. 254.

⁶¹ Добренчиков, В. И., Зборовский, Г. Е., Нечаев, В. Я. Указ. соч. – С. 47.

этой мировоззренческой и методологической основе возможно плодотворное развитие частных социологических теорий, изучающих отдельные стороны общественной жизни (социология труда, семьи, образования и т. п.) и прикладных (конкретных, эмпирических) социологических исследований. Значение последних для дальнейшего развития теории и для решения практических насущных задач возрастает. ... Назрело создание системы подготовки социологических кадров с высшим образованием, сочетающих глубокое знание марксистско-ленинской теории и современных методов прикладных исследований⁶².

В целях подготовки «социологов – специалистов по историческому материализму и теории научного коммунизма, владеющих методикой и техникой прикладных исследований», на философских факультетах и отделениях научного коммунизма ряда университетов было решено ввести специализацию по прикладной социологии. Осуществление этой задачи было поручено кафедрам исторического материализма и научного коммунизма, а также кафедрам прикладной социологии в тех университетах, где они имелись. По мере роста численности высококвалифицированных кадров предполагалось открыть в вузах кафедры по прикладной социологии, по методике и технике конкретных социологических исследований на философских факультетах тех университетов страны, которые будут осуществлять подготовку социологов⁶³.

В постановлении также предлагалось в целях подготовки социологов для промышленных предприятий (а также транспорта, строительства, сельского хозяйства) с 1 сентября 1973 г. в качестве эксперимента начать подготовку по специальности «экономист-социолог» в Московском инженерно-экономическом институте и в Ленинградском финансово-экономическом институте, а впоследствии расширить круг вузов, готовящих кадры по этой специальности⁶⁴.

На основании данного постановления было принято решение Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС от 26 апреля 1973 г. о введении в порядке эксперимента специализации по прикладной социологии на философском факультете МГУ и других университетов,

⁶² РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 201. – Л. 7–10. Цит. по: Социология и власть (как это было на самом деле). – С. 253–254.

⁶³ Там же. – С. 254–255.

⁶⁴ Там же. – С. 255.

в группе инженерно-экономических и финансово-экономических институтов⁶⁵.

Итак, в вузах в рамках философских специальностей в 1973 г. было решено открыть специальность «Прикладная социология». На деле это произошло несколько позже. Так, например, на философском факультете МГУ (отделение научного коммунизма) учебная специальность «Прикладная социология» была введена только в 1977 г. Впервые встал вопрос о начале подготовки специалистов в области прикладной социологии в рамках философских факультетов университетов. С этого момента преподаватели социологических курсов все больше объединялись на философских факультетах, началось создание конкретной теоретической, материально-технической и организационной базы для работы по подготовке специалистов в области прикладной социологии.

В 1983 г. в докладной записке министра высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютина о ходе реализации решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС отмечалось: «Министерством изучается вопрос о подготовке специалистов в области конкретных социологических исследований. В учебные планы обществоведческих специальностей введены курсы по методике этих исследований. Улучшается социологическое образование экономистов, философов и других обществоведов. Намечается организовать специальный факультет для переподготовки кадров, занимающихся прикладными социологическими исследованиями»⁶⁶.

Таким образом, реальностью подготовка кадров социологов стала лишь в 1984 г., когда на философском факультете МГУ было создано отделение прикладной социологии и осуществлен набор 50 студентов. В том же году на отделении прикладной социологии были открыты: кафедра методики и техники конкретных социальных исследований (завкафедрой проф. Б.В. Князев); кафедра истории социологии (завкафедрой проф. В.И. Добренёв); кафедра социологии труда (завкафедрой проф. Н.И. Дряхлов). Продолжала работу межкафедральная социологическая лаборатория (заведующий лабораторией – старший научный сотрудник В.Я. Нечаев). Руководил отделением проф. Б.В. Князев. К 1988 г. на отделении обучалось 240 студентов.

⁶⁵РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 60. – Д. 201. – Л. 11. Подлинник // Там же. – С. 256.

⁶⁶Там же. – Оп. 89. – Д. 111. – Л. 31–36. Подлинник // Там же. – С. 368.

В 1984 г. на экономическом факультете Ленинградского государственного университета было создано отделение прикладной социологии и осуществлен набор 50 студентов. В составе отделения работали две кафедры – прикладной социологии (завкафедрой проф. В.Я. Ельмеев); социального управления (завкафедрой проф. В.Г. Долгов). Руководил отделением проф. В.Я. Ельмеев. К 1988 г. на этом отделении обучалось 240 студентов.

В 1986 г. было открыто отделение прикладной социологии на философском факультете Киевского государственного университета (прием 25 студентов). К 1988 г. на этом отделении обучалось 74 студента.

В 1987 г. было открыто отделение прикладной социологии в Московском институте управления (прием – 50 студентов). К 1988 г. на отделении обучалось 119 студентов.

С 1988 г. отделения прикладной социологии появились на философско-экономическом факультете Казанского государственного университета (50 студентов); на экономическом факультете Харьковского государственного университета (25 студентов); на философском факультете Тбилисского университета (15 студентов); на философском факультете Уральского университета (25 студентов).

Таким образом, по данным Главного управления преподавания общественных наук при Госкомитете СССР по народному образованию, в системе народного образования в 1988 г. обучалось около 1,5 тыс. студентов-социологов⁶⁷. В 1989 г. состоялся первый выпуск специалистов по социологии в Московском и Ленинградском государственных университетах (62 человека).

В эти же годы развернулась специализация в области прикладной социологии на философских и экономических факультетах Белорусского, Ереванского, Новосибирского университетов, в университетах Прибалтийских республик, а также в Ленинградском финансово-экономическом институте в количестве 5–10 человек в каждом из вузов⁶⁸.

Кроме того, в стране начала складываться система переподготовки по социологии лиц, имеющих высшее несоциологическое образование. Так, при Московском государственном университете

⁶⁷Кутцов, В. И. Справка о состоянии подготовки социологических кадров в стране // Материалы по вопросам преподавания общественных наук. – М., 1990. – С. 32.

⁶⁸Там же. – С. 33.

было открыто специальное отделение, а при Московском институте управления был открыт специальный факультет, где за девять месяцев обучения с отрывом от основной работы специалисты народного хозяйства и преподаватели общественных наук могли получить социологическую специальность. Ежегодный набор слушателей на эти формы обучения составлял 25 человек. К преподаванию были привлечены высококвалифицированные специалисты МГУ, Института социологии АН СССР, ЦЭМИ АН СССР и других ведущих учреждений. В 1988 г. свыше 150 практикующих социологов прошли переподготовку на специальном отделении МГУ⁶⁹.

Ряд институтов повышения квалификации стал осуществлять обучение специализированных групп социологов, занимающихся исследованиями социальных проблем в различных подразделениях народного хозяйства. Так, в Институте повышения квалификации (ИПК) Госкомтруда СССР в течение 1987/88 учебного года прошли обучение 200 специалистов лабораторий и групп социологических исследований, отделов социального развития предприятий и объединений. Была создана кафедра социального развития трудовых коллективов и социального обеспечения. Повышение квалификации социологов предприятий осуществлялось также в ИПК Минхимпрома СССР, ИПК Минхлебпродуктов РСФСР, ИПК работников печати Госкомиздата СССР⁷⁰.

Начавшийся процесс подготовки и переподготовки специалистов-социологов в области прикладной социологии потребовал теоретического осмысления. По этой причине в середине 1980-х годов в ряде вузов и академических институтов были поддержаны исследовательские проекты по проблемам развития и эффективности социологического образования⁷¹.

В 1980-е годы в ряде регионов сложились научные школы, которые наряду с проведением социологических исследований осуществляли подготовку социологических кадров: в Новосибирске, Красноярске (проф. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.Н. Шуб-

⁶⁹ Там же. – С. 33–34.

⁷⁰ Там же. – С. 34.

⁷¹ Дряхлов, Н. И., Князев, Б. В., Нечаев, В. Я. Социологическое образование в СССР на современном этапе: опыт и проблемы становления // Современная высшая школа. – 1988. – № 3; Контуры социологического образования в вузе: Методическая разработка. – Новосибирск, 1989.

кин, Ж.Т. Тощенко); на Урале – в Екатеринбурге, Перми, Уфе (проф. Л.Н. Коган, Н.А. Аитов, З.И. Файнбург, Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина); на Алтае (проф. С.И. Григорьев); в Ростове-на-Дону (проф. Ю.Г. Волков); в Нижнем Новгороде (проф. З.Х. Саралиева, А.А. Иудин, С.С. Балабанов); в Самаре (проф. Е.Ф. Молевич); в Саратове (проф. В.Н. Ярская-Смирнова). Эти научные школы сложились на базе созданных в 1960–1970-е годы отделов и секторов при академических институтах, а также на базе социологических лабораторий и подразделений при крупных вузах.

Необходимо отметить, что формирование нового корпуса социологических кадров происходило в лоне других общественных наук, в первую очередь философии и экономики. Именно этими специалистами были укомплектованы отделы и секторы академических институтов. В вузах подготовка социологических кадров и проведение конкретных социологических исследований зачастую были связаны с работой кафедр научного коммунизма. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, многие из этих кафедр, особенно в Москве, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, стали настоящими социологическими исследовательскими центрами, ведущими масштабные эмпирические исследования, получившие признание в стране и за рубежом. Кроме того, теория научного коммунизма преподавалась на этих кафедрах в социологическом ракурсе – как анализ конкретных ситуаций в стране, регионе, в той или иной организации, что вызывало сильнейший интерес у слушателей, зачастую позже проявлявших желание и готовность стать социологами⁷².

Накопившийся опыт, наметившиеся проблемы в области социологического образования нуждались в обсуждении и обобщении. С этой целью в конце 1980-х прошли научные конференции, на которых в ряду других проблем были обсуждены и перспективы развития социологического образования⁷³. Кстати, в 1985 г. в рамках одного социологического исследования был проведен анализ кадров, пришедших в социологию. Полученные результаты потрясли. Это

⁷² Тощенко, Ж. Т. Региональные социологические центры 1960–1970-х годов // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 60.

⁷³ Проблемы становления социологии образования и воспитания в условиях перестройки высшей школы: Материалы конференции // Вестник Московского университета. – Сер. 12 «Теория научного коммунизма». – 1988. – № 5; Социология образования: Всесоюзная научно-методическая конференция: Тезисы докладов. – Л., 1990.

были 15 тыс. человек, которые представляли 230 специальностей, но были социологами на практике.

Вместе с тем к началу 1980-х годов сложился резерв для подготовки кадров и повышения квалификации преподавателей по марксистско-ленинской социологии. В период с 1968 по 1983 г., по данным ВАК СССР, ежегодно работниками высшей школы по специальности 09.00.09 – «Прикладная социология» защищалось 30–40 кандидатских и 2–4 докторских диссертаций, а с 1984 г. эти показатели выросли до 50–60 кандидатских и 8–12 докторских диссертаций в год. Таким образом, в структуре кадров обществоведов в высшей школе страны имелось 600–700 кандидатов и до 80 докторов наук по специальности «Прикладная социология»⁷⁴.

С целью совершенствования всей системы социологического знания в стране постановлением Государственного комитета СССР по науке и технике от 4 ноября 1988 г. № 386 была введена номенклатура специальностей научных работников 22.00.00. – «Социологические науки». Она включала следующие специальности: 22.00.01 – «Теория, методология и история социологии»; 22.00.02 – «Методы социологических исследований»; 22.00.03 – «Социология труда и экономическая социология»; 22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы»; 22.00.05 – «Социально-политические процессы, организации и управление»; 22.00.06 – «Социология культуры, образования, науки»; 22.00.07 – «Общественное мнение». Таким образом, в перечне научных специальностей социология впервые была отделена от философии⁷⁵. На 1 января 1988 г. в стране по социологическим специальностям обучалось 227 аспирантов, из них очно – 119 человек, заочно – 108 человек. В вузах – 85 человек (очно – 47, заочно – 38), в НИИ – 142 человека (очно – 72, заочно – 70)⁷⁶.

В июне 1988 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». Вслед за постановлением, в августе 1988 г., был издан приказ Госкомитета СССР по народному образованию «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране». Согласно этому приказу, специальность «Прикладная социология» преобразовывалась в специальность «Социология».

⁷⁴ Кунцов, В. И. Указ. соч. – С. 31–32.

⁷⁵ Там же. – С. 34–35.

⁷⁶ Там же. – С. 34.

Принимались предложения вузов об открытии социологических факультетов и отделений. Указывалось на решение вопроса о социологической подготовке студентов всех специальностей через систему обязательных и факультативных спецкурсов. В приказе речь шла также о подготовке учебников, об увеличении приема в аспирантуру и докторантуру по социологии, об эффективном использовании международного сотрудничества в области образования по социологии и социологическим исследованиям.

Предполагалось через систему институтов повышения квалификации (ИПК) осуществить социологическую переподготовку преподавателей-обществоведов, организовать обучение и переподготовку педагогических кадров по проблемам социологии, руководящих работников и специалистов в системе повышения квалификации.

Приказом определялось открытие социологических факультетов в Московском, Ленинградском, Киевском государственных университетах, в Московском институте управления. Девять отделений социологии предполагалось организовать в университетах Харькова, Новосибирска, в Уральском ГУ, Белорусском ГУ, Ташкентском ГУ, Тбилисском ГУ, Вильнюсском ГУ, Ростовском ГУ, а также в Ленинградском финансово-экономическом институте.

В июне 1989 г. был открыт социологический факультет в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Деканом факультета стал профессор В.И. Добреньков. В это же время был открыт факультет социологии в Ленинградском государственном университете. Первым деканом факультета стал профессор А.О. Боронов. С открытием этих факультетов социологии в России развернулось полноценное социологическое образование.

Таким образом, в 1960–1980 гг. произошла модернизация марксистской модели социологического образования. В стране началась массовая подготовка социологов по специальности «Прикладная социология», сложилась необходимая организационная структура кафедр, лабораторий в вузах, филиалов кафедр в институтах АН СССР. Однако прикладная модель подготовки специалистов-социологов плохо вписывалась в узкие рамки существующей системы марксистско-ленинского общественно-научного образования. Новая модель социологического образования, учитывающая особенности развития социологии как самостоятельной науки и дисциплины, а также реальные потребности страны в социологических знаниях и кадрах, начала складываться в период перестройки.

Социологическое образование в постсоветской России

8.1. Социальная реальность: вызовы перестройки

В начале перестройки сложились условия для формирования новых вариантов модели социологического образования. По воспоминаниям Г.В. Осипова, в центре внимания социологов оказались традиции, заложенные предшествующим опытом институционализации социологии. «Главные из них – конструктивное осмысление истории развития социологии в России и в мире, дальнейшая разработка теории и методологии социологического знания, проведение конкретных социологических исследований российской действительности, особенно в период ее трансформации, оценки этой трансформации с позиций человеческого измерения»¹.

Одним из первых документов, позволившим социологам задуматься о реальной миссии социологии в перестроечном обществе, был «Моральный кодекс социолога». В нем подчеркивалось, что использование современных выборочных методов социологических исследований с опорой на математические методы и новейшие информационные технологии позволяет получить достаточно точную информацию о характере и содержании социальных процессов, происходящих в обществе, и их возможных социальных последствиях. Однако результаты социологических исследований могут быть использованы как во благо, так и во зло человеку и обществу. Социологическое знание в недобросовестных руках может стать средством манипулирования массовым сознанием и зомбирования людей, мощным орудием разрушения общества. Поэтому в условиях перестройки с особой остротой встали вопросы об ответственности ученого, отказе от социальной апологетики и мифотворчества².

Таким образом, первым вызовом перестройки явилась потребность обновления социогуманитарных знаний в высшем образовании.

¹ Социология и власть (как это было на самом деле) / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. – М., 2008. – С. 403.

² Там же.

Исторический контекст построения обновленного социологического знания был связан с процессом институционализации социологии как науки. С конца 80-х годов XX в. в России, по сути, происходил повторный процесс институционализации социологии. Но возрождение проходило мучительно трудно. Сказывалась утрата традиций, заложенных выдающимися социологами прошлого, недостаток в теоретических работах, вызванный вынужденным отказом ученых от занятий собственно социологической проблематикой. Новая социальная реальность постсоветского периода активно востребовала социологическое знание, но в обновленном виде. Свяzano это было с тем, что новая реальность находилась в процессе «познания самого себя», саморефлексии. Отчаянно нуждаясь в социологическом инструментарии для изучения неоднозначных социальных процессов, новая социальная реальность востребовала, прежде и чаще всего, такую часть социологических знаний, как методика и техника организации и проведения социологических исследований. А это, в свою очередь, было невозможно без отработки новой методологии получения социологического знания, в основе которой лежало конструктивно-критическое восприятие действительности. Причем важным становилось не только точное измерение социальных изменений, но и прогнозирование, т. е. «вычисление» перспектив социального развития. В этом смысле обновленному социологическому знанию надлежало стать конструктивным и опережающим.

Идеологический контекст построения обновленного социологического знания был связан с разработкой нового социального идеала. В этом ключе для обновленного социологического знания важно было избавиться от социальной мифологии. Миф о социализме, коммунизме долго затруднял познание российской социальной реальности во всей ее целостной противоречивости, толкая исследователей на одностороннее понимание сложных явлений и процессов. Критериями успешности социальных изменений в мифологизированной реальности было абстрактное «продвижение к коммунизму» и успокаивающее «мы впереди планеты всей». Социальное знание под влиянием социальной мифологии утратило связь с действительностью. А тем временем общество разъединилось на «тех, кто с нами», и «тех, кто против нас». Возвращение к социальной реальности было связано с изменением идеологического контекста формирования социологического знания: переходом от идеологии конфронтации к идеологии сотрудничества, партнерства, солидарности и доверия.

Разработка социального идеала в новой социальной реальности была связана с признанием ценности сохранения человеческой жизни и целостности общества. Перенос в социологическом знании акцента с разработки абстрактного социального идеала на изучение мотивации деятельности людей по совершенствованию самих себя, а также на поиск возможностей укрепления жизнеспособности социальной системы представлялся важным методологическим условием его обновления.

По воспоминаниям Г.В. Осипова, важным было отстоять идею специфики социологии как науки об обществе. Она заключалась в том, что социология «а) разрабатывает общую социологическую теорию, которая позволяет понять общество как единую объективно-субъективную социальную систему; б) акцентирует внимание на социальных или асоциальных действиях личностей; в) анализирует и оценивает последствия этих действий в человеческом измерении с позиций не среднестатистического, а конкретного человека и укрепления социальных связей; г) ставит вопрос о социальной ответственности людей, совершающих те или иные действия или принимающих те или иные решения. Социология в данном понимании – это наука об общих и специфических социальных законах и закономерностях развития и функционирования исторически сложившихся социальных систем, о механизмах и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов, социальной ответственности властных структур и личностей за социальные последствия совершаемых действий»³.

Экзистенциальный контекст построения обновленного социологического знания был связан с выработкой новой культуры социологического мышления исследователей. Социологическое знание в первые годы перестройки было представлено совокупностью самых разнообразных теорий (российских и западных), каждая из которых претендовала на однозначную и объективную интерпретацию социальных процессов. Односторонность такого подхода к изучению многомерной, многогранной, противоречивой социальной реальности была очевидна. Вспоминая эту ситуацию в социологии, Г.В. Осипов писал: «В настоящее время сложился поликонцептуальный подход к изучению общественных процессов при относительно широком понимании основных движущих сил исторического развития, их ин-

³ Там же. – С. 405.

терпретации, определении доминирующих факторов и перспектив. Попытки создания универсальных макротеорий продолжаются, но они носят незавершенный, поисковый характер»⁴.

Выработка новой культуры социологического мышления в годы перестройки началась с признания того, что плюрализм в социологическом знании возможен, неизбежен и даже желателен. Отсюда особое значение приобретала четкая теоретико-методологическая позиция социолога-исследователя при обработке и интерпретации полученных им первичных данных о социальной реальности.

Говоря о методологическом прорыве социологов в начале перестройки, Г.В. Осипов отмечал: «Исследование процессов трансформации привело социологов к выводу о том, что изменение общественных отношений, их перестройка возможны лишь тогда, когда люди, уверенные в возможности реализации стоящих перед ними конкретных социальных целей, сознательно включаются в процесс изменения этих отношений. Если обновление общества не затрагивает психологии и сознания людей, если оно ограничивается только структурными реформами или перестройкой хозяйственного механизма без учета социальных качеств людей, то оно никогда не сможет дать значительных позитивных результатов. Исходным пунктом любой социальной трансформации являются люди и условия, позволяющие реализовать их потенциальные возможности, проявить их способности и устремления»⁵.

Эти изменения подготовили почву для разработки новых моделей социологического образования.

8.2. Поиск новых моделей социологического образования

Разработка новых моделей социологического образования явилась результатом, с одной стороны, методической работы органов государственной системы образования, с другой – творческой деятельности самих социологов.

В 1993 г. в вузах России был введен Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, утвер-

⁴ Там же. – С. 404.

⁵ Там же. – С. 405.

денный Постановлением Правительства РФ № 940 от 12 августа 1994 г. В классификаторе направлений и специальностей высшего профессионального образования (по гуманитарным и социально-экономическим наукам) социология была названа и как наука, и как специальность.

Программа, подлежащая изучению студентами несоциологических специальностей, подразделялась на две части: общую, предназначенную для всех высших учебных заведений, и специальную, учитывающую специфику данного типа (профиля) вуза. Общая часть программы включала 14 дидактических единиц (тем):

1. История становления и развития социологии (основные этапы, направления, школы, включая русскую школу в социологии).
2. Общество как целостная социокультурная система.
3. Социальные общности (нации, социальные группы, другие общности) как источник самодвижения, социальных изменений.
4. Культура как система ценностей, смыслов, образцов действий индивидов, влияние культуры на социальные и экономические отношения. Обратное влияние экономики и социально-политической жизни на культуру.
5. Личность как активный субъект, взаимосвязь личности и общества; ролевые теории личности; социальный статус личности.
6. Социальные связи, действия, взаимодействия между индивидами и группами, групповая динамика, социальное поведение, социальный обмен и сравнение как механизм социальных связей.
7. Социальная структура, социальная стратификация, различия между социальными статусами – проявление социального неравенства в обществах разного типа.
8. Социальные институты, их роль в воспроизводстве социальных взаимодействий, структур отношений (семья, экономика, государство, образования, религия и др.); институционализация как процесс.
9. Социальная организация и самоорганизация, гражданское общество и государство, социальный контроль.
10. Массовое сознание и массовые действия, социальные движения; источники социального напряжения, социальные конфликты, логика их разрешения.
11. Социальные изменения, прогресс, переходные процессы; понятие цивилизации и этапов ее развития, глобализация социальных и культурных процессов в современном мире.

12. Социально-культурные особенности развития российского общества, возможные альтернативы его развития в будущем.

13. Современные социальные проблемы российского общества: межнациональные отношения, формирование рыночных отношений и особенностей социально-культурных традиций, изменения в системах ценностей, моделях образа жизни, динамика общественного мнения по актуальным вопросам нашего времени.

14. Методология и методы социологического исследования: социальные факты и артефакты, методы сбора социальной информации (наблюдение, опрос, анализ документов) и приемы проведения опроса общественного мнения, правила обеспечения представительности данных, способы анализа данных, получения эмпирически обоснованных обобщений.

Специальная часть программы предусматривала два варианта, соответствующие двум типам вузов. Программы технических и естественно-научных вузов могли включать разделы: социология труда, социология организаций и управления, социология нововведений, социология науки, социальная экология. Программы гуманитарных и социально-экономических вузов могли содержать разделы: современные социологические теории, социология политики, социология средств массовой информации, социология культуры, социология науки, социология религии.

Кроме того, в зависимости от специализации вуза в программу включался один из разделов отраслевой социологии: экономическая социология, социология города, социология села, социология медицины и здоровья, социология права, социология девиантного поведения, социология международных отношений⁶.

По мнению С.С. Фролова, автора одного из первых учебников по социологии, важной целью изучения социологии студентами несоциологических специальностей была следующая: «Необходимо, чтобы студенты, открывая для себя одну из самых молодых и содержательных наук об обществе, освободились от представлений о ней только как прикладной, занимающейся проведением опросов и изучением общественного мнения»⁷. Студенты должны, как считал ученый, под новым углом зрения, в новом свете увидеть обыденные

⁶ См.: Государственный образовательный стандарт (федеральный компонент) по дисциплине «Социология». – М., 1993. – С. 1–3.

⁷ Фролов, С. С. Социология. – М., 1994. – С. 3.

отношения между людьми и их объединениями. При этом у них должно сложиться социологическое видение окружающей действительности, возникнуть интерес к изучению социальных проблем. Они должны получить навыки научного анализа, беспристрастного объективного научного подхода к проблемам без налета этноцентризма и без груза прошлых заблуждений, неизбежно возникающих при обыденном взгляде на общественные явления. В конечном счете студенты должны получить ответы на вопросы: что такое власть, почему люди объединяются в группы, что представляют собой социальные институты, как происходят изменения в обществе? Ответы на подобные вопросы позволят легче ориентироваться в сложном, полном проблем социальном мире, принимать ответственные решения, планировать свои действия⁸.

Содержание профессиональной обязательной программы по направлению «Социология» было значительно обширнее и глубже. На ее реализацию на социологических факультетах отводился весь срок обучения в вузе. Эти факультеты готовили студентов-социологов для педагогической деятельности, работы в научно-исследовательских и государственных учреждениях.

Центральную роль в деле разработки учебного плана, соответствующего Государственному образовательному стандарту специалиста по специальности 02.03.00 – «Социология», сыграло учебно-методическое объединение (УМО) при социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

В утвержденный УМО в 1997 г. учебный план входили шесть циклов дисциплин. I цикл – «Общегуманитарные и социально-экономические дисциплины» – включал обязательные предметы: философию, иностранный язык, культурологию, историю, физическую культуру, правоведение, экономическую теорию, политологию, общую и социальную психологию, педагогику. В этот же цикл входили дисциплины по выбору: логика, история социально-политических учений, история отечественной философии, история зарубежной философии XX в. II цикл – «Общие математические и естественно-научные дисциплины» – составляли такие предметы, как высшая математика, математическая статистика, информатика, концепции современного естествознания. III цикл – «Общепрофессиональные дисциплины» – включал обязательные предметы: историю социологии, общую социологию,

⁸ См.: Там же. – С. 3.

методику и технику социологических исследований, демографию, социальную экономическую статистику, социальную антропологию, экономическую социологию, государственное и муниципальное управление, основы менеджмента, социальную экологию, социологию религии, социологию языка, связи с общественностью. В качестве дисциплины по выбору предлагался курс социолингвистики. IV цикл – «Специальные дисциплины» – включал обязательные предметы: социальное прогнозирование и проектирование, социальные проблемы изучения общественного мнения, социологию организаций, социологию труда, социологию коммуникации, социологию политических процессов, социологию семьи, социологию культуры, социологию образования, социологию международных отношений, а также курс мировой политики. V цикл – «Дисциплины специализации» – содержал спецкурсы и спецсеминары, ежегодно утверждавшиеся соответствующей кафедрой. VI цикл – «Дополнительные дисциплины» – включал обязательные предметы: методику преподавания социологии, новые информационные технологии, основы медицинских знаний и здоровья, а также курс защиты населения⁹.

Учебный план факультета был подготовлен с учетом опыта преподавания социологии в МГУ, других университетах страны, а также высших учебных заведений зарубежных стран. По многообразию включенных дисциплин этот план обеспечивал не только прикладную, но и фундаментальную теоретическую подготовку социологов. Кроме того, в содержание практически всех курсов были включены материалы по истории социологии в России, а также рекомендовались книги отечественных авторов. Так, например, в курсе «История социологии» раздел III содержал материал по основным направлениям русской школы социологии в XIX и XX вв., а также по советскому периоду социологии¹⁰. Впервые студенты получили официальную возможность познакомиться с немарксистскими направлениями в русской социологии. В курсе «Общая социология» в теме «Теоретико-методологические предпосылки развития социологии в России» студенты знакомились не только с идеями экономического материализма, но и с концепцией М.М. Ковалевского¹¹. В программе курса

⁹ См.: Программы дисциплин учебного плана 020300 – Социология: Для высших учебных заведений. Предисловие. – М., 1997. – С. 3–5.

¹⁰ См.: Там же. – С. 26–32.

¹¹ Там же. – С. 44.

«Методика и техника социологических исследований» в списки рекомендованной литературы были включены работы В.Г. Гречихина, В.А. Ядова, Г.С. Батыгина, Г.Г. Татаровой, Ю.С. Гурова, М.К. Горшкова и других¹². Социологическое образование преодолело порог его марксистско-ленинской интерпретации, а значит, появилась реальная возможность готовить всесторонне образованных специалистов в рамках многообразных специализаций.

Реализация государственного образовательного стандарта по социологии предполагала обеспечение учебного процесса в вузах новой учебно-методической литературой.

Вообще в 1990-е годы наблюдался бум издания учебно-методической литературы по социологии. Официальное признание самостоятельного статуса социологии, начало полноценного социологического образования в рамках вновь организованных социологических факультетов университетов привели к формированию беспрецедентного заказа на учебники и учебно-методические пособия по социологии.

Первые учебники, появившиеся в начале 1990-х годов, были подготовлены коллективами преподавателей вузов. Как правило, это были сотрудники кафедр социологии, объединенные задачей преподавания общего курса социологии студентам несоциологических специальностей¹³. В качестве яркого примера можно привести учебник «Социология», подготовленный авторским коллективом кафедры социологии Московского государственного института международных отношений¹⁴. Эта книга представляла собой краткое учебное пособие для студентов несоциологических специальностей вузов. Своеобразие этого учебника состояло в том, что в нем достаточно большое внимание было уделено методологическим проблемам социологии, характеристике взглядов классиков социологической мысли, а также основных направлений и школ современной социологии. Отвечая на вопрос, почему необходимо изучать социологию, авторы сослались на тот факт, что исследования социологов, достижения социологической науки, как показал опыт истории, способны оказать серьезное положительное влияние на развитие общества. В подтверждение этой мысли были

¹² Там же. – С. 55–76.

¹³ Социология: общий курс. – М., 1994; Социология: учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М., 1995.

¹⁴ См.: Социология / Под общей ред. Э.В. Тадевосяна. – М., 1995. – 272 с.

приведены слова французского социолога-классика Э. Дюркгейма, что социология не стоила бы и часа труда, если бы не позволяла улучшить общество¹⁵. Интересной являлась также 6-я глава, посвященная общей социологической характеристике современного российского общества. Современное российское общество было названо переходным, были подняты проблемы социального кризиса, социальных конфликтов, рассмотрены пути их возможного разрешения¹⁶.

К середине 1990-х годов стали выходить самостоятельные авторские учебники. Интересен опыт подготвок В.Г. Харчевой учебника по социологии для студентов средних специальных учебных заведений¹⁷. В учебнике раскрываются становление и развитие социологии не только как прикладной, но и как теоретической дисциплины. Вообще внимание к методологическим вопросам социологии – отличительная черта данного учебника. Так, в первой главе поставлены вопросы методологии социологического познания¹⁸. В четвертой главе рассмотрены парадигмы социального факта, социального поведения, социальных дефиниций, детерминизма¹⁹. В пятой главе раскрыты основные социологические понятия²⁰. Таким образом, в данном учебнике сделан решительный шаг к обособлению особого места социологии среди других наук об обществе.

Часть авторских учебников была больше похожа на западные аналоги, например учебники В.С. Комарова, С.С. Фролова, А.А. Радугина и К.А. Радугина²¹. Первыми переведенными на русский язык учебниками, послужившими образцами для российских авторов, были «Общая социология» Д. Марковича, неоднократно переиздававшаяся в Югославии и переведенная на основные европейские языки²², и

¹⁵ Там же. – С. 24.

¹⁶ Там же. – С. 226–263.

¹⁷ Харчева В.Г. Основы социологии: Учебник для средних специальных учебных заведений. – М., 1997. – 304 с.

¹⁸ Там же. – С. 8–27.

¹⁹ Там же. – С. 98–120.

²⁰ Там же. – С. 121–259.

²¹ См.: Фролов, С. С. Социология. – М., 1994, 1997, 1998; Комаров, В. С. Введение в социологию: Учебник для вузов. – М., 1994; Радугин, А. А., Радугин, К. А. Социология. Курс лекций. – Воронеж, 1994.

²² Маркович, Д. Общая социология: Пер. с серб.-хорв. – Ростов н/Д, 1993. – 272 с.

«Социология» Н. Смелзера, выдержавшая за десять лет в США три издания²³. Достоинством этих учебников являлось логически организованное, краткое, доступное для читателей изложение основных вопросов социологии как особой области общественнознания.

Позже авторы все больше стали учитывать особенности российских реалий. Одним из первых авторских учебников, сориентированных на отечественную школу социологии, являлся учебник члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко «Социология», выдержавший в 1990-х годах два издания (1994 и 1998 гг.). В разделе I «Социология как наука» показаны возникновение и развитие социологии (исторический очерк); объект и предмет социологии; структура, категории и функции социологии; научный метод в социологии²⁴. В историческом очерке автором проанализирован вклад российской школы социологии в развитие мировой социологии. В частности, в четвертом параграфе первой главы, посвященной российской социологии XIX – начала XX в., ученый отмечал: «Практически все социологи России в XIX – начале XX века в прямой или косвенной форме выходили на проблемы человека, индивида как социального существа, считая его сознание и поведение основным критерием общественного прогресса, а в ряде случаев рассматривая этот феномен в качестве одного из основных составляющих компонентов, являющихся объектом социологического изучения. Именно гуманистическая направленность, человеческое измерение общественной науки является важнейшей характеристикой развития отечественной социологии в этот период времени»²⁵. Заявляя о своей приверженности традиции российской школы, Ж.Т. Тощенко писал: «Именно этот аспект использует автор в своей концепции **социологии жизни**, которая в развернутом виде учитывает состояние и тенденции развития общественного сознания и поведения в тесной связи с объективными условиями существования людей»²⁶. В пятом параграфе, посвященном советской и российской социологии, анализируется сложный путь становления социологии как науки в нашей стране. Во второй главе «Объект и предмет социологии», кроме западной, отмечается и рос-

²³ Смелзер, Н. Социология: Пер. с англ. – М., 1994. – 688 с.

²⁴ Тощенко, Ж. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1998. С. 6–89.

²⁵ Там же. – С. 24.

²⁶ Там же.

сийская специфика трактовки сущности социологии как науки. Так, характеризуя сложность современного этапа развития социологии, автор писал: «Отказ ряда исследователей от марксистской парадигмы и попытки использовать понятийно-категориальный аппарат и инструментарий западноевропейской и американской социологии без учета российской специфики привел к еще большей запутанности, неоднозначности и противоречивости при трактовке изученных социальных процессов и явлений»²⁷. В разделе II «Экономическая социология» автором проанализированы отраслевые социологии: социология труда; социология города; социология села; экологическая социология; социальная инфраструктура. Оригинальность авторского подхода продемонстрирована в первой главе данного раздела. Так, проблемы социологии труда были подняты им через призму различных ипостасей и состояний, интересов и потребностей человека «экономического», «технологического», «биологического», «социально-психологического», «социально-политического»²⁸. В разделе III «Социальная жизнь и социальная структура» рассмотрены проблемы социальной структуры; этносоциологии; социологии семьи; социологии молодежи; отклоняющегося поведения. Автор уделяет особое внимание воздействию рыночных отношений на социальную структуру российского общества. Вывод, к которому он приходит, неоднозначен: «Напряженность в социальной структуре общества нередко складывается под влиянием не только объективных тенденций развития отношений рынка, но и изменений, происходящих в общественном сознании, что проявляется в соответствующих установках и поведении людей»²⁹. В разделе IV «Политическая социология» автор анализирует политическую социализацию; взаимоотношения человека и государства; социологию права, а также роль и значение общественных организаций. Особый интерес представляет авторская трактовка национальной идеи и ее роли в политической социализации. Так, автор справедливо отмечает: «Крах советской системы во многом объясняется тем, что она стала ориентироваться на изобретенные догмы, а не на те ценности, которые были представлены в сознании народа. ... Иначе говоря, национальная идея, идеология должна быть концентрацией, кристаллизацией

²⁷ Там же. – С. 40.

²⁸ Там же. – С. 92–112.

²⁹ Там же. – С. 184.

доминирующих социальных ориентаций и ценностей»³⁰. В разделе V «Социология духовной жизни» подняты проблемы социологии личности, социологии образования, социологии науки, социологии культуры, социологии религии. Представляет интерес анализ автором сознания, его возможностей и ограничений в процессе социализации личности. В частности, говоря о формирующемся в условиях рыночных отношений элитарном сознании, Ж.Т. Тощенко отмечает: «Для элитарного сознания и поведения нет никаких ограничений даже в той части, которая касается чести и достоинства людей других социальных групп»³¹. В разделе VI «Социология управления» автор поднимает вопросы социального предвидения, социального прогнозирования, социального проектирования, социального планирования, а также рассматривает формы, виды и этапы развития социальных технологий. В частности, он отмечает, что вдохнуть жизнь в социальное планирование могут реальные социальные нормативы. «Их дисгармония... имеет место в реформируемой России, когда дифференциация в оплате за примерно равный труд достигает огромных размеров, в большинстве случаев из-за причастности людей к различным формам собственности»³². Анализируемый учебник содержит обширный список социологической литературы зарубежных и отечественных авторов (досоветского, советского и постсоветского периодов). В целом перед нами классический учебник, выполненный в традиции отечественной социологии, содержащий оригинальный подход автора к трактовке основных проблем социологии как науки.

В 1990-е годы появились учебники по социологии, подготовленные в региональных центрах³³. Часто поводом для написания учебника становился курс лекций, прочитанный студентам того или иного вуза³⁴, например курс лекций по социологии под ред. А.В. Ми-

³⁰ Там же. – С. 263.

³¹ Там же. – С. 326.

³² Там же. – С. 450.

³³ Авцинова, Г. И., Борискин, А. Н. Социология. – Воронеж, 1994; Беляев, В. А., Филатов, А. Н. Социология. Учебный курс. – Казань, 1998; Волков, Ю. Г., Нечипуренко, В. Н., Самыгин, С. И. Социология: история и современность. – Ростов н/Д, 1999; Дыльнов, Г. В. Общая социология. Систематический курс. – Саратов, 1996; Зборовский, Г. Е. – Общая социология. Екатеринбург, 1997, 1999 и др.

³⁴ Андреев, С. С. Общая социология: Курс лекций: В 2-х ч. – М., 1997; Бельский, В. Ю., Беляев, А. А., Лошаков, Д. Г. Основы социологии: – Лекции. М., 1999.

ронова, В.В. Панферовой, В.М. Утенкова³⁵. Учебник был подготовлен в соответствии с Государственным образовательным стандартом по социологии. Однако он имел профессиональную направленность, т. е. был рекомендован для студентов высших педагогических учебных заведений. Поэтому наряду с такими темами, как «Социология личности», «Социология семьи», «Социология образования», включенными в абсолютное большинство программ и курсов, в данном издании были подняты важные для педагогов темы «Поколения как субъекты общественной жизни», «Девиантное поведение», «Регулирование общественной жизни: управление и самоорганизация»³⁶.

Среди учебно-методической литературы 1990-х годов можно выделить группу учебных пособий по социологии³⁷. Интересно, что поводом появления учебных пособий стало стремление авторов разработать комплексные материалы, облегчающие студентам усвоение курса. Так, например, Г.А. Голубева, А.В. Дмитриев в своем учебном пособии «Социология»³⁸ после каждой темы помещали не только вопросы для самоконтроля, но и фрагменты из научных сочинений. В конце пособия был приведен словарь социологических терминов. Появились также учебные пособия, для студентов средних специальных учебных заведений. Одно из них было подготовлено А.И. Кравченко³⁹. В пособии рассматривались базовые темы учебно-

Гофман, А. Б. Семь лекций по истории социологии. – М., 1997; Козлов, А. С. Социология: Тексты лекций. – М., 1999; Кравченко, С. А. Социология: парадигмы и теории. Курс лекций для вузов. – М., 1997; Основы социологии: Курс лекций / Отв. ред. А.Г. Эфендиев. – М., 1995; Радугин, А. А., Радугин, К. А. Социология: Курс лекций. – М., 1994, 1995, 1997 и др.

³⁵ Социология: Курс лекций / Под ред. А.В. Миронова и др. – М., 1996. – 256 с.

³⁶ Там же. – С. 129–146, 161–171, 200–212.

³⁷ Азбука социологии: Учебное пособие / Под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов, 1998; Альбом схем по социологии и политологии / Отв. ред. А.А. Беляев. – М., 1999; Артеменков, А. А., Рябов, В. В. Социология: Учеб. пособие: В 2 ч. – Мурманск, 1994. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология в вопросах и ответах: Учеб. пособие. – М., 1999; Громов И.А., Воронцов А.В., Мацкевич А.Ю. Социология XIX – начала XX в.: Учеб. пособие. – СПб., 1997 и др.

³⁸ Голубева, Г. А., Дмитриев, А. В. Социология: Учеб. пособие. – М., 1999. – 304 с.

³⁹ Кравченко, А. И. Основы социологии: Учеб. пособие для студентов средних специальных учебных заведений. – М., 1997. – 368 с.

го курса и ключевые понятия социологии. В разделе «Приложение» были помещены адаптированные тексты (фрагменты) российских и зарубежных социологов, задания для самостоятельного и группового освоения материала, а также словарь социологических терминов. В ряду пособий, ориентированных на самостоятельную работу студентов, следует выделить практикумы по социологии⁴⁰. Одним из первых вышел практикум по социологии под редакцией А.В. Миронова и Р.И. Руденко⁴¹. Практикум давал представление о практических занятиях по социологии, содержал примеры творческих заданий по общему курсу социологии на основе большого фактического материала. Позднее вышел «Практикум по социологии», подготовленный Р.И. Руденко⁴². В помощь преподавателю практикум содержал методические советы и задания к изучению основных тем базового курса «Социология», схемы и таблицы к учебному курсу, итоговые тесты по социологии.

В 1990-е годы среди учебно-методических пособий появились первые хрестоматии, антологии, тексты по социологии⁴³. Одной из первых появилась хрестоматия по социологии под редакцией О.Н. Козловой, Э.И. Комарова, В.В. Панферовой⁴⁴. Она содержала высказывания более 150 выдающихся мыслителей прошлого и современности. Под редакцией Д.С. Клементьева и Л.Н. Панковой вышла «Антология русской классической социологии»⁴⁵. В ней были представлены фундаментальные труды Н.Я. Данилевского, М.М. Ковалевского, П.А. Кропоткина, Д.А. Столыпина, С.Н. Трубецкого.

⁴⁰ Барыгин, И. Н., Василик, М. А., Казаринова, Н. В. Практикум по социологии. – СПб., 1997; Практикум по социологии: Учеб. пособие / Ред. И.М. Слепенков и др. – М., 1992 и др.

⁴¹ Социология: Практикум / Сост. и отв. ред. А.В. Миронов, Р.И. Руденко. – М., 1993. – 240 с.

⁴² Руденко, Р. И. Практикум по социологии: Учеб. пособие для вузов. – М., 1999. – 447 с.

⁴³ Кравченко, А. И. Социология: Хрестоматия для студентов вузов. – М., 1997, 1998; Социология: Хрестоматия. – М., 1993; Социология: Хрестоматия / Сост. Р.А. Разин. – Ижевск, 1995 и др.

⁴⁴ Социология: Хрестоматия / Авт.-сост. О.Н. Козлова, Э.И. Комарова, В.В. Панферова. – М., 1993. – 256 с.

⁴⁵ Антология русской классической социологии / Под ред. Д.С. Клементьева, Л.Н. Панковой. – М., 1995. – 240 с.

В помощь преподавателям и студентам, изучающим историю западной социологии, были изданы тексты по западноевропейской социологии XIX – начала XX в.⁴⁶, появилась хрестоматия по американской социологической мысли⁴⁷. Для изучения истории социологии в России были изданы три выпуска текстов авторов – представителей русской социологической школы XIX – начала XX в.⁴⁸

Стали издаваться первые словари, энциклопедии, справочники⁴⁹. Большую помощь студентам оказал энциклопедический социологический словарь, изданный вне идеологической и политической ангажированности. В предисловии его авторы подчеркивали: «Это – не марксистский, это – не западный словарь. Это – научный словарь, отражающий в первую очередь как достижения, так и недостатки развития данной отрасли социологического знания в России»⁵⁰.

В помощь учебному процессу появилась обширная учебная литература по методике социологических исследований и по отдельным отраслям социологии: экономической социологии, политической социологии, социологии права, социологии культуры, социологии образования, социологии организаций, социологии коммуникации⁵¹.

⁴⁶ Западноевропейская социология XIX века [Тексты] / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1996. – 352 с.; Западноевропейская социология XIX – начала XX в.: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1996. – 520 с.

⁴⁷ Американская социологическая мысль [Тексты] / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1996. – 560 с.

⁴⁸ Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1) / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1997; Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 2) / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1997; Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 3) / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 2001.

⁴⁹ Кравченко, А. И. Социология: Словарь. – М., 1997; Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова – М., 1999; Современная западная социология. Словарь / Сост. Ю.Н. Давыдов. – М., 1993; Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова – М., 1995 и др.

⁵⁰ Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – С. 3.

⁵¹ Батыгин, Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. – М., 1995; Белановский, С. А. Метод фокус-групп. – М., 1996; Конечкая, В. П. Социология коммуникаций. – М., 1997; Кудрявцев, В. Н., Казимирчук, В. П. Современная социология права. – М., 1995; Основы политической социологии /

Были изданы работы по истории социологии⁵². Среди приведенных изданий следует особенно отметить имеющую большое значение для разработки концепции социологического образования работу проф. Е.И. Кукушкиной «Социологическое образование в России XIX – начала XX века»⁵³. В данной работе автор впервые поставила вопрос о сохранении традиции в российском социологическом образовании. Так, во введении автор отмечала: «Возобновленное совсем недавно социологическое образование в университетах России медленно обретает вновь утраченную почву. Осваивая зарубежный опыт, оно лишено возможности опереться на свой, ибо он основательно забыт; нить, связующая настоящее и прошлое, истлела, а история отечественной науки и образования не обобщила ценнейшее наследие наших предшественников»⁵⁴. В учебном пособии был раскрыт вопрос о роли российских университетов в формировании концепции социологического образования, обобщен опыт работы первых учебных заведений, в которых было введено преподавание социологии, проанализирована учебная литература по социологии, вышедшая в конце XIX – начале XX в.

К проблеме социологического образования подключился ряд авторов, которые, не будучи социологами, сумели социологизировать актуальные проблемы, стоявшие перед российским обществом в начале перестройки. Следует отметить работы проф. А.Х. Бурганова⁵⁵,

Под ред. чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко. – М., 1998; *Пригожин, А. И.* Современная социология организаций. – М., 1995; *Верховин, В. И.* Экономическая социология. – М., 1998; *Ионин, Л. Г.* Социология культуры. – М., 1996, 1998 и др.

⁵² *Баразова, Е. С.* Американская социология: традиция и современность. Курс лекций. – Екатеринбург, 1997; *Култыгин, В. П.* История русской социологии. Лекции по истории социологии. – М., 1994; *Кукушкина, Е. И.* Русская социология XIX – начала XX века. – М., 1993; *Голосенко, И. А., Козловский, В. В.* История русской социологии XIX – начала XX века. – М., 1995; *Громов, И. А., Макевич, А. Ю., Семенов, В. А.* Западная теоретическая социология. – СПб., 1996; *История социологии в России.* – Барнаул, 1991 и др.

⁵³ *Кукушкина, Е. И.* Социологическое образование в России XIX – начала XX века. – М., 1994. – 80 с.

⁵⁴ Там же. – С. 4.

⁵⁵ *Бурганов, А. Х.* Россия перед выбором. Восток? Запад? «Особый путь». – Казань, 1995; *Он же.* Философия собственности. – Самара, 1996; *Он же.* Откуда и куда идешь, Россия? – М., 1996.

его авторский курс лекций «Философия и социология собственности: российские реалии»⁵⁶, прочитанный в Российском государственном гуманитарном и Самарском университетах. В лекциях автор проанализировал идущую в стране реформу, а также показал студентам возможные варианты преобразования экономики страны, в том числе представил авторскую концепцию гражданской ответственности граждан в национальном богатстве.

Завершая краткий обзор учебно-методической литературы 1990-х годов, следует отметить тот факт, что социологическое образование в целом было достаточно хорошо обеспечено учебниками, пособиями, словарями, справочниками. Количественное насыщение образовательного рынка социологической литературой неизбежно породило проблему оценки ее качества, которая стала актуальной в 2000-х годах.

В 1990-е годы, после утверждения статуса социологии как самостоятельной науки и учебной дисциплины, началась новая дискуссия о социологическом образовании. Реальными предметами социологического исследования на рубеже веков оказались общественное сознание, ценностные ориентации, общественное мнение, социальное настроение, обмен информацией. Все это по-новому поставило вопрос о содержании и формах социологического образования, о переходе на неклассическую модель его реализации.

Проблемы социологического образования в теоретическом аспекте обсуждались на российских и международных конференциях: в 1991 г. – в рамках Всесоюзной научно-практической конференции, проводимой на базе Института социологии АН СССР; в 1994 г. – на международном конгрессе «Университет на пороге третьего тысячелетия: проблемы единства и многообразия»; в 1996 г. – на международной научной конференции, проходившей в Санкт-Петербургском государственном техническом университете; традиционно в течение 1990-х годов – на Ломоносовских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова⁵⁷.

⁵⁶ *Бурганов, А. Х.* Философия и социология собственности: российские реалии. – М., 2000.

⁵⁷ Актуальные вопросы теории и практики в социологии: Материалы Всес. науч.-практ. конф. Май 1991. – М., 1991; Ломоносовские чтения: социальные проблемы современного общества. Материалы ежегод. науч. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова. Апрель 1999. – М., 1999; Мировые модели взаимодействия

8.3. Первый опыт апробации новых моделей в российских вузах

В 1990-е годы быстрыми темпами шел процесс институционализации социологического образования. За период с 1989 по 2003 г. в России открылись 105 факультетов, отделений и кафедр социологии. Более 20 тыс. выпускников получили социологическую специальность, а на кафедрах преподавали социологию более 4 тыс. человек. Таким образом, за 15 лет произошел по существу стремительный «взлет» числа социологических подразделений, осуществляющих подготовку социологов, их стало больше почти в 20 раз. Примерно так же выросла и численность выпускников⁵⁸.

Реализация новой модели социологического образования предполагала преподавание курса социологии специалистам несоциологических специальностей. В Российском государственном гуманитарном университете (Москва) преподавание социологии началось в 1993/94 учебном году студентам 1-го курса дневного отделения Историко-архивного института. Целью курса стало ознакомление студентов с общими вопросами теории и истории социологии, обучение их технике организации и проведения социологических исследований. В программе курса были предусмотрены три раздела. Первый раздел «История социологических учений» давал представление о предмете, структуре социологии как науки; современной западной и русской социологических школах. Во втором разделе «Теоретическая социология» рассматривались проблемы построения и применения социологических теорий развития общества (его структуры, институтов) и личности. В третьем разделе «Прикладная социология» студенты были ориентированы на изучение конкретных вопросов внутригрупповых отношений, освоение техники проведения и организации социологических исследований⁵⁹. Программа учитывала

науки и высшего образования. Материалы межд. науч. конф. Июль 1996. – СПб, 1997; Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность. Материалы симпозиума. Март 1994. – М., 1994; Университеты на пороге третьего тысячелетия: проблемы единства и многообразия. – Международный конгресс. Октябрь 1994. – М., 1994.

⁵⁸ Добренъков, В. И., Зборовский, Г. Е., Нечаев, В. Я. Социологическое образование в России. М., 2003. – С. 67–68.

⁵⁹ Буланова, М. Б. Программа курса «Социология». – М., 1994. – 10 с.

и специфику преподавания курса в Историко-архивном институте: более глубоко раскрывались социологические проблемы исторического развития и изменения общества и личности. С учетом специализации части студентов по политологии во втором разделе курса было акцентировано внимание на социологическом анализе политической жизни общества. Организация и чтение курса были поручены кафедре философии и социологии хозяйства. Согласно концепции кафедры, чтение общего курса социологии студентам младших курсов не исключало возможности дополнения его в дальнейшем спецкурсами по отраслевым социологиям (историческая социология, политическая социология, социология культуры, социология управления и др.). В 1996 г. в РГГУ открылась общеуниверситетская кафедра социологии, несколько позднее появилось отделение социологии на философском факультете, а курс общей социологии стал читаться студентам всех специальностей.

Социологическое образование стало неотъемлемой частью учебного процесса не только в центральных российских вузах. Показателен опыт Нижнетагильского государственного педагогического института. В этом вузе в 1990-е годы была открыта специальность «История и социология». Опрос студентов этой специальности методом неформализованного интервью выявил следующие проблемы социологического образования⁶⁰. С одной стороны, изменилось отношение студентов к предмету социологии: две трети опрошенных считали, что главное, что им дает социология, – это информация об обществе и соответствующее мировоззрение. Только 5% отметили, что главное в обучении социологии – получить навыки прикладных исследований. С другой стороны, подавляющее число опрошенных считали, что акцент в преподавании социологических дисциплин надо ставить на практическую применимость полученных знаний. Поэтому наибольший интерес у студентов этого вуза вызвал не общий курс социологии, а спецкурсы по отраслевым социологиям. Только одна треть заинтересовалась методами и методикой количественных прикладных исследований. Интересно, что работать по специальности собирались четверть опрошенных студентов. Однако не исключались и другие варианты – «любая хорошо оплачиваемая работа».

⁶⁰ См.: Железнякова, С. И. Социологическое образование в педагогическом вузе: проблемы, перспективы // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Т. 1. – Пермь, 2000. – С. 232–234.

Введение преподавания социологии в вузах поставило вопрос о подготовке учебных программ курсов. Большую помощь в этой работе оказал журнал «Социологические исследования», открыв рубрику «Кафедра». На страницах журнала в течение 1990-х годов поделились своими программами по социологии и опытом преподавания этой дисциплины Г.Е. Зборовский, А.В. Воронов, И.А. Громов, А.М. Осипов, Н.С. Субочев и О.Н. Субочева, В.Д. Лагутин, А.Х. Айдосов, В.В. Емельянов и другие⁶¹.

Как пример разработки авторской программы можно представить курс «Социологии» Е.А. Дунаевой, доцента кафедры общественных наук Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева⁶². Программа акцентировала внимание студентов на проблеме социального взаимодействия, факторах социального развития. Особенностью данной программы являлось полное отсутствие раздела по истории социологии. Раздел I «Введение в социологию» давал представление о развитии социологии как науки. Раздел II «Методология, методика, техника социологического исследования» содержал сведения о структуре и элементах программы социологического исследования, принципах составления, типах и видах выборки. Раздел III «Субъекты социального процесса» включал темы: «Общество как социальная система», «Социальная стратификация», «Социальное взаимодействие», «Социальные институты», «Социальные организации», «Социальные движения», «Личность как субъект социального развития». Кроме программы, в методическом пособии приводились планы семинарских занятий, практикум по социологии, тематика рефератов и контрольных работ, указывалась литература по курсу. Конечно, можно было спорить по поводу содержания курса, но хо-

⁶¹ См.: Емельянов, В. В. Гуманитаризация высшего технического образования глазами студентов // Социологические исследования. – 1990. – № 5. – С. 123–125; Субочев, Н. С., Субочева, О. Н. Социология в вузе: два подхода к разработке учебной программы // Социологические исследования. – 1992. – № 8. – С. 47–52; Осипов, А. М. Социология в вузе: общее или особенное? // Социологические исследования. – 1993. – № 2. – С. 68–74; Лагутин, В. Д. Социология в педвузе // Там же. – С. 74–76; Айдосов, А. Х. Какая учебная программа нам нужна? // Там же. – С. 77–78; Зборовский, Г. Е. Социология в вузе: первые шаги // Там же. – № 1. – С. 31–42.

⁶² Дунаева, Е. А. Социология: Методические указания. – Тобольск, 1999.

телось бы отметить как положительный фактор стремление автора к самостоятельному осмыслению курса.

Основой социологического образования в России стали социологические факультеты университетов. Среди них ведущими являются социологический факультет МГУ и факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Решением коллегии Госкомитета СССР по народному образованию от 30 марта 1990 г. в составе специальности 02.03.00 «Социология» были предусмотрены следующие направления специализации: 02.03.01 – Теоретическая социология; 02.03.02 – История социологических учений; 02.03.03 – Методы социологических исследований; 02.03.04 – Социология образования; 02.03.05 – Социология труда и трудовых коллективов; 02.03.06 – Социология науки; 02.03.07 – Социология культуры; 02.03.08 – Социология политики; 02.03.09 – Социология управления; 02.03.10 – Социология международных отношений; 02.03.11 – Социология семьи; 02.03.12 – Социология здравоохранения; 02.03.13 – Социология образа жизни; 02.03.14 – Общественное мнение; 02.03.15 – Социальная информатика и моделирование. Квалификация, которую получали специалисты по окончании вуза, была определена следующим образом: «Социолог. Преподаватель социологии. Преподаватель социально-политических дисциплин в средних учебных заведениях»⁶³.

В соответствии с данным решением в структуре социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова были организованы 12 кафедр. Кафедра истории и теории социологии (завкафедрой проф. Добренев В.И.) отвечала за разнообразную социологическую подготовку студентов в области классической и современной социальной теории и истории социологической мысли. Преподаватели кафедры читали курсы и руководили исследовательской работой студентов по истории социологии (западной и российской), социальной философии, социальной теории и социальной психологии. Кафедра прививала своим студентам широкую социологическую культуру, знание классической и новейшей отечественной и зарубежной социологической

⁶³ О перестройке системы подготовки и использования кадров преподавателей общественно-политических дисциплин высших учебных заведений / Решение коллегии Госкомитета СССР по народному образованию № 5/2 от 30.03.1990 // Материалы по вопросам преподавания общественных наук. – М., 1990. – С. 51–58.

литературы, умение применять теорию к анализу социальной реальности в ее различных проявлениях.

Кафедра методики конкретных социологических исследований (завкафедрой проф. Харчева В.Г.) занималась изучением методологии и методов организации и проведения социологических исследований, обучая студентов новейшим технологиям решения современных социальных проблем. С этой целью, наряду с освоением классических методов сбора и анализа социологической информации, студенты кафедры овладевали современными практическими навыками, приемами и технологиями диагностики социальных явлений и процессов.

Кафедра социологии труда и трудовых коллективов (завкафедрой проф. Панкратов А.С.) осуществляла подготовку студентов в области новых технологий и инновационных процессов в сфере труда. Кафедра организовала чтение курсов по истории социологии труда, социологии управления (менеджменту), а также современным методам разрешения и регулирования трудовых конфликтов.

Кафедра политологии и социологии политических процессов (завкафедрой проф. Федоркин Н.С.) обеспечивала подготовку студентов в области истории социально-политических учений, истории и теории политической системы общества, политической психологии, новейших исследований политической сферы жизни общества.

Кафедра социологии международных отношений (завкафедрой проф. Цыганков П.А.) давала студентам знания в области теоретических проблем международных отношений, международной и межгосударственной конфликтологии. На кафедре разрабатывались проблемы внутренней и внешней политики государств, геополитики, глобализации, международного статуса и имиджа России.

Кафедра социологии культуры, образования и воспитания (завкафедрой проф. Минюшев Ф.И.) ставила основной задачей исследование проблем теории и истории культуры, образования, воспитания, взаимодействия культур в современном мире. Кафедра специализировала студентов по курсам социологии кино, маркетингу кино, художественной рекламе.

Кафедра социальной информатики (завкафедрой проф. Городиский Ф.Б.) обеспечивала математические знания студентов, а также их углубленную подготовку по широкому спектру проблем математического анализа социальных процессов. На базе кафедры были открыты два компьютерных класса, дающих студентам возможность

не только изучать теорию информатики, но и приобретать навыки программирования, компьютерной графики и моделирования.

Кафедра социологии семьи (завкафедрой проф. Антонов А.И.) осуществляла подготовку студентов по историческим и теоретическим аспектам семейных отношений в России и за рубежом, методам исследования семейных проблем, а также давала знания по демографии, психологии семьи.

Кафедра социологии организаций (завкафедрой проф. Бутрин Г.Н.) обеспечивала студентам знание проблем развития российских и зарубежных организаций всех типов собственности, а также перспектив совместных предприятий и представительств зарубежных компаний в России.

Кафедра социологии коммуникативных систем (завкафедрой проф. Цаголова Р.С.) обеспечивала подготовку специалистов в области теории коммуникации, а также прививала им навыки управления процессами коммуникации в организациях различного типа и уровня.

Кафедра экономической социологии (завкафедрой проф. Севрук М.А.) готовила специалистов в области истории и теории экономической социологии, социологии маркетинга и рекламы.

Кафедра государственного и муниципального управления (завкафедрой проф. Курбатов А.М.) осуществляла подготовку специалистов, владеющих навыками оптимизации государственного и муниципального управления.

В структуру факультета входили две межкафедральные научные лаборатории – социальных проблем современного общества и социальных технологий. Работа этих лабораторий создавала условия для социологической практики студентов⁶⁴.

Социологический факультет МГУ тесно сотрудничал с научными учреждениями РАН: Институтом социально-политических исследований, Институтом социологии, Институтом философии, Центральным экономико-математическим институтом, Институтом системных исследований, другими высшими учебными заведениями страны.

Такое мощное обеспечение учебного процесса кафедрами и лабораториями давало возможность по окончании социологического факультета присваивать студентам квалификацию «социолог» с

⁶⁴См.: Программы дисциплин учебного плана 020300 – Социология: Для высших учебных заведений. Предисловие. – М., 1997. – С. 5–8.

указанием конкретной специализации, в частности: специалист в области бизнеса и менеджмента; специалист в области рекламы и маркетинговых служб; специалист по государственному и муниципальному управлению; специалист по связи с общественностью; специалист по социологии международных отношений; специалист по социологии организаций⁶⁵.

Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова реализовывал многоуровневую подготовку специалистов по социологии (специалист, бакалавр, магистр). Срок обучения на дневном отделении факультета по программе «Специалист» составлял 5 лет. Обучение заканчивалось подготовкой и защитой дипломной работы по избранной специализации и государственным экзаменом по специальности. Желавшие могли продолжить обучение в аспирантуре и докторантуре.

Таким образом, новая перестроечная модель социологического образования ушла далеко от прежних узких рамок прикладной социологии. Социологи выпускались «специалистами по обществу» широкого профиля.

Предполагаемое трудоустройство социолога также трактовалось достаточно широко. Специалист-социолог мог работать в высших учебных заведениях в качестве преподавателя социологических дисциплин; в академических и отраслевых научно-исследовательских и проектных институтах, ведущих изучение социальных проблем и разработку конкретных проектов, связанных с социальными и техническими системами; в центральных, отраслевых, региональных исследовательских социологических центрах и службах по изучению общественного мнения; в учреждениях культуры, органах массовой информации и рекламы; в подразделениях социологических служб предприятий и объединений, государственных и коммерческих финансовых учреждениях; в государственных органах социального обеспечения, страховых компаниях, владеющих базами данных социальной информации; в органах государственного управления, занимающихся проектированием, прогнозированием различных явлений и процессов⁶⁶.

С момента своего возникновения в 1989 г. факультет превратился в ведущий российский центр по подготовке социологических кадров. К 1997 г. на факультете обучалось свыше 800 студентов из России

⁶⁵ Там же. – С. 8.

⁶⁶ Там же. – С. 8–9.

и других стран, в том числе на дневном отделении 600 человек, на вечернем отделении – более 200 человек. На факультете работали свыше 100 преподавателей, научных сотрудников – академики, профессора, доценты Московского университета, научных центров Москвы. Факультет готовил специалистов в области предпринимательства, маркетинга, менеджмента, государственного и муниципального управления, социальной работы⁶⁷.

Таким образом, на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, а также на других социологических факультетах российских университетов была реализована новая модель социологического образования. Это была модель, которая в рамках одной специальности «Социология» давала возможность широкой специализации и, следовательно, высокой вероятности трудоустройства выпускников по избранной специальности.

В 1990-х годах специальность «Социология» вводилась не только в гуманитарных, но и технических университетах. Примером может служить открытие данной специальности на гуманитарном факультете Пермского государственного технического университета. В 1990-х годах кафедра социологии и политологии провела три выпуска специалистов, учеников научной школы проф. З.И. Файнбурга⁶⁸.

К концу 1990-х годов потребовалось обобщить опыт реализации новой модели социологического образования в вузах страны. С этой целью автором в июне 1998 г. в Санкт-Петербурге, в ходе Всероссийской научной конференции «Социологическое образование в России: итоги и перспективы», был проведен экспертный опрос. Всего было опрошено 46 экспертов-социологов из вузов различных пород, центральных областей и регионов Российской Федерации. Исследование выявило две группы проблем реализации этой модели социологического образования.

Первая группа проблем относилась к общей потребности в социологическом образовании студентов несоциологических специальностей и школьников. С 1989 г. вузам разрешалось вводить преподавание общего курса «Социология» на факультативной или обязательной основе, учитывая профиль вуза, национальные и ре-

⁶⁷ Там же. – С. 3.

⁶⁸ Слюсарянский, М. А. Социологические исследования кафедры и лаборатории социологии ПГТУ в 90-е годы // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Т. 1. – Пермь, 2000. – С. 5–11.

гиональные особенности, интересы и пожелания студентов⁶⁹. Этим правом тогда охотно воспользовались многие вузы. 44 эксперта подтвердили, что в социологическом образовании нуждаются студенты всех специальностей – и технических, и гуманитарных.

В ходе опроса выяснилось, что общий курс социологии введен на всех факультетах, представленных экспертами, однако отношение к нему со стороны его организаторов и непосредственных участников разное. Эксперты оценили это отношение как заинтересованное со стороны руководства вузов (35 человек) и самих преподавателей курса (39 человек); как положительное со стороны студентов несоциологических специальностей (28 человек). Оценить отношение к учебному курсу социологии со стороны коллег – преподавателей профильных несоциологических дисциплин оказалось довольно сложным. Часть экспертов признала это отношение положительным (21 человек), другая часть – безразличным (10 человек). 11 экспертов затруднились ответить на этот вопрос. Очевидно, сказалась ситуация явной или скрытой конкуренции профильных и социологических дисциплин в подготовке специалистов высшей школы.

45 экспертов обозначили как актуальную потребность в непрерывном социологическом образовании, подтвердив, что его эффективность в вузе напрямую зависит от присутствия элементов социологии в обучении школьников на довузовской ступени. Однако за прошедшее десятилетие по решению Министерства образования РФ социология была лишена статуса обязательной дисциплины в учебных планах специалистов-несоциологов.

Вторая группа проблем реализации новой модели социологического образования была связана с процессом подготовки специалистов-социологов. Как и предполагалось, все эксперты единодушно признали профессию социолога значимой для российского общества. Однако опрос показал, что избирается эта профессия исходя, в основном, из духовных приоритетов, выводя на первые места такие критерии выбора, как «иметь интересную, нужную профессию» (28 человек); «иметь хорошее образование» (24 человека); «обладать достоверной информацией о современном обществе» (17 человек).

⁶⁹ См.: Приказ Госкомитета СССР по народному образованию № 685 от 22 августа 1989 г. «О перестройке преподавания общественных наук в высших учебных заведениях страны» // Материалы по вопросам преподавания общественных наук. – М., 1990. – С. 46–47.

Интересно, что данные экспертного опроса совпали с мнением студентов 1-го и 3-го курсов отделения социологии РГГУ, выявленным в результате исследования «Студенты-социологи о социологии» осенью 1999 г. Среди мотивации выбора профессии преобладала ориентация на преимущества социологии как науки, имеющей широкие возможности применения. Среди наиболее характерных ответов были такие: «Социология открывает широкий выбор дальнейшей деятельности»; «Социология – обобщение гуманитарных взглядов на общество»; «Социология привлекает как наука, ищущая закономерности общественных явлений»; «Выбрал социологию, так как хотелось работать с людьми»; «Социология – базовая совокупность знаний на стыке гуманитарных и негуманитарных наук»; «При выборе социологии интересовали мотивы поведения людей».

Такие критерии выбора профессии неизбежно сказывались на особенностях подготовки специалистов-социологов в вузах. По мнению экспертов, меньше всего подготовка была ориентирована на потребности российского рынка труда (9 человек), что, в свою очередь, порождало проблему институционализации специальности «Социология» в высшей школе (17 человек).

Материальная база обеспечения учебного процесса подготовки специалистов-социологов была оценена экспертами как удовлетворительная. Среди «провальных» показателей на первом месте оказалось плохое обеспечение компьютерной техникой, наличие которой очень важно для социологии как прикладной науки (18 человек). На втором месте – плохое состояние вузовских библиотек (15 человек), что отнюдь не было вызвано бедностью или отсутствием необходимой социологической литературы в вузах. Скорее, это была ситуация ограниченной материальной возможности вузов для ее приобретения.

Как показал опрос экспертов, ситуация с кадрами преподавателей социологии оставалась тревожной. Большинство из них пришли в социологию из других наук (в основном философских, исторических), поэтому их квалификация как социологов была большей частью результатом самообразования. С одной стороны, прошло слишком мало времени для массовой подготовки социологов-профессионалов. С другой стороны, выяснилось, что из всех экспертов за последние годы систему переподготовки и повышения квалификации прошли всего 11 человек. Несколько нивелировал ситуацию обмен опытом преподавания социологии с коллегами

российских вузов (23 человека – «да»; 21 человек – «да, от случая к случаю»).

По результатам проведенного тогда же опроса студентов 1-го и 3-го курсов РГГУ большинство из них свое будущее трудоустройство связывало с работой в PR-агентствах и маркетинговых компаниях. Интерес к профессии преподавателя социологии не высказал ни один студент, что неизбежно в будущем приведет к проблеме кадрового воспроизводства вузовских преподавателей.

Как показало исследование, большинство экспертов преподавание курса социологии приносит удовлетворение («в полной мере» – 24 человека, «отчасти» – 19 человек). Одна из причин такой ситуации – работа по авторским программам (26 человек), позволяющая творчески подойти к процессу социологического образования.

Третья группа проблем была связана с решением вопроса о преемственности в социологическом образовании. В первую очередь это касалось перенесения акцента в социологическом образовании на проблемы личности и ее деятельности в обществе. Для многих западных коллег субъективный метод, разрабатываемый русскими социологами, являлся своеобразным отличием русской социологической школы, признанием ее специфики. По выражению американского исследователя Ю. Геккера, субъективная школа являлась специфически русским направлением в социологии⁷⁰. Если обратиться к ситуации в российской социологии конца 90-х годов XX в., то, по мнению экспертов, «ее основным характерным признаком становится *антропоцентрический подход*, ибо современная эпоха выявила непреходящую и все возрастающую ценность человека и его деятельности. Именно такой подход является ... наиболее эффективным, чтобы понять происходящие эпохальные перемены накануне III тысячелетия»⁷¹. Такой подход традиционен для русской социологической школы, составляет ее особенность и отличие от многих школ и направлений западной социологии.

Еще одна проблема – выстраивание конструктивного диалога с западными коллегами. 15 экспертов ответом «да, от случая к случаю», отметили складывающуюся ситуацию обмена опытом преподавания социологии с коллегами из зарубежных вузов. Русским социологам,

⁷⁰ Hecker, J. F. Russian Sociology. – N.J., 1969.

⁷¹ Тощенко, Ж. Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 7.

как отмечал еще Н.И. Кареев, в преподавании социологии было свойственно стремиться не только к синтезу идей, но и к полемике с западной наукой⁷².

Современные исследования процесса преподавания социологии в вузах содержат данные, которые можно трактовать как отход от этой традиции. Так, Е.С. Баразгова отмечала: «Молодые социологи, усваивая веяния западной социологии, становятся в большей мере эпигонами, нежели создателями национальной социологической школы»⁷³. По этому же поводу Ж.Т. Тощенко писал о парадоксальной ситуации появления «российских (?)» учебников и учебных пособий, в которых ни разу не было упомянуто слово Россия»⁷⁴.

Для восстановления утраченных традиций важно было переболеть «примыкательством» (Р.В. Рывкина) и выстроить конструктивно-критическое отношение к концепциям западных коллег.

Наконец, еще одна проблема социологов – выработка самостоятельного подхода к оценке явлений российской действительности. Как отмечал Ж.Т. Тощенко, в 1990-х годах наблюдалось удивительное явление – «отсутствие аргументированных различий при трактовке базовых теоретико-методологических оснований, затрагивающих принципиальные вопросы, прежде всего, предмета и объекта социологии»⁷⁵. Конечно, в какой-то мере такая близость и общность взглядов современных российских социологов объяснялась долгим временем их «принудительно-добровольной» общности в рамках марксистской социологии. В этом смысле переход большинства экспертов к авторским программам преподавания социологии – серьезный шаг к возвращению традиций российской социологической школы.

Таким образом, проведенный экспертный опрос показал, что реализация новой модели социологического образования привела к необходимости внесения корректив в учебные планы с учетом выявившихся проблем. Для специалистов несоциологических специальностей эти коррективы были связаны с утверждением статуса социологии как самостоятельной дисциплины в системе социогумани-

⁷² Кареев, Н. И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1897. – С. 29.

⁷³ Баразгова, Е. С. Нетрадиционная социология в России? // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 121.

⁷⁴ Тощенко, Ж. Т. Указ. соч. – С. 4.

⁷⁵ Там же.

тарных дисциплин; смещением акцента в преподавании социологии с теоретического усвоения обновленного социологического знания на изучение возможностей его практического применения; развитием у студентов навыков и умений самостоятельной организации и проведения конкретных социологических исследований; формированием культуры социологического мышления как приоритетной задачи социологической подготовки студентов.

А для специалистов-социологов – с восстановлением утраченных традиций российского социологического образования, построением обновленного социологического знания, укреплением материально-технической базы подготовки социологов, подготовкой кадров социологов-преподавателей, решением проблем трудоустройства социологов-профессионалов.

Современное состояние социологического образования

9.1. Российская реальность начала XXI века

В первое десятилетие XXI века социологическое образование вступило достаточно уверенными темпами. В российских вузах работают более 300 кафедр социологии, подготовка социологов ведется на 150 социологических факультетах. Наряду с показателями роста, достигнутыми в предыдущее десятилетие, в развитии социологического образования обнаружилось некоторые противоречивые тенденции.

В 2000 г. на основе второго Государственного образовательного стандарта социология была лишена статуса обязательной базовой дисциплины, преподаваемой в российских вузах студентам всех специальностей. Как учебный курс по выбору социология стала зависеть от политики руководства вузов. Особенно сильно эта ситуация затронула технические вузы. В результате к 2006 г. учебное время, выделенное на преподавание социологии в непрофильных вузах, сократилось на 35%, а количество преподавателей-социологов – более чем на четверть¹. Вместе с тем социологическая составляющая образования в настоящее время играет важную роль в профессиональной подготовке технических специалистов. Профессиональная культура современного специалиста включает свободную ориентацию в потоке меняющейся информации, выбор социально безопасных способов решения технических задач, умение находить общественно приемлемые варианты выхода из проблемных ситуаций².

К трудностям роста можно отнести и растущую специализацию подготовки профессионалов-социологов. Подготовку по базовой

¹ Добренчиков, В. И. Качество социологического образования в современной России: вызовы времени и пути дальнейшего развития // Социологическое образование в России. – 2007. – № 1. – С. 14.

² Панина, Г. В. Образование как технологический ресурс общества высоких технологий // Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое. – М., 2008. – С. 256–258.

специальности «Социология» вузы осуществляли в рамках следующих специализаций: «Связь с общественностью», «Социология маркетинга», «Социальная антропология», «Социальная работа». Оставаясь направлениями социологической подготовки, эти специализации начали «дробить» и «размывать» профессиональное поле социологии. В результате нередко от студентов, поступивших на подготовку по специализации «Связь с общественностью», можно услышать: «Мы не социологи».

В профессиональном сообществе социологов в эти годы появилась проблема прикладной, рыночно-прагматической переориентации социологического образования. Нередко программы обучения социологов не учитывают сложившейся российской реальности, потребностей и интересов российского работодателя. Другой стороной обозначенной проблемы оказывается искусственная подстройка образовательных программ (особенно в негосударственных вузах) под интересы рынка, и тогда начинает страдать качество подготовки специалистов-социологов.

В 2003 г. Россия официально включилась в процесс построения общеевропейского образовательного пространства (Болонский процесс), приняв на себя обязательства по внедрению его основных положений в отечественную систему высшего образования. В октябре 2007 г. в России был принят Федеральный закон о централизованном переходе с 1 сентября 2009 г. на двухуровневое высшее образование по модели «бакалавр»–«магистр». Тем не менее реализация принципов Болонской декларации до сих пор носит очаговый характер. В ряде российских вузов осуществляется интенсивный переход на Болонскую модель высшего образования, однако есть и учебные заведения, которые только начинают включаться в этот процесс.

Эти тенденции актуализировали необходимость модернизации моделей социологического образования.

9.2. Модернизация моделей социологического образования

Государственный образовательный стандарт второго поколения предусматривал более сжатый (по сравнению с предыдущим стандартом) обязательный минимум содержания дисциплины «Социология»³. В минимум были включены следующие темы.

Предыстория и социально-философские предпосылки социологии как науки. Социологический проект Конта. Классические социологические теории. Современные социологические теории. Русская социологическая мысль.

Общество и социальные институты. Мировая система и процессы глобализации. Социальные группы и общности. Виды общностей. Общность и личность. Малые группы и коллективы. Социальная организация. Социальные движения. Социальное неравенство, стратификация и социальная мобильность. Понятие социального статуса.

Социальное взаимодействие и социальные отношения. Общественное мнение как институт гражданского общества. Культура как фактор социальных изменений. Взаимодействие экономики, социальных отношений и культуры.

Личность как социальный тип. Социальный контроль и девиация. Личность как деятельный субъект.

Социальные изменения. Социальные революции и реформы. Концепция социального прогресса. Формирование мировой системы. Место России в мировом сообществе.

Методы социологического исследования.

Реализация данного минимума предусматривалась в форме авторских лекционных курсов и разнообразных видов коллективных и индивидуальных практических занятий, заданий и семинаров по программам, разработанным в самом вузе и учитывающим региональную, национально-этническую, профессиональную специфику, а также научно-исследовательские предпочтения преподавателей, обеспечивающих квалифицированное освещение тематики дисциплины.

³ Требования (Федеральный компонент) к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра и дипломированного специалиста по циклу «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины» в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования второго поколения. – М., 2000. – С. 10.

лины. Особенно подчеркивалось, что содержание дисциплины «Социология» должно быть профессионально ориентировано с учетом профиля подготовки выпускников и содействовать реализации задач в их профессиональной деятельности⁴.

Принятие нового образовательного стандарта, а также опыт развития социологического образования, накопленный в предшествующие годы, привел к совершенствованию учебных программ и пособий по социологии.

В Государственном институте управления в 2000 г. проф. С.С. Фроловым была разработана программа курса социологии, предназначенная для студентов, изучающих социологию в качестве общеобразовательной дисциплины гуманитарного цикла⁵.

В пояснительной записке к программе подчеркивалось, что изучение социологии студентами всех специальностей необходимо и актуально в российском обществе, современный этап развития которого характеризуется резкими структурными изменениями, затронувшими важнейшие социальные институты. Социологическое знание для каждого специалиста, окончившего вуз, является необходимой базой, без которой невозможны формирование адекватной ориентации в многомерном социальном пространстве; определение собственной роли в сложных, противоречивых процессах и изменениях социальной системы; идентификация себя как полноправного члена общества; формирование активной гражданской позиции; расстановка приоритетов в ценностях и целях жизнедеятельности. Главная цель курса, которая была заявлена в программе, – обеспечение научно-информационной основы для формирования граждански грамотных и социально активных профессионалов⁶. В программе было предусмотрено изучение основных исторических этапов становления социологии как науки. Отрадно отметить тот факт, что в первой теме «Объект и предмет социологии. Структура социологии» был поднят вопрос о русской социологии, ее уникальности и особенностях развития⁷. Вопросы нормативной культуры рассматривались с точки зрения формирования личности и детерминации ее поведе-

⁴ См.: Там же. – С. 19.

⁵ Учебная программа по дисциплине «Социология» для студентов всех специальностей / Сост. проф. С.С. Фролов. – М.: ГУУ, 2000. – 17 с.

⁶ См.: Там же. – С. 3.

⁷ См.: Там же. – С. 8.

ния. Проблема структуры личности была соотнесена с факторами ее формирования, наличия взаимосвязей с социальным окружением. В программе были проанализированы процессы возникновения и функционирования социальных общностей, в том числе больших и малых групп, социальных организаций, социальных страт. Особо следует подчеркнуть теоретический характер программы, в ней были представлены основные современные социологические школы, теории и концепции. Данная программа не предусматривала знакомство студентов с методами организации и проведения социологических исследований. Работа студентов на семинарах была сосредоточена на глубокой самостоятельной проработке ключевых тем на основе анализа первоисточников социологической литературы, а также освоения современных публикаций оригинальной отечественной и зарубежной литературы. Отрадно, что в процессе разработки данной программы использовались главным образом отечественные научные труды, монографии и пособия по социологии. Основные положения данного курса были представлены в учебнике автора⁸. Всего курс был рассчитан на 52 часа: 34 часа лекционных и 18 часов семинарских занятий.

В Российском государственном гуманитарном университете в 2000 г. чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко, доц. И.Ю. Макеев, проф. В.Ф. Левичева, доц. М.Б. Буланова разработали программу курса «Социология» для студентов, изучающих основы социологии в качестве общегуманитарной и социально-экономической дисциплины⁹.

Программа предусматривала освоение базовых (основополагающих) элементов курса: теоретико-методологической части; исторического экскурса; программы, методов и техники социологических исследований; специальных (отраслевых) социологических теорий¹⁰. Особенностью курса был модульный характер его построения в зависимости от факультета, на котором он преподавался. Например, на экономическом факультете уделялось больше внимания экономической социологии и социологии труда; на факультете истории, политологии и права – политической социологии и социологии права; на историко-филологическом факультете – социологии духовной

⁸ См.: Фролов, С. С. Социология: Учебник для вузов. – М., 1999.

⁹ Социология. Программа курса / Сост. Ж.Т. Тощенко, И.Ю. Макеев, В.Ф. Левичева, М.Б. Буланова. – М., РГГУ. – 2000.

¹⁰ См.: Там же. – С. 3.

жизни; на факультете музеологии – социологии искусства. Предмет курса был определен как движущие силы сознания и поведения людей в конкретно-исторических условиях в процессе их противоречивого развития и функционирования. Целью курса являлось формирование представлений о социальных процессах, сознании и поведении людей, а также умений и навыков социологического анализа в профессиональной и индивидуальной деятельности студентов¹¹. В процессе преподавания курса решались следующие задачи: рассмотреть сущность, содержание, место социологии в социально-гуманитарном знании; раскрыть особенности функционирования социальных институтов, процессов и явлений; обучить студентов методам и средствам сбора и анализа социальной информации, а также возможности их применения в соответствующей профессиональной деятельности. К особенностям программы также можно было отнести ориентацию студентов на творческое применение полученных знаний в своей будущей профессиональной и общественной деятельности, а также тесную связь с другими, несоциологическими, курсами (управления, политологии, психологии, экономики). Сочетание теоретической и прикладной подготовки студентов отличало данную программу от представленной программы Государственного института управления. Традиционные формы организации работы студентов (семинарские занятия, подготовку рефератов, тестирование) дополняли учебно-исследовательские проекты студентов, включающие разработку программы и проведение самостоятельных социологических исследований. В процессе занятий использовались деловые и ролевые игры, анализ конкретных проблем и ситуаций. В основе программы лежал учебник Ж.Т. Тощенко «Социология»¹². Объем учебного времени по курсу для студентов различных специальностей определялся соответствующими пятилетними учебными планами специальностей, но в среднем составлял 32 часа.

В 2000-е годы переиздавались учебники, которые выдержали испытание временем и получили высокую качественную оценку не только со стороны студентов, но и преподавателей. Среди авторов таких учебников – Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая, Г.Е. Зборовский, А.И. Кравченко, Ж.Т. Тощенко, В.Н. Лавриненко, Г.В. Осипов, С.С. Фролов, В.Г. Харчева и другие.

¹¹ Там же.

¹² Тощенко, Ж. Т. Социология: Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1998.

Так, например, третьим изданием вышел учебник чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко «Социология»¹³, рекомендованный Министерством общего и профессионального образования для студентов высших учебных заведений. Принципиальной особенностью концепции автора данного учебника осталась трактовка объекта современной социологии как гражданского общества и предмета социологии как общественного сознания и поведения людей в конкретно-исторических условиях. В новое издание были введены новые главы, в ряд глав были внесены изменения, связанные с новым этапом развития российского общества. Эмпирическая информация была расширена и соотнесена с экономическими, социальными, политическими и духовными процессами. Издание было предназначено как для студентов-социологов, так и для студентов других специальностей¹⁴.

Было осуществлено второе издание монографии «Социология» академика РАН Г.В. Осипова¹⁵. Не имеющая статуса официального учебника, монография ведущего российского социолога содержала важные для социологической науки аспекты. В ней были подняты проблемы: предмета и метода социологии; социальных систем и социальных институтов; личности в контексте общественных отношений; основных условий и форм жизнедеятельности общества; парадигм его изменения и развития; методов и форм управления социологическими процессами. Оригинальным аспектом монографии являлась глава VII, в которой осмыслены идеологические представления общества и их актуализация в социальной деятельности людей¹⁶. Эта монография вполне могла быть использована в учебном процессе вузов для подготовки студентов по курсу социологии.

Стали появляться новые учебники и учебные пособия по социологии. С одной стороны, это было связано с введением второго поколения Государственных стандартов по социологическому образованию. С другой стороны, в новых изданиях необходимо было учесть накопленный за предыдущее десятилетие опыт социологического образования¹⁷.

¹³ Тощенко, Ж. Т. Социология: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.

¹⁴ См.: Там же. – С. 4–5.

¹⁵ Осипов, Г. В. Социология. 2-е изд. – М., 2008. – 384 с.

¹⁶ См.: Там же. – С. 314–345.

¹⁷ Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. Социология: Учебник. – М., 2001, 2002; Кравченко, А. И. Социология: Учебник. – М., 2001, 2002, 2003; Социология: Учеб-

Так, в 2003 г. появилось учебное пособие под общей редакцией проф. А.Ю. Мягкова «Социология. Основы общей теории»¹⁸. Подготовленное коллективом авторов, пособие написано для студентов, впервые знакомящихся с основами социологических знаний. Книга представляет собой систематическое изложение основных разделов курса в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта и с учетом многолетнего опыта работы, накопленного преподавателями кафедры социологии Ивановского государственного энергетического университета. В пособии обозначены наиболее важные темы курса социологии. Книга оснащена схемами, рисунками, таблицами, упрощающими студентам усвоение информации по темам. Каждая глава снабжена ключевыми понятиями, вопросами, литературой, основная часть которой – монографии, учебники, пособия отечественных социологов. К сожалению, в разделе «Персоналии. Пятьдесят великих социологов мира»¹⁹ обнаружился неполный, необоснованно краткий перечень отечественных социологов.

В 2000-х годах вышли учебные пособия, ориентированные на студентов гуманитарных вузов и факультетов. Среди них можно назвать учебное пособие проф. Г.А. Голубевой и чл.-кор. РАН А.В. Дмитриева «Социология» и учебное пособие проф. С.И. Григорьева и Ю.Е. Растова «Основы современной социологии»²⁰.

Так, во введении к учебнику С.И. Григорьева и Ю.Е. Растова подчеркивается, что большинство вузовских учебников и учебных пособий, авторами которых являются российские социологи, адресовано в одинаковой мере студентам всех факультетов и не учитывают специфику получаемых ими специальностей. Однако, как считают авторы, выпускники вузов должны акцентировать внимание на той социологической проблематике, которая непосред-

ник / Отв. ред. П.Д. Павленок. М., 2001, 2002; *Филатова, О. Г.* Социология: Учебник. – СПб., 2002; *Шаленко, В. Н.* Социология: Учебник для вузов. – М., 2003 и др.

¹⁸ Социология: Основы общей теории: Учеб. пособие / Под общ. ред. А.Ю. Мягкова. – М., 2003.

¹⁹ См.: Там же. – С. 200–241.

²⁰ См.: *Голубева, Г. А., Дмитриев, А. В.* Социология: Учеб. пособие для вузов. – М., 2004. – 224 с.; *Григорьев, С. И., Растов, Ю. Е.* Основы современной социологии: Учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов и факультетов. – М., 2002. – 256 с.

ственно связана с их будущей профессиональной деятельностью. «В идеале, от которого мы еще так далеки, но к которому высшее профессиональное образование стремится, должны быть написаны и изданы учебники типа “Социология для педагогов”, “Социология для юристов”, “Социология для инженеров-технологов”, “Социология для историков” и т. д.»²¹. Пособие адресовано студентам и аспирантам гуманитарных факультетов российских вузов. В нем учтено принципиальное отличие социологической подготовки гуманитариев от соответствующей подготовки студентов и аспирантов естественно-научных факультетов и факультетов точных наук. Оригинальность данного пособия состоит в том, что его содержание опирается, с одной стороны, на классическое социологическое знание, с другой – ориентирует преподавателей и студентов-гуманитариев на нетрадиционное, неклассическое социологическое знание, активно развивающееся в последнее десятилетие. В пособии речь идет об исторических и теоретических истоках социологии (гл. 1), парадигмальных, теоретико-методологических началах современной социологии (гл. 2), организационно-методических предпосылках современных социологических исследований (гл. 3), их методических основах – количественных (гл. 4) и качественных (гл. 5). Комплексное рассмотрение основ современной социологии призвано, по замыслу авторов, повысить уровень социологического образования выпускников гуманитарных факультетов, квалификацию этих выпускников в качестве потребителя социологической информации; возможных заказчиков этой информации; участников эмпирических исследований проблем, находящихся на стыке социологии с науками, создающими базу их специальности²². И еще очень важное для авторов замечание. Пособие ориентирует специалистов-гуманитариев на осмысление того, что происходит сегодня в России с человеком и обществом, их жизненными силами.

Интересен опыт подготовки учебных пособий для студентов негуманитарных специальностей. В качестве примера можно привести учебное пособие проф. Г.И. Козырева «Социология»²³, подготовленное к 15-летию образования кафедры социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева. Кстати, это один из немногих негуманитарных

²¹ Там же. – С. 4.

²² Там же. – С. 6.

²³ *Козырев, Г. И.* Социология: Учеб. пособие. – М., 2010.

вузов, выпускающих специалистов-социологов. Пособие состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен общим теоретическим и методологическим вопросам социологии. Во втором разделе рассматриваются общество, его социальная структура. Третий раздел анализирует основные социальные институты. В четвертом разделе рассмотрены наиболее интересные для студентов негуманитарных специальностей проблемы социального управления и социальных конфликтов²⁴. Оригинальность пособия в том, что в приложении дана разработка тем практических занятий, а также игр-тренингов. Например, к теме «Социология политики» дана игра-тренинг «Предвыборные дебаты различных политических блоков». В теме «Социальные конфликты» приведена игра «Супружеский конфликт», а также деловая игра «Конфликтная ситуация в комплексной бригаде строителей»²⁵.

Подготовка профессиональных социологов согласно Государственному образовательному стандарту второго поколения предусматривала следующие уровни: специалист, бакалавр и магистр. Большинство российских вузов в 2000-е годы реализовало форму подготовки специалиста-социолога. Однако возрастал интерес и ко второй форме – подготовке бакалавра и магистра социологии. Программа подготовки бакалавра социологии была рассчитана на 4 года очного обучения и включала следующие циклы: гуманитарных и социально-экономических дисциплин; общих математических и естественно-научных дисциплин; общепрофессиональных дисциплин; специальных дисциплин; факультативы. Представляет интерес содержание цикла общепрофессиональных дисциплин. Бакалавр социологии должен знать историю социологии (западной и российской); общую социологию; методологию и методику социологических исследований; социологию политики; демографию; социальную статистику; социальную антропологию; социальную психологию; социальную педагогику; социальное моделирование и программирование. Конечно, перечень дисциплин был очень сжатый, отличался широким охватом смежных с социологией «полей» родственных дисциплин. Программа предусматривала и национально-региональный компонент, устанавливаемый вузами, однако жестко ограничивала количество часов (до 300). Несколько больший объем учебного

²⁴ Там же. – С. 247–288.

²⁵ Там же. – С. 306–310.

времени отводился на специальные дисциплины и факультативы, их тоже устанавливал вуз²⁶.

Программа бакалавриата предусматривала продолжение образования в магистратуре по специальности «Социология», а также освоение в сокращенные сроки основных образовательных программ по специальностям: «Социология», «Социальная антропология», «Социальная работа», «Экономика», «Международные отношения».

Для подготовки специалистов-социологов в вузах в 2000-х годах были разработаны новые учебные пособия. В качестве примера можно привести учебное пособие проф. О.Н. Козловой «Социология»²⁷. В данном труде представлена концепция общества, в которой органично сочетаются классический, неклассический и постнеклассический подходы²⁸ к изучению социальных явлений в начале XXI в. Современное общество представлено в разных измерениях: в статике и динамике, в хозяйственном и политическом, этническом и поселенческом, гендерном и культурном аспектах. Оригинальность подхода автора состоит в том, что представления об относительности и изменчивости окружающего мира не исключают осознания его целостности и объективности, а понимание активной роли личности во всех социальных процессах предполагает ее ответственность за все происходящее в социуме. Основное внимание в книге уделено главной задаче социологического исследования – соединению разных аспектов социального знания в многогранную картину «настоящего общества»²⁹ в условиях кризиса традиционных представлений, глобализации и постмодерна. Автор позволяет студентам увидеть в социологии не только современный экономико-технологический инструмент достижения индивидуального успеха, но и универсальную методологию понимания общих тенденций современной жизни.

Необходимо отметить возросшее количество учебников для подготовки профессионалов-социологов по истории социологии, не

²⁶ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 521200 «Социология». Степень (квалификация) – бакалавр социологии. – М., 2000. – С. 11–14.

²⁷ Козлова, О. Н. Социология: Учеб. пособие. – М., 2004. – 320 с.

²⁸ Там же. – С. 44–49.

²⁹ Там же. – С. 90–94, 116–118, 138–147, 185–190, 209–216, 242–247, 267–271, 293–297.

только западной, но и российской³⁰. Так, в 2004 г. вышло учебное пособие под редакцией проф. Е.И. Кукушкиной «Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века)»³¹. Книга дает представление об истории зарождения социологии в России, а также процессе ее развития в советский период и постсоветское время. В конце учебного пособия отражено современное состояние основных отраслей (социологии семьи, социологии образования, военной социологии, социологии организаций). Каждая глава оснащена списком обязательной и дополнительной литературы, вопросами для самопроверки и примерными темами рефератов, курсовых и дипломных работ. В книге отражено начало социологического образования в России, в частности рассмотрена концепция социологического образования, проанализированы первые формы подготовки социологов в России³². Оригинальной является глава 11, посвященная опыту знакомства с русской социологией на Западе³³.

Кстати, у современных историков социологии появилась потребность в подготовке общего курса по истории социологии, не содержащего внутреннего деления на западную и российскую социологию. Первый опыт издания пособия подобного типа представляет учебник проф. Е.И. Кукушкиной «История социологии»³⁴. В русле единой мировой социологии прослежена история взаимоотношений между российской и западной социологией. Подобное изложение материала снимает невольное искажение реальной истории мировой социологии, возникающее у студентов вследствие того, что они сначала изучают западную социологию (от истории до современности), а потом – российскую. Нередко в студенческой аудитории профессионалов-социологов можно было услышать утверждение, что российская социология вторична по отношению к западному аналогу. С выходом данного пособия справедливость была восстановлена, и скорее речь может идти не о вторичности, а об особенностях, противоречивости,

³⁰ Култыгин, В. П. Современные зарубежные социологические концепции. Учебник. – М., 2000; Фирсов, Б. М. История советской социологии. 1950–1980 гг.: Курс лекций. – СПб., 2001; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. – М., 2004 и др.

³¹ Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века).

³² Там же. – С. 236–263.

³³ Там же. – С. 263–285.

³⁴ Кукушкина, Е. И. История социологии: Учебник. – М., 2009.

внутренней сложности опыта возникновения, становления, развития российской школы социологии.

Продолжали издаваться учебно-методические материалы по общей социологии, прикладной социологии, по отраслевым социологиям³⁵. Всем этим изданиям присуща, с одной стороны, детализация исследований, с другой – эти пособия представляют своеобразный опыт «нового прочтения». Среди изданий последнего времени наблюдается борьба за качество, за умение заинтересовать социологической проблематикой как студентов и аспирантов, так и более широкую научную общественность³⁶.

Как пример учебного пособия нового типа можно привести вышедший под редакцией чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко «Тезаурус социологии»³⁷. Издание реализует две цели – научно-познавательную и учебно-методическую. В основе «Тезауруса» лежит концепция «социологии жизни», которая получила обоснование в работах Ж.Т. Тощенко. В книге, во-первых, дано логически последовательное изложение основополагающих социологических понятий, исходя из концепции «социологии жизни». Во-вторых, «Тезаурус» представляет руководство как для практикующих социологов, так и для будущих профессионалов, ибо в реальной повседневной практике они оперируют именно этими понятиями и категориями³⁸. Тезаурус можно назвать учебным пособием нового типа, так как он отражает научную и прикладную потребность в познании социальных процессов и явлений в соци-

³⁵ Ковалева, А. И. Личность и общество: Учеб. пособие. – М., 2001; Сорочкина, Н. Д. Образование в современном мире. Социологический анализ. – М., 2004. – 224 с.; Кижеватова, В. А. Этика социолога-исследователя и консультанта: Учеб. пособие. – Ульяновск, 2005. – 124 с.; Тощенко, Ж. Т. Социология труда: опыт нового прочтения. – М., 2005; Осипов, А. М. Социология образования. Очерки теории. – Ростов н/Д, 2006.

³⁶ Качанов, Ю. Социология социологии: антитезисы. – М., 2001; Кардина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М., 2000; Ключаев, Г., Огарев, Е. Непрерывное образование в условиях трансформации. – М., 2002; Ковалева, А. И., Рейт, М. Н. Социализация неслышащей молодежи. – М., 2001; Колесников, А., Привалов, А. Новая русская идеология: хроника политических мифов. 1999–2000. – М., 2001 и др.

³⁷ Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М., 2009.

³⁸ Там же. – С. 3–4.

логическом ключе. Оно нужно тем, кто работает в области социологии, чтобы в сжатом и концентрированном виде представить «поле» данной науки. Тезаурус нужен тем, кто интересуется социологией и стремится расширить свой кругозор. В данной информации испытывают потребность коллеги из других отраслей знания, работающие «на стыке» специальностей. Наконец, это издание необходимо тем, кто впервые приступает к изучению социологии.

Итак, в целом учебно-методическая литература по социологии 2000-х годов потеряла темпы количественного роста 1990-х, но приобрела неоспоримое преимущество – «оттачивать» отдельные грани науки, наполняя социологическое образование более качественными исследованиями.

Вопросы социологического образования рассматривались на всех прошедших в 2000-х годах социологических конгрессах, в ходе работы секций по проблемам социологического образования. Так, на первом Всероссийском социологическом конгрессе «Общество и социология: новые реалии и новые идеи», прошедшем в сентябре 2000 г. в Санкт-Петербурге, были рассмотрены следующие проблемы социологического образования: пути инновации социологического образования; дисциплинарный статус социологии; современная ситуация в российских вузах; проблемы и перспективы социологического образования; методы активизации работы студентов на занятиях по социологии; опыт чтения отдельных социологических курсов; возможности применения банка социологических исследований в социологическом образовании³⁹.

На втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы», прошедшем в 2003 г., были подняты такие проблемы социологического образования, как взаимосвязь социологического образования и науки; способы модернизации высшего социологического образования; современные задачи социологического образования; личные качества специалиста-социолога; формирование социологической культуры; информатизация социологического образования; инновационные тенденции в социологическом образовании⁴⁰.

³⁹ Социология и общество: Тезисы докладов первого Всероссийского социологического конгресса. – СПб., 2000.

⁴⁰ Тезисы докладов и выступлений на втором Всероссийском социологическом конгрессе. – М., 2003. – С. 490–524.

На третьем Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России», состоявшемся в 2006 г., были рассмотрены проблемы специфики социологического образования; его структуры, доступности и ценности; качества социологического образования; инноваций в образовании. Рассмотрен конкретный опыт социологического образования в различных российских вузах⁴¹.

Таким образом, новые вызовы реальности 2000-х годов привели к модернизации моделей социологического образования. Согласно второму Государственному образовательному стандарту, дисциплина «Социология» стала курсом по выбору, возникла новая задача повышения качества социологического образования для представителей несоциологических специальностей. Для того чтобы быть востребованным, помимо общего освещения социологической проблематики, курс социологии должен учитывать конкретный профиль подготовки специалистов. Кроме того, модернизация модели социологического образования социологов-профессионалов была связана с распространением трех уровней подготовки – специалистов, бакалавров и магистров. Последние формы нуждались в координации в связи с реализацией в вузах положений Болонской декларации.

9.3. Опыт реализации моделей в деятельности высшей школы

Массовое распространение социологического образования в России, развернувшаяся работа по созданию и внедрению Государственного образовательного стандарта третьего поколения, вхождение России в Болонский процесс актуализировали проблему качества социологического образования. Это коснулось не только внедрения пяти основных социальных компетентностей в программу социологического образования. Повсеместно идущая в российских вузах смена программ подготовки специалиста на программы подготовки бакалавра и магистра акцентировала проблему содержания образования. В первую очередь ответа требует вопрос, с какой ступени

⁴¹ Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России». – М., 2006.

можно говорить о полной профессиональной подготовке социолога. Этот вопрос волнует не только научную и педагогическую общественность, но и российского работодателя. Пока чаще всего он воспринимает диплом бакалавра как вариант незаконченного высшего образования. Между тем по положению вводимого в настоящее время третьего Государственного образовательного стандарта бакалавр – профессионал, вполне подготовленный для практической деятельности в обществе. Вузы по-разному отреагировали на требования реализации модернизированной модели социологического образования.

Процесс внедрения новых информационных технологий в социологическое образование – реальная практика современных вузов по всей стране, свидетельствующая о модернизации модели подготовки специалистов-социологов.

На факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета применяются новые информационные технологии преподавания теоретической социологии с использованием возможностей сети Интернет как на уровне бакалавриата, так и магистратуры⁴². В действующей лаборатории социальных коммуникаций создана база для поддержки учебных курсов по визуальной социологии и антропологии, визуальным коммуникациям, визуальным методам изучения повседневной культуры. Посредством социологической и антропологической интерпретации кино-, видео- и фотопродукции студенты исследуют различные коды коммуникации, овладевают технологией создания фильма и научно-популярной телепередачи. В лаборатории реализуется проект междисциплинарной магистерской программы «Визуальные исследования». На базе лаборатории действует кино клуб неигрового кино «Киноглаз». Одним из важнейших направлений работы лаборатории является создание фильмотеки неигрового кино.

В Волжском политехническом институте имеется опыт разработки многомерного электронного учебника по социологии, адаптированного (предусматривающего несколько алгоритмов обучения) к конкретному уровню знаний студента. Это особенно интересно для преподавания социологии как общеобразовательного курса.

⁴² См.: Головин, Н. А., Завьялов, В. В. Введение в преподавание социологии с использованием новых информационных технологий: Учеб. пособие и хрестоматия. – СПб., 2006.

Практически во всех российских вузах складываются условия для применения Интернета в профессиональной подготовке социологов. Это электронные библиотеки (средство накопления и распространения информационных и методических ресурсов), образовательные порталы (как средство получения информации для образования и решения актуальных задач в любой сфере), комплекс тестирования и контроля знаний, электронный лабораторный практикум, тренажерный комплекс для самостоятельной работы, медиатека (как средство разработки и тиражирования электронных учебных материалов, пособие для индивидуальных и коллективных форм подготовки). Социологи заинтересованы использовать интернет-пространство с точки зрения получения первичной информации для анализа быстро протекающих социальных процессов, а также для организации профессиональных коммуникативных связей – информационных социологических порталов, форумов, блогов, интернет-конференций. Кроме того, существуют практики проведения эмпирических социологических исследований в Интернете (интерактивные экспертные опросы, фокусированные он-лайн и офф-лайн интервью)⁴³.

В Российском государственном гуманитарном университете внедрена новая модель социологического образования, опирающаяся на традиции в области социологического образования и использующая пятнадцатилетний опыт подготовки специалистов-социологов. Данная модель включает несколько основных положений⁴⁴.

1. Подготовка социолога должна базироваться на широком фундаменте всех социальных и гуманитарных наук. Это требование полностью отвечает традиции российского социологического образования. Будущему социологу необходимо знать весь комплекс социальных наук, включающий философию, историю, экономику, политологию, культурологию, право, психологию. К сожалению, в действующих стандартах такого полного выбора не предусмотрено.

2. Знакомство с основными положениями естественных наук, а также серьезная математическая подготовка. В РГГУ практикуется следующий алгоритм изучения математики: на первом курсе читается «Введение в математику», предваряющее изучение на по-

⁴³ См.: Буланова, М. Б. Новые информационные технологии в социологическом образовании // Социологические исследования. – 2010. – № 5.

⁴⁴ См.: Тощенко, Ж. Т. Чему учить социолога и с чего начинать // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 54–61.

следующих курсах таких дисциплин, как «Дифференциальное и интегральное исчисление», «Теория вероятностей», «Математическая логика», «Теория измерений». Как показывает практика, выпускники факультета в дальнейшем не испытывают серьезных затруднений, когда приступают к математической обработке социологической информации.

3. *Усвоение комплекса дисциплин, которые касаются только социологии.* Реализация данного положения предусматривает несколько шагов.

Первый шаг – теория, сконцентрированная в курсе «Общая социология», предполагающая усвоение того, что является объектом и предметом социологии, ее задачами, функциями. Чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко отмечает: «Принципиальной особенностью современной концепции социологии является трактовка ее объекта как гражданского общества и предмета социологии как общественного сознания и поведения людей в конкретно-исторических условиях. Это подтверждается и практикой конкретных исследований. Их предметом в современной социологии стало изучение состояния и тенденций реального общественного сознания, реального поведения (деятельности) людей в условиях определенной социальной среды»⁴⁵.

Второй шаг в усвоении социологии – это ее методология и методы познания социальной реальности. Важно помнить, подчеркивает Ж.Т. Тощенко, что «строго говоря, социология имеет дело не с самой реальностью, а с восприятием этой реальности отдельными индивидами, социальными группами и слоями»⁴⁶. Для этого она выработала конкретные приемы и инструменты, с помощью которых производится сбор информации с последующим ее анализом и интерпретацией. Реализацию этого шага обеспечивает курс «Методология и методы социологических исследований». По данному курсу студенты РГГУ создают учебно-исследовательские проекты, призванные подготовить их к составлению в будущем самостоятельных программ социологических исследований.

Третий шаг – усвоение генезиса идей в истории социологии. Появление социологии как науки отражает качественный этап в истории человечества, когда каждый человек становится субъектом исторического процесса. Осмыслению особенностей этого этапа под-

⁴⁵ Там же. – С. 56.

⁴⁶ Там же.

чинен обстоятельный (три семестра) курс «История социологии», включающий историю зарубежной и российской социологии.

Четвертый шаг – конкретизация социологии, анализ социальных проблем основных сфер общественной жизни. И, соответственно, чтение курсов по экономической и политической социологии, социологии духовной и социальной жизни.

Последний шаг – анализ реальных, актуальных, острых, насущных конкретных проблем социальной жизни общества в рамках специальных социологических теорий – социологии молодежи, социологии города, социологии права, социологии образования, этносоциологии и др.

Студент оттачивает полученные теоретические знания и практические навыки в ходе социологической практики: сначала ознакомительной, потом профессиональной, а на последнем курсе – педагогической.

Такая модель подготовки социолога-профессионала построена на соединении научного (теоретического) и прикладного характера социологического знания. В рамках такой модели можно предложить новые разработки, осуществить поиск новых подходов, в том числе приглашение коллег-социологов на мастер-классы. Хорошо сочетается предложенная модель и с требованиями нового (третьего) Государственного образовательного стандарта отводить 50% учебного времени федеральному компоненту, а остальное – университетской инициативе. Это дает каждому университету, каждому конкретному коллективу возможность вложить в процесс подготовки социологов свою специфику, свои предпочтения и ответить на запросы рынка труда.

В рамках перехода на систему подготовки «бакалавр» – «магистр» интересен опыт Российского университета дружбы народов, где подготовка социологов по этой системе ведется (впервые в практике социологического образования) с 1993 г.⁴⁷

Организация учебного процесса по новой модели имеет ряд особенностей. Первая – *внедрение нелинейной структуры учебного плана и создание возможностей для самостоятельного построения студентами индивидуальных образовательных траекторий.* При

⁴⁷ См.: Нарбут, Н. П., Подвойский, Д. Г., Пузанова, Ж. В., Цык, В. А. Опыт применения принципов Болонского процесса в социологическом образовании // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 129–139.

этом учитываются требования действующего Государственного образовательного стандарта. Перед началом каждого семестра студент изучает подробные описания курсов, подготовленные преподавателями и размещенные на факультетском портале, слушает установочные лекции, советуется с консультантом по направлению (тьютором). Далее осуществляется выбор дисциплин и формируется индивидуальный учебный план на семестр, не подлежащий в дальнейшем изменению. Каждая дисциплина имеет определенный «вес», измеряемый в кредитах, благодаря чему учитывается совокупная учебная нагрузка, приходящаяся на одного студента в семестр. Особое внимание уделяется внеаудиторной (самостоятельной) работе студента (до 50% времени), которая осуществляется под контролем преподавателя, ведущего дисциплину. Многие дисциплины в целях оптимизации временных затрат и лучшего усвоения материала преподаются в интенсивном «модульном» режиме. Желающие завершить образование в бакалавриате, а также сомневающиеся в выборе большинства дисциплин имеют возможность заниматься по типовому учебному плану, специально созданному с учетом требований, предъявляемых к специалистам данного уровня. Тем студентам, которые планируют в дальнейшем продолжить обучение в магистратуре, рекомендуется при формировании учебного плана учитывать содержательные особенности своей будущей специальности⁴⁸.

Вторая особенность – *существенное повышение уровня учебно-методической работы кафедры*. Имеющиеся в Сети описания авторских курсов гораздо совершеннее предшествующих методичек, к тому же студент при желании может найти массу сопутствующих учебных и научных материалов, показывающих личные достижения преподавателя в его профессиональной области.

Третья – *более четкий и последовательный контроль знаний*. Основной принцип оценки знаний студентов – балльно-рейтинговый. Большинство работ, за которые студент получает оценку, он выполняет письменно. Оценка выставляется ему по результатам работы в течение всего курса. Контроль знаний студентов связан с применением компьютерных технологий: создана специальная компьютерная система учета успеваемости, у каждого студента есть электронная зачетка, размещенная на портале.

⁴⁸ Там же. – С. 130.

В университете давно закончена дискуссия о том, считать ли бакалавриат полноценной формой высшего образования. По мнению преподавателей, студенты-бакалавры получают основной багаж профессиональных знаний и поэтому при окончании университета чувствуют себя компетентными и конкурентоспособными специалистами⁴⁹.

В магистратуру поступают далеко не все из выпускников-бакалавров, а лишь те, кто ориентирован на занятия серьезной исследовательской деятельностью. На кафедре социологии РУДН ведется подготовка по трем направлениям магистратуры: «Социологическая теория: история и современность», «Социология управления», «Современные методы и технологии в изучении социальных проблем общества». В ходе обучения студентам предлагаются спецкурсы и спецсеминары, укладываемые в русло трех предлагаемых образовательных траекторий⁵⁰.

Исходные, стартовые позиции для построения образовательных траекторий задаются обязательными дисциплинами общепрофессионального цикла (ОПД): общая социология; история социологии; методология и методика социологического исследования. Обязательными являются и некоторые отраслевые дисциплины, например социология управления. От этой «базы» векторы расходятся в трех направлениях, соответствующих специализации. Формируются ориентировочные списки учебных предметов по выбору для трех траекторий.

Предлагаемые кафедрой образовательные траектории имеют разную целевую направленность. Специализация «Социологическая теория: история и современность» предполагает подготовку кадров, востребованных главным образом в вузах и академиях. Поэтому особый упор здесь делается на фундаментально-теоретической составляющей социологического знания, что предполагает в первую очередь углубленное изучение первоисточников. Специализация «Современные методы и технологии в изучении социальных проблем общества» является научно-исследовательской и одновременно практически ориентированной, поэтому заказ на специалистов в данной области формируют организации, занимающиеся проведением прикладных социологических и маркетинговых исследований.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. – С. 131.

Для таких специалистов приоритетны знания методик и техник сбора, обработки и анализа данных, применяемых в эмпирической социологии. Направление «Социология управления» нацелено на подготовку кадров социально-инженерного профиля. В его рамках осуществляется подготовка специалистов в области менеджмента и управленческого консультирования, ориентированных на работу как в государственных организациях федерального, регионального и местного уровней, так и в частных компаниях, бизнес-структурах. Практика социально-инженерной деятельности, научно обоснованное принятие управленческих решений, стратегическое планирование в организациях разного типа, урегулирование трудовых конфликтов – таковы профессиональные навыки и умения выпускников данного направления⁵¹.

Студенты РУДН проходят два вида практики – производственную и педагогическую. Завершается учебный процесс защитой дипломной работы и государственным экзаменом. По окончании бакалавриата выпускники получают дипломы бакалавра социологии с приложением дипломов европейского образца (Diploma Supplement). Подготовка и написание магистерской диссертации занимает все два года обучения в магистратуре и сопровождается промежуточными отчетами в форме публично защищаемых реферата (1-й семестр) и автореферата (2-й семестр), а также выступлениями в рамках работы на методологическом семинаре.

Конечно, проблемы при реализации данной модели есть. Это соотнесение учебного плана с Государственным образовательным стандартом; соотношение часов аудиторной нагрузки и индивидуальной работы студента; информационное обеспечение учебного процесса; студенческая мобильность; конкуренция преподавателей; выборность предметов; методика расчета заработной платы преподавателей. Однако коллектив РУДН уверен, что можно и нужно работать в новых условиях.

Новая модель социологического образования в рамках Болонского процесса реализуется в Государственном университете – Высшей школе экономики⁵². Факультет социологии ГУ-ВШЭ образован в 1999 г., но первый набор на специальность «Социология» был произ-

⁵¹ Там же. – С. 133.

⁵² Инновации в социологическом образовании: Опыт факультета социологии ГУ-ВШЭ. – М., 2008. – С. 123.

веден в 1996 г. На факультете работают три базовые кафедры, ведущие подготовку по программам «бакалавр» и «магистр». Факультет готовит социологов-аналитиков широкого профиля. Особый упор делается на параллельном освоении студентами социологических и экономических дисциплин. Освоение теоретических курсов сочетается с большим объемом практических занятий.

Например, при подготовке бакалавров кафедра общей социологии столкнулась с необходимостью существенно изменить структуру и методику преподаваемых дисциплин. Наряду с фундаментальными курсами общей социологии и истории социологии (включая современные социологические теории) возникла целая «линейка» новых экспериментальных курсов-факультативов. Эти курсы отвечали следующим требованиям: ориентированность на области знания, которые популярны в студенческой среде; включение в курс элементов различных дисциплин; опора на мультимедийность, включенность в Интернет и другие телекоммуникации; привлечение внимания к ГУ-ВШЭ. Например, курс «Социологическое воображение – визуальная социология. Практикум» объединяет две дисциплины – социологию и фотографию. В курсе представлены особенности работы социолога с фотокамерой, раскрываются методы социологического анализа фотографий. Домашними заданиями по этому курсу являются коллективные и индивидуальные «экспедиции» в город с целью сбора визуальной информации и ее последующей обработки. Другой курс в данном ряду – «Кино как социологический текст». Программа курса включает просмотр и социологический анализ 12 классических и современных кинофильмов. Предметом обсуждения становятся различия между реальной жизнью и ее кинематографическим отображением. Большой популярностью среди студентов пользуется курс «Социология музыки и музыка в рекламе», который посвящен социологическому и искусствоведческому анализу музыкальных текстов и их использованию в рекламе. Отдельную категорию составляют курсы, читаемые на английском языке. Например, курс «Theories of Globalization» (Теории глобализации). В структуру курса включен просмотр и анализ фильма «Матрица», а также многочисленные мультимедийные проекты. Кроме того, в практику постепенно внедряются учебные курсы, которые проводятся в режиме телеконференции. По мнению проф. Н. Покровского, использование телеконференций в процессе обучения студентов открывает неограниченные возможности для креативного формирования современ-

ного преподавания. Такой режим позволяет объединить в системе единого виртуального учебного пространства различные вузы, лаборатории, учебные центры⁵³.

На факультете социологии ГУ-ВШЭ реализуются магистерские программы: «Прикладные методы социального анализа рынков», «Комплексный социальный анализ», «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций», «Демография». Успешная деятельность магистратуры в новых условиях зависит от решения нескольких проблем. Одна из них: можно ли подготовить квалифицированного магистра из бакалавра, обучавшегося по другой специальности? Если в магистратуру поступает основная часть выпускников бакалавриата данного факультета, то никакого принципиального отличия от системы подготовки специалиста нет, кроме того, что прибавляется один год обучения. Однако часть бакалавриата составляют те, кто пришел в магистратуру, разочаровавшись в своей специальности или в поисках «чего-то нового». Можно ли из них сделать профессионалов-социологов за два года обучения? Еще одна проблема: если бакалавр – специалист среднего уровня, тогда его изначально надо учить иначе, чем будущего «полноценного» социолога. Для него многие фундаментальные знания будут избыточны, и в то же время ему будет не хватать каких-то прикладных дисциплин. При таком подходе у тех, кто поступает в магистратуру, возникает новая проблема. В магистратуре нужно готовить из профессионалов среднего уровня людей с полным университетским образованием. И, наконец, магистратура формируется как платная форма обучения. По идее в нее должны идти наиболее подготовленные и талантливые студенты, но что если они не смогут оплатить обучение? Без решения данных проблем нельзя рассчитывать на успех образовательной траектории «бакалавр»–«магистр» в российских вузах⁵⁴.

Реализация модернизированной модели социологического образования по-новому ставит вопрос о взаимодействии социологического образования и рынка труда. Прояснить этот вопрос пытались на

⁵³ См.: Покровский, Н. Е. Преподавание социологии в эпоху кризиса гуманитарного знания // Инновации в социологическом образовании: Опыт факультета социологии ГУ-ВШЭ. – С. 23–34.

⁵⁴ Сусоколов, А. А. Некоторые проблемы внедрения принципов Болонской конвенции (по материалам исследования «Мониторинг участия российских вузов в Болонском процессе») // Там же. – С. 87–106.

социологическом факультете в Российском государственном социальном университете. По данным исследования профессиональных стратегий выпускников социологического факультета РГСУ, проведенном в 2008 г.⁵⁵, нет оснований говорить о негативно складывающейся для социологов ситуации на рынке труда. Для выпускников социологических факультетов традиционными областями занятости остаются педагогическая и академическая деятельность. В последнее время появляются места и в региональном управлении (например, в правительствах Москвы и Московской области созданы отделы социологического анализа). Существует потребность в кадрах социологов в структурах, оказывающих различные социологические услуги. Их сегодня в стране примерно 500, в Москве – около 200. Но чаще социологи востребованы коммерческими структурами, где они используют знания по методике и методологии исследований и работают в СМИ, маркетинге, рекламе, отделах по связям с общественностью, управлению персоналом и т. п. По мнению профессора Г.И. Осадчей, «для преодоления неопределенности запросов рынка труда к социологическому образованию нужен глубокий анализ этого рынка, спроса на социологов-профессионалов, создание новых рабочих мест, повышение престижа профессии»⁵⁶. И еще один аспект – представление о наборе компетенций, которыми выпускник-социолог должен обладать. Как подчеркивает Г.И. Осадчая, современная модель социолога-профессионала должна включать три группы компетенций: профессиональные, общие и социальные⁵⁷. *Профессиональные компетенции* определяются той миссией, которую социология как наука и прикладная деятельность призвана выполнять в обществе. Программы подготовки бакалавров и магистров ориентируются на предоставление студентам «взвешенного» знания, включающего и теорию, и прикладные знания, умения и навыки, глубокое знание методологии и методики социологического исследования.

Исследователи рынка труда утверждают, что в половине рабочих мест, где трудятся молодые люди, получившие высшее образование, требуется применение не столько специальных знаний, сколько

⁵⁵ Осадчая, Г. И. Заметки о социологическом образовании в России: рефлексия новых требований общества // Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 102–107.

⁵⁶ Там же. – С. 104.

⁵⁷ Там же. – С. 104–105.

общих компетенций. Главное требование к выпускнику – уметь динамично перенастраиваться на новые программы, владеть базовыми умениями, общим уровнем культуры. При развитости этой группы компетенций не будет проблем при разработке новых проектов, организации и планировании своей деятельности, применении знаний на практике.

В подготовке социолога очень важны и *социальные компетенции.* Они связаны с теоретической и социальной толерантностью, умением сочувствовать людям, готовностью и способностью использовать результаты исследований в их интересах, а не в корыстных интересах корпораций, власти. Конечно, реализация модели социолога-профессионала требует перестройки инфраструктуры социологических факультетов. Для этого требуются: поддержание в хорошем состоянии специальных классов и аудиторий для овладения современными методиками и технологиями сбора информации, профессионального общения; закупка новых программных продуктов; создание локальных сетей; размещение на серверах информационных материалов, превращение их в многоцелевые информационные порталы, обеспечивающие информатизацию учебного процесса и научной работы; оборудование офисов для каждого преподавателя⁵⁸.

Таким образом, реализация модернизированных моделей социологического образования происходит в российских вузах в различных формах. Данная ситуация связана с действием двух тенденций: с одной стороны, включением российского образования в общеевропейское образовательное пространство. С другой стороны, интенсивными поисками вузов собственной специфики подготовки профессионалов-социологов в условиях трансформирующегося российского общества.

⁵⁸ Там же. – С. 106.

Перспективы социологического образования в России в XXI веке

Социологическое образование в России прошло сложный, противоречивый путь. Решая задачи утверждения статуса новой науки, социологи разработали и реализовали несколько моделей социологического образования.

Предтечей социологического образования в России было социологическое просвещение. Это соответствовало утверждению одного из основателей социологии, Н.И. Кареева, о существовании так называемого публицистического, «журнального» периода развития русской социологии.

Просветительские модели, разработанные в конце XIX в., полностью отвечали международному опыту и накопленной к тому времени практике преподавания социологии. Концептуально они опирались на теорию позитивизма, что соответствовало научным убеждениям их создателей – М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева. Свою апробацию на практике данные модели получили в 1901–1905 гг. в деятельности Высшей школы общественных наук в Париже.

Теоретические просветительские модели были модернизированы М.М. Ковалевским, Н.И. Кареевым и Е.В. де-Роберти. Опыт реализации этих моделей был обобщен и представлен в виде *единой профессиональной позитивистской модели* в деятельности первой кафедры социологии в Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева.

Неопозитивистская профессиональная модель российского социологического образования появилась в первые годы советской власти. При ее разработке был учтен опыт создания и реализации позитивистской модели, а также накопленный международный опыт. Концептуально она опиралась на теорию неопозитивизма, которую разделяли ее создатели П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев. Данная модель была опробована на кафедрах социологии, входивших с 1919 по 1922 г. в состав факультетов общественных наук (ФОНов) Московского, Петроградского, Ярославского государственных университетов.

В период 20-х годов XX века шел процесс приспособления неопозитивистской модели социологического образования к запросам

практики построения социализма. Этот процесс закончился переходом к новой, марксистской, модели.

Марксистская модель российского социологического образования была разработана еще в начале 1920-х годов как альтернативная модель существующей, как «новый путь» развития науки и образования. Ее концептуальной основой был марксизм в творческом прочтении автора – Н.И. Бухарина. За оригинальность взглядов Н.И. Бухарина назвали теоретиком пролетарской социологии, которую он сам считал высшей формой социологического знания. Варианты марксистской модели были представлены работами И.П. Разумовского и С.А. Оранского. На вузовских кафедрах общественных наук в этот период шел творческий поиск оптимальной модели преподавания марксистской социологии.

С 30-х годов XX в. марксистская модель получила две модификации. Одна (внутренняя) в концептуальном отношении ушла в сторону догматизации марксизма с воинствующим отношением ко всей немарксистской социологии. Эта модель была адаптирована И.В. Сталиным к задачам построения социализма. Ее реализация привела к внедрению в средние и высшие учебные заведения знаменитой «трехчленки»: диалектический материализм, исторический материализм, научный коммунизм. Необходимо подчеркнуть, что исторический материализм в течение всего советского периода выступал в роли официальной социологии советского общества с идеологической нагрузкой – быть «единственно верным учением».

Другая модификация (внешняя) в концептуальном отношении дала сплав марксизма с неопозитивизмом и в виде русской модели социологического образования была внедрена теми представителями русского зарубежья, которые продолжали преподавательскую деятельность за границей. Яркими представителями этой группы явились П.А. Сорокин и Н.С. Тимашев.

В период «оттепели», в 1960-е годы, советская социология начала движение в сторону изучения и использования международного опыта социологического образования. Однако этот опыт внедрялся лишь частично, с акцентом на развитие прикладной части социологии. В российских вузах шел сложный процесс модернизации существующей марксистской модели. Постепенно социология начала трактоваться как наука, которая занимается организацией и проведением конкретных социологических исследований. На практике это привело в 1970-х годах к открытию кафедр конкретных

социологических исследований. На этих кафедрах студентам ряда специальностей стали читать спецкурсы по общей и прикладной социологии. В 1980-е годы процесс институционализации социологического образования пошел более интенсивно. С 1984 г. на отделениях прикладной социологии в Московском и Ленинградском государственных университетах началась подготовка социологов-профессионалов. Постепенно процесс охватил и другие российские университеты.

В начале перестройки, в 1990-е годы, происходил поиск новых моделей социологического образования. Своеобразие ситуации заключалось в том, что, с одной стороны, вузы были ориентированы на западный опыт, с другой – появилась потребность в изучении отечественных традиций в области социологического образования. На вызов обязательного социологического образования российские вузы ответили по-разному. Представленные ими модели сочетали просветительскую и профессиональную, теоретическую и прикладную подготовку специалистов.

В настоящее время идет процесс модернизации существующих моделей социологического образования. Экспертный опрос, проведенный автором с разрывом в десять лет (в 2000 и в 2010 г.), позволяет сделать вывод об эффективности процесса модернизации социологического образования. Однако этот процесс происходит в российских вузах в различных формах.

Данная ситуация связана с действием двух тенденций: включением российского образования в общеевропейское образовательное пространство в рамках Болонского процесса и интенсивными поисками в вузах собственной специфики подготовки профессионалов-социологов в условиях трансформирующегося российского общества. Другими словами, в той степени, в какой происходит унификация программ подготовки социологов-профессионалов, обостряется и проблема поисков уникальной формы и практики реализации этих программ в российских университетах. В этом плане знание «линейки» моделей российского социологического образования позволяет увидеть общие тенденции и понять основы собственного варианта модернизации подготовки социолога-профессионала.

Перспективы социологического образования в XXI в. представляются оптимистичными. Глобальная проблема выживания всего человечества в проекции на современное социологическое образование состоит в разработке конкретного механизма выживания

отдельного человека. В первую очередь через уменьшение доли неопределенности его индивидуального будущего за счет вычисления наиболее желаемых и реальных перспектив социального развития, а также через формирование человека социологически грамотного, адаптированного к жизни в сложной, постоянно меняющейся действительности. Сказанное не означает, что в самом социологическом образовании нет проблем, в нем тоже происходит подчас мучительный поиск более совершенных путей и технологий познания социальной реальности.

В России как никогда остро стоит вопрос о получении профессионального социологического знания в условиях существования множества теоретических парадигм, используя которые можно по-разному интерпретировать одни и те же факты и события. С одной стороны, это помогает охватить социальную реальность во всей ее многогранности, с другой – снижает ценность полученной информации, так как всегда может возникнуть сомнение в ее истинности.

Особенностью социологического образования в России является достаточно напряженное сочетание в нем академических и прикладных аспектов. Прикладные исследования, в отличие от теоретических изысканий, не прекращались и в советский период. Однако инструментарий, которым владеют социологи-практики, все же нуждается в значительном пересмотре и дополнении в связи с социально-экономическими и политическими трансформациями, происходящими в современном российском обществе.

Еще одна особенность социологического образования сегодня – проникновение его элементов в подготовку экономистов, психологов, юристов, историков, политологов, филологов, социальных работников, философов. Это не столько «размывает границы» социологии, сколько способствует овладению частью социологических знаний и методов специалистами всех названных специальностей. Конечно, их знания в области социологии далеки от профессиональных, но достаточны для понимания необходимости тесного сотрудничества с социологами в решении социальных проблем.

Кроме того, в настоящее время распространение социологического образования в России привело к появлению ряда парадоксальных явлений.

С конца 1990-х годов в российском обществе усилился интерес к социологии как науке, повысился престиж профессии социолога. Вместе с тем, особенно в последнее время, в обществе наблюдается

недоверие к данным социологических исследований, публикуемым в средствах массовой информации. В общественном мнении социолог чаще воспринимается как специалист, выполняющий «социальный заказ».

Вместе с ростом интереса к профессии социолога повышается конкурс в российских вузах на специальность «Социология» (как в столичных, так и в региональных), тогда как работать по специальности собираются не более половины выпускников, и в этом плане социологическое образование подстерегает та же ситуация, что сложилась в высшем образовании вообще.

Расширение подготовки специалистов-социологов затронуло не только университеты, имеющие соответствующие факультеты, но и технические вузы. Вместе с тем эта ситуация обострила конкуренцию между вузами в вопросах качества и специфики полученного их выпускниками социологического образования.

Абитуриент, поступая в российский вуз на специальность «Социология», выдерживает достаточно высокий конкурс. Данная ситуация позволяет выпускнику-социологу надеяться быть востребованным на рынке труда. Однако современный работодатель в массе демонстрирует отсутствие понимания специфики данной профессии, подменяя ее близкими, но отнюдь не тождественными профессиями маркетолога, специалиста по PR и рекламе.

Высшая школа готовит специалистов-социологов, ориентированных в основном на работу в условиях российской действительности. Вместе с тем вооружает выпускников мощным багажом знания западных теорий и концепций, не применимых в предстоящей им деятельности.

В настоящее время вузы добились ощутимых успехов в борьбе за качество подготовки специалистов-социологов. Но в то же время на ступени поствузовского образования до сих пор остается высокой доля кандидатов социологических наук, не имеющих базового образования по социологии. Это, с одной стороны, показывает растущую привлекательность социологии как науки для представителей других специальностей. Однако, с другой стороны, порождает тревогу за продвижение отечественных научных разработок в сфере социологии.

Одним из показателей качества поствузовского социологического образования является умение соискателя использовать обширный и разнообразный инструментарий для обработки и интерпретации полученных данных. Вместе с тем практика защиты кандидатских

и докторских диссертаций соискателями несоциологических специальностей показывает возможность формирования «эмпирической базы» диссертации исключительно на основе результатов опроса соискателем своих собственных студентов.

В общественном сознании по отношению к перспективам социологического образования наблюдается своеобразная дихотомия: находятся аргументы как «за», так и «против». Причем сторонники социологического образования ссылаются на необходимость развития и укрепления социологической культуры российского общества. Противники с таким же пылом говорят, что социологи «путаются в своих цифрах и пугают неискушенных граждан процентами».

Таким образом, социологическое образование в современном российском обществе находится не только в фазе модернизации, но и на рубеже выявления и преодоления «болевых точек», обозначенных парадоксальными явлениями.

Введение

- Голосенко, И. А.* Социология в дореволюционной России // *Философские науки*. – 1988. – № 1. – С. 48–56.
- Кареев, Н. И.* Основы русской социологии. – СПб., 1996.
- Козловский, В. В.* Дилеммы дореволюционной российской социологии // *Российская социология. Историко-социологические очерки*. – М., 1997.
- Миненков, Г. Я.* Введение в историю российской социологии. – Минск, 2000.
- Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. – М., 2004.

Раздел 1

- Бороноев, А. О.* М.М. Ковалевский – первый русский социолог // *Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – Т. 1. Социология*. – СПб., 1997.
- Бороноев, А. О.* Социологическая публицистика П.А. Сорокина // *Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени*. – СПб., 1999.
- Гамбаров, Ю. С.* Социологические основания института «negotiorum gestio». – М., 1880.
- Гольцев, В. А.* Из воспоминаний и переписки // *Русская мысль*. – 1893. – № 11.
- Де-Роберти, Е.* Социология. – СПб., 1880.
- Ивановский, В. В.* Социология как наука и как предмет преподавания во Франции // *Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1)*. – М., 1997.
- История философии в СССР* / Под ред. В.Е. Евграфова, М.Т. Иовчука: В 5 т. – М., 1971. – Т. 4.
- Кареев, Н. И.* Основы русской социологии. – СПб., 1996.
- Кареев, Н. И.* Памяти Н.К. Михайловского как социолога // *Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии: В 2 т. – Т. 2*. – СПб., 1998.
- Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое. – Л., 1990.
- Кареев, Н. И.* О сущности гуманитарного образования // *Историко-философские и социологические этюды*. – СПб., 1899.
- Кареев, Н. И.* Взгляд на современное состояние социологии // *Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1)*. – М., 1997.

- Кареев, Н. И.* Введение в изучение социологии. 2-е изд. – СПб., 1907.
- Ковалевский, М. М.* Социология на Западе и в России // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997.
- Ковалевский, М. М.* Русская высшая школа общественных наук в Париже // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997.
- Ковалевский, М. М.* Понятие генетической социологии и ее метод // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – Т. 1. Социология. – СПб., 1997.
- Ковалевский, М. М.* Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997.
- Ковалевский, М. М.* Задачи русской высшей школы общественных наук // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997.
- Ковалевский, М. М.* Моя жизнь // История СССР. – 1969. – № 4.
- Ковалевский, М.* Социология и сравнительная история права // Вестник воспитания. – 1902. – № 2.
- Козловский, В. В.* Социологическое наследие Николая Михайловского // Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии: В 2 т. – Т. 1. – СПб., 1998.
- Кукушкина, Е. И.* Социологи и публицистика // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 126–134.
- Кукушкина, Е. И.* Социология и публицистика // Вестник Московского университета. – Сер. 18 «Социология и политология». – 2005. – № 1.
- Кукушкина, Е. И.* Социологическое образование в России XIX – начала XX в. – М., 1994.
- Кулакова, И. П.* У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. – 2002. – № 2.
- Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 107, 599.
- Ленинский сборник. – Т. XIX. – С. 223.
- Ловягин, А. М., Вольтер, Э. А.* Социобиблиологический институт. Цели и задачи социологической библиологии. – Пг., 1918.
- Милюков, П. М.М.* Ковалевский как социолог и как гражданин // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный, общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917.
- Милюков, П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – Т. 2. Ч. 2. – М., 1994.
- Муромцев, С.* Что такое догма права? – М., 1880.
- Новиков, Н. В.* Проекты социологизации. Программа московской группы // Российская социология: Историко-социологические очерки / Отв. ред. А.О. Бороноев, В.В. Козловский. – М., 1997. – С. 224–240.

- Новые идеи в социологии: Сборник статей. Вып. 1–4. – СПб., 1913–1914.
- Письмо П. Сорокина // Правда. – 1918. – № 252. – 21 нояб.
- Плеханов, Г. В.* Избранные философские произведения: В 5 т. – М., 1956–1958. – Т. 1.
- Русская высшая школа в Париже. Список главных курсов 1902/03 учебного года // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997.
- Русская высшая школа в Париже. Лекции профессоров. – СПб., 1905.
- Семенов, Е.* Высшая русская школа в Париже // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997.
- Семлали, Ю., Рубанов, В. Л.* Штрихи к биографии и социологической доктрине Е.В. де-Роберти // Социологические исследования. – 2006. – № 8.
- Сорокин, П. А.* Дальняя дорога. – М., 1992.
- Сорокин, П. А.* Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя // М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли / Под ред. А.О. Бороноева. – СПб., 1996.
- Хопров, В. П.* Высшая русская школа общественных наук в Париже // Социология в России XIX – начала XX в. (вып. 1). – М., 1997.
- Шевырев, С. П.* Обзорение столетнего существования Императорского Московского университета // Вестник высшей школы. – 1992. – С. 106–109.

Раздел 2

- Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 801. – Л. 29–34об., 59–61, 85–104, 106–120; Ф. 733. – Оп. 145. – Д. 97. – Л. 165–165об.; Оп. 156. – Д. 681. – Л. 70, 80–84об.; Оп. 205. – Д. 81. – Л. 4–7об.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.) – Ф. 2555. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2об., 3, 3об., 4, 9об., 10–11об., 12, 12об., 13–13об., 14; Д. 98. – Л. 125–126.
- Государственная дума. 3-й созыв. Стенографические отчеты 1908 г. Сессия 1. Ч. 3: заседания 61–98 (с 7 мая по 28 июня 1908 г.). – СПб., 1908. – Стб. 2433.
- Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907–08 гг. Сессия 3: Заседания 1–44 (1 ноября 1907 г. – 5 июля 1908 г.). – СПб., 1908. – Стб. 1930.
- Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1908–1909 acad. год; I год. – М., 1909.
- Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1914–1915 acad. год; VII год. – М., 1915.

- Акимченко, М. А., Шершеневский, А. М.* История института им. В.М. Бехтерева (на документальных материалах). – Ч. 1. – СПб., 1999.
- Басовская, Н. И., Крушельницкий, А. В.* Традиции и альтернатива в университетском образовании России // Гуманитарные науки. – М., 1995.
- Бехтерев, В. М.* О задачах Психоневрологического института. – СПб., 1908.
- Бехтерев, В. М.* Автобиография. – М., 1928.
- Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. – 1916. – Вып. 5.
- Воробьева, Ю. С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. – М., 1994.
- Воробьева, Ю. С.* Как был создан университет имени Шанявского // Вопросы истории. – 1977. – № 8.
- Гервер, А. В.* Отчет о состоянии и деятельности Психоневрологического института за 1911 г. – СПб., 1913.
- Де-Роберти, Е. В.* Задачи социологии. Прочитано на торжественном открытии Психоневрологического института в Петербурге 3 февраля 1908 г. // Вестник знания. – 1908. – № 7–8. *Де-Роберти, Е.* Новая постановка основных вопросов социологии. Избранные труды / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2008.
- Де-Роберти, Е. В.* Общая социология. Программа курса, читаемого в Психоневрологическом институте на общеобразовательном факультете // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. – Т. IX. 1912. – Вып. 1.
- Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое. – Л., 1990.
- Кареев, Н. И.* Проект главных оснований общего устава высших учебных заведений. – Одесса, 1905.
- Кареев, Н. И.* Какой нам нужен университетский устав? // Право. – № 172. – 3 (16) сент.
- Кареев, Н. И.* Должно ли окончание курса в высшей школе давать какое-либо право? // Там же. – № 173. – 4 (17) сент.
- Кареев, Н. И.* Как нужно было бы организовать прохождение курса высшей школы // Там же. – № 175. – 6 (19) сент.
- Кареев, Н. И.* Какое положение в высшей школе должны занимать ее студенты? // Там же. – № 176. – 7 (20) сент.
- Кареев, Н. И.* В каких формах желательнее правильное общение профессоров и студентов // Там же. – № 177. – 8 (21) сент.
- Кареев, Н. И.* В чем может осуществляться академическая свобода для студентов // Там же. – № 178. – 9 (22) сент.

- Кареев, Н. И.* Не пора ли высшей школе широко открыть двери не для одних студентов? // Там же. – № 179. – 10 (23) сент.
- Кареев, Н. И.* Чем должна быть в идее высшая школа? // Там же. – № 180. – 11 (24) сент.
- Кареев, Н. И.* Должно ли существовать раздельное преподавание для мужчин и женщин? // Там же. – № 183. – 14 (27) сент.
- Кареев, Н. И.* Высшая школа после 1861 г. // Страна. – 1906. – № 1.
- Кареев, Н. И.* Из истории наших университетских уставов // Там же. – № 4.
- Кизеветтер, А. А.* Университет имени Шанявского // На чужой стороне: Ист.-лит. сб. 3. – Берлин; Прага, 1923 г.
- Ковалевский, М. М.* Предисловие // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – СПб., 1997. – Т. 1. Социология.
- Ковалевский М.М.* Современные социологи // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – СПб., 1992. – Т. 2. – 415 с.
- Ковалевский, М. М.* Социология // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. – СПб., 1997. – Т. 1.
- Московский городской университет имени А.Л. Шанявского. Отчеты (за 1908–1915 гг.). – М., 1909–1916.
- «...Начинание на благо и возрождение России»: Создание университета имени А.Л. Шанявского: Сб. документов / Под ред. Н.И. Басовской, А.Д. Степанского. – М., 2004.
- О новом университетском уставе (Мнение проф. Н.И. Кареева) // Биржевые ведомости. – 1905. – № 1005. – 31 авг.
- Сорокин, П. А.* К вопросу об эволюции и прогрессе: Доклад, прочитанный в Психоневрологическом институте в семинарии профессора Е.В. де-Роберти. – СПб., 1911.
- Сорокин, П. А.* Дальняя дорога. Автобиография. – М., 1992.
- Сперанский, Н. В.* Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Ист. справка. – М., 1913.
- Тимирязев, К. А.* Академическая свобода // Наука и демократия. – М., 1963.
- Учебный план Психоневрологического института за 1-й семестр 1908 г. // Акимченко М.А., Шершеневский А.М. История института им. В.М. Бехтерева (на документальной основе). – Ч. 1. – СПб., 1999.

Раздел 3

Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР). – Ф. 602. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 1–4.

Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). – Ф. 1609. – Оп. 1. – Ед. хр. 219. – Л. 2–12; Ед. хр. 34. – Л. 17; Ед. хр. 8. – Л. 11, 43; Ед. хр. 163. – Л. 33; Ед. хр. 227. – Л. 1–5; Ед. хр. 221. – Л. 10–12; Ед. хр. 488. – Л. 1–6; Ед. хр. 494. – Л. 5; Ед. хр. 386. – Л. 2–3; Оп. 6. – Ед. хр. 10. – Л. 1–2; Ед. хр. 9. – Л. 2–5; Ед. хр. 6. – Л. 34–37.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). – Ф. Р-7240. – Оп. 14. – Д. 16. – Л. 75об., 76–77; Д. 19. – Л. 28–31; Д. 16. – Л. 88.

Архив Санкт-Петербургского университета. – Д. 1865/15; Д. 1957/78.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-2307. – Оп. 23. – Д. 74. – Л. 2–3об.; Ф. А-298. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 25, 47об.; Ф. А-2306. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 115–118об.

Государственный архив Ярославской области. – Ф. Р-51. Оп. 1. – Ед. хр. 40. – Л. 5, 33; Ед. хр. 41. – Л. 3, 4, 27; Ед. хр. 17. – Л. 6; Ед. хр. 91. – Л. 21, 22; Ед. хр. 16. – Л. 57; Ед. хр. 39. – Л. 153; Ед. хр. 95. – Л. 126; Ед. хр. 94. – Л. 17об, 18., 92; Ед. хр. 13. – Л. 53–54, 111; Ед. хр. 9. – С. 143.

Голосенко, И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. – СПб., 2002.

Добреньков, В. И., Кравченко, А. И., Гутнов, Д. А. Социологическое образование в России. – М., 2009.

Кареев, Н. И. Социология г-на Тахтарева // Русское богатство. – 1917. – № 4–5. – С. 32–48.

Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990.

Кареев, Н. И. Основы русской социологии. – СПб., 1996. – Гл. 6.

Клушин, В. И. Борьба за исторический материализм в Ленинградском государственном университете (1918–1925). – Л., 1970.

Мандель, С. З. Культурно-просветительская деятельность ученых Петроградского университета в первые годы Советской власти // Очерки по истории Ленинградского университета. – Т. 1. – Л., 1962. – С. 201–237.

О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук. – Пг., 1919.

Обзор преподавания на общедоступных университетских курсах, организованных Петроградским университетом. – Пг., 1918.

Система социологии. Программа курса К.М. Тахтарева. Петроградский университет (1920–1921 гг.) // Тахтарев К.М. Социологические труды / Под ред. А.О. Бороноева. – СПб., 2006. – С. 487–492.

Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. – Ярославль, 1920.

Сорокин, П. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // Общедоступный учебник по социологии: Статьи разных лет / Под ред. В.В. Сапова. – М., 1994.

Сорокин, П. Дальняя дорога. – М., 1992.

Тарасов, Е. П. Из истории Ярославского государственного университета (1918–1924 гг.) // Вестник Ярославского университета. – 1972. – № 1. – С. 7–11.

Тахтарев, К. М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи и метод. – Пг., 1917.

Тахтарев, К. М. Социология как наука: Введение в общий курс социологии, читанный слушателям Психоневрологического института и курсам Лесгафта. – Пг., 1916.

Тахтарев, К. М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и метод. – Пг., 1919.

Тахтарев, К. М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии // Тахтарев К.М. Социологические труды / Под ред. А.О. Бороноева. – СПб., 2006.

Учебный план социально-экономического отделения Петроградского ФОНа // Добреньков В.И., Кравченко А.И., Гутнов Д.А. Социологическое образование в России. – М., 2009. – Приложение III. – С. 735–736.

Хвостов, В. М. Предмет и метод социологии // Вопросы философии и психологии. – 1909. – Кн. 99.

Хвостов, В. М. Социология: Исторический очерк учений об обществе. – Ч. 1. – М., 1917.

Хвостов, В. М. Классификация наук и место социологии в системе научного знания // Вопросы философии и социологии. – М., 1917. – Кн. 139–140.

Хвостов, В. М. Социальная связь // Вопросы философии и социологии. – М., 1918. – Кн. 141–142.

Хвостов, В. М. Основы социологии: Учение о закономерностях общественных процессов. – М., 1920.

Хвостов, В. М. Теория исторического процесса. – М., 1914.

Раздел 4

- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 119. – П. 39. – Д. 14.
- Вестник ФОНа. – 1922. – № 1. – 1923. – № 2.
- Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. – М., 1931.
- Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. – М., 1963.
- Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. – Париж, 1930.
- Народное просвещение. – 1921. – № 76–78. – 20 янв.
- Красное студенчество. – 1928–1929. – № 3–4.
- Научный работник. – 1927. – № 11.
- Правда. – 1920. – 23 дек.
- Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1920. – № 93. – Ст. 503.
- Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1921. – № 12. – Ст. 79; № 19. – Ст. 117, 119.
- Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1922. – № 75. – Ст. 929.
- Фронт науки и техники. – 1935. – № 9.
- Бухарин, Н. И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. – М., 2008.
- Голенкова, Э. Т.* Курс истории русской социологии (магистерская программа). – М., 2006.
- Гортер, Г.* Исторический материализм. – М.; Пг.: Коммунист. – 1919.
- Иванова, Л. В.* У истоков советской исторической науки: Подготовка кадров историков-марксистов: 1917–1929. – М., 1968.
- История Московского университета. – М., 1955. – Т. II.
- Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое. – Л., 1990.
- Кареев, Н. И.* Основы русской социологии. – СПб., 1996. – Гл. 6.
- Кареев, Н. И.* Марксистская социология // Мир России. – 1992. – № 1.
- Кареев, Н. И.* Письмо в редакцию Малой советской энциклопедии об отношении к Карлу Марксу // Исторический архив. – 2002. – № 6. – С. 169–175.
- Научный работник. – 1927. – № 11.
- Ленин, В. И.* – Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 320.
- Ленин, В. И.* – Полн. собр. соч. – Т. 54. – С. 233.
- Ленин, В. И.* – Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 51–52.

- Лукин, Н. М.* ФОН и его задачи // Вестник ФОНа. – 1922. – № 1.
- Покровский, М.* Академический центр Наркомпроса // Народное просвещение. – 1921. – № 80. – 20 марта. – С. 3–5.
- Покровский, М. Н.* К вопросу о высшем социально-экономическом образовании // Научный работник. – 1925. – № 1.
- Покровский, М. Н.* Воспоминания о Ленине. – М., 1933.
- Сафразьян, Н. Л.* Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.). – М., 1987.
- Сорокин, П. А.* О русской общественной мысли. – СПб., 2000.
- Удальцов, А.* Очерк истории Социалистической академии (1918–1922 гг.) // Вестник Социалистической академии. – 1922. – № 1.
- Факультет общественных наук (ФОН) Первого Московского государственного университета. – М., 1925.

Раздел 5

- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 119. – Д. 43. – Ед. хр. 7. – Л. 1–6об.
- Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 476. – Л. 25–28, 190–205.
- Архивное дело. – 1932. – № 30–31.
- Архивное дело. – 1933. – № 32–33.
- Историк-марксист. – 1931. – Т. 2.
- Малая советская энциклопедия: В 10 т. – М., 1928–1931. – Т. 3.
- Московский ордена «Знак почета» государственный историко-архивный институт (1930–1980). Сборник документов и материалов. – Пермь, 1984. Документы: 1, 2, 3, 5, 6, 16, 17, 18, 24, 36, 42, 51, 52, 62, 70.
- Андерсон, П.* Размышления о западном марксизме. – М., 1991.
- Буравой, М., Райт, Э. О.* Руководство по социологической теории / Под ред. Дж. Тернера / Пер. на рус. язык Соколовой Г.Н. – Нью-Йорк, 2002. – Стр. 22.
- Вьшеславцев, Б. П.* Сочинения / Сост. и прим. В.В. Сапов; вступ. ст. С.А. Левицкого. – М., 1995. – 461 с.
- Иванова, Л. В.* Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918–1922 гг. // История и историки. Историография истории СССР: Сб. статей. – М., 1965.
- Ойзерман, Т. И.* Оправдание ревизионизма. – М., 2005. – 688 с.

Романовский, Н. В. Ревизия ревизионизма // Социологические исследования. – 2006. – № 5.

Рослова, А. С. 25 лет работы Московского государственного историко-архивного института // Труды МГИАИ. – М., 1958. – Т. IX.

Сталин, И. В. Об основах ленинизма // Сталин И. Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М., 1939. – С. 1–77.

Сталин, И. В. О диалектическом и историческом материализме // Сталин И. Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М., 1939.

Сталин, И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии // Сталин И. Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М., 1939.

Раздел 6

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5680. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 5–8; Ф. 5760. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 4–7. – Д. 59. – Л. 69; Ф. 5765. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1–3, 24–28. – Оп. 2. – Д. 706. – Л. 113; Ф. 5781. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 2, 61; – Д. 4. – Л. 5; Ф. 5856. – Оп. 1. – Д. 539. Л. 17; Ф. 6094. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 29–30.

Вестник Русского национального комитета. – Париж, 1923. – № 7.

Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг.: Сб. документов. – М., 1995.

Студент (Прага). – 1922. – № 2. – С. 9–20.

Студенческие годы (Прага). – 1922. – № 1 (июнь).

Бервальд, Ф. Н. С. Тимашев как коллега // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965.

Голосенко, И. А. Питирим Сорокин: Судьба и труды. – Сыктывкар, 1991.

Гуль, Р. Я унес Россию. Т. II. Россия во Франции. – М., 2001.

Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945 гг. – Прага, 2008.

Иванов, А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М., 1994.

Зарубежная русская школа 1920–1924 гг. – Париж, 1924.

Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990.

Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971.

Костиков, П. Е. Не будем проклинать изгнание... – М., 1990.

На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965.

Нарбут, Н. П. Социологические взгляды Т.Г. Масарика. – М., 2003.

Новиков, М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. – Нью-Йорк, 1952.

Памяти профессора Тимашева Н.С. // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965.

Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Авт. коллектив: Е.И. Пивовар, Н.П. Герасимова и др. – М., 1994.

Русские в Праге. 1918–1928. – Прага, 1928.

Русские в Чехословакии. – Прага, 1929.

Совещание по борьбе с денационализацией, созванное педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – Прага, 1924.

Сорокин, П. А. Дальняя дорога. Автобиография. – М., 1992.

Сорокин П.А. о Н.С. Тимашеве // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965.

Фэйси, П. Н.С. Тимашев как учитель // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965.

Шойер, Дж. Социология Н.С. Тимашева // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почет. ред. проф. П.А. Сорокина, проф. Н.П. Полторацкого. – Нью-Йорк, 1965.

Раздел 7

Центр хранения современной документации (ЦХСД). – Ф. 4. – Оп. 20. – Д. 344. – Л. 62, 65–66, 67–68, 70–71, 73; Д. 441. – Л. 72–76; Ф. 5. – Оп. 59. – Д. 42. – Л. 1–4, 59–61, 86–111; Оп. 62. – Д. 67. – Л. 16–17; Оп. 60. – Д. 201. – Л. 7–10, 11; Оп. 89. – Д. 111. – Л. 31–36.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 64. – Д. 106. Л. 2, 3, 5–6, 7–8.

Московский ордена «Знак почета» государственный историко-архивный институт (1930–1980): Сборник документов и материалов. – Пермь, 1984. Документы: 93, 121, 134.

- Отчина. – 1990. – № 3.
- Социология и власть: Сборник 1: Документы. 1953–1968 / Под ред. Л.Н. Москвичева и др. – М., 1997.
- Социология в России XIX – начала XX в. Тексты (вып. 1) / Под ред. В.И. Добренькова. – М., 1997.
- Аитов, Н. А.* Предмет и структура социологической науки // Социологические исследования. – 1981. – № 1.
- Анализ социологической информации с применением ЭВМ / Отв. ред. В.И. Молчанов. – М., 1976.
- Блауберг, И. В., Юдин, Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. – М., 1973.
- Брежнев, Л. И.* Ленинским курсом. – М., 1973. – Т. 3.
- Васильева, М. А.* О характере законов научного коммунизма. – М., 1979.
- Водзинская, В. В.* Опрос как метод конкретного социологического исследования // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.
- Вопросы методики и техники социологических исследований. – М., 1975.
- Воробьев, Н. А.* Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования. – Барнаул, 1974.
- Глезерман, Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. – М., 1973.
- Глезерман, Г., Келле, Ж., Пилипенко, Н.* Исторический материализм – теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. – 1971. – № 4.
- Гончаров, В. П.* Законы научного коммунизма и их классификация. – М., 1979.
- Добреньков, В. И., Зборовский, Г. Е., Нечаев, В. Я.* Социологическое образование в России. – М., 2003. – С. 46.
- Докторов, Б. З.* О надежности измерения в социологическом исследовании. – Л., 1979.
- Дряхлов, Н. И., Князев, Б. В., Нечаев, В. Я.* Социологическое образование в СССР на современном этапе: опыт и проблемы становления // Современная высшая школа. – 1988. – № 3.
- Ельмеев, В. Я.* Научный коммунизм и специальные социологические теории // Вестник Московского университета. – Сер. «Теория научного коммунизма». – 1974. – № 1.
- Здравомыслов, А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. – М., 1969.

- Ильичев, Л. Ф.* О методологической функции исторического материализма // Вопросы философии. – 1977. – № 6.
- Ионов, К. К.* К вопросу о предмете научного коммунизма // Коммунист. – 1979. – № 16.
- Караваев, Г.* Исторический материализм – метод познания общественных явлений. – М., 1973.
- Кареев, Н. И.* Введение в изучение социологии. – 2-е изд. – СПб., 1907.
- Ковалев, А. М.* Еще раз о социологии марксизма и научном коммунизме // Философские науки. – 1967. – № 1.
- Ковалев, А. М.* Некоторые актуальные проблемы теории научного коммунизма. – М., 1979.
- Ковалев, А. М.* Исторический материализм и научный коммунизм // Исторический материализм как наука. – М., 1974.
- Козиков, И. А.* Метод научного коммунизма. – М., 1974.
- Козлов, А. Д.* Предмет и структура социологической науки // Социологические исследования. – 1981. – № 1.
- Козлов, Д. Ф.* Структура и функции социологической теории. – М., 1984.
- Константинов, Ф., Келле, Ж.* Исторический материализм – марксистская социология // Коммунист. – 1965. – № 1.
- Константинов, Ф. В.* Социология и идеология // Социология и идеология. – М., 1969.
- Контурсы социологического образования в вузе: Методическая разработка. – Новосибирск, 1989.
- Косичев, А. Д.* Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. – М., 1978.
- Князев, Б. В., Куфтырев, А. И.* Методологические основы предмета научного коммунизма. – М., 1971.
- Кривонос, Ю. Т., Здравомыслов, А. Г., Петров, М. П.* Труды В.И. Ленина – классический образец марксистского конкретного социологического исследования // Философские науки. – 1963. – № 2.
- Купцов, В. И.* Справка о состоянии подготовки социологических кадров в стране // Материалы по вопросам преподавания общественных наук. – М., 1990.
- Лапин, Н. И.* Роль конкретных социальных исследований в формировании марксизма // Маркс и социология. – М., 1968.
- Лармин, О. В.* Исторический материализм и социология // Исторический материализм как наука. – М., 1974.
- Левада, Ю. А.* Лекции по социологии; *Семенов Ю.Н.* Киноискусство и массовая аудитория. – М., 2008. – 386 с.

- Лекции по методике конкретных социальных исследований. – М., 1972.
- Ляпунов, А. А. В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы // Системные исследования. – М., 1972.
- Макаров, А. С., Смольков, В. Г. Опыт конкретного социологического анализа массовых форм идеологической работы // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.
- Махеева, П. Г. Конкретные социологические исследования партийной пропаганды // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.
- Математические методы в социологических исследованиях. – М., 1981.
- Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. – М., 1968.
- Методологические проблемы социологических исследований. – М., 1979.
- Михайлов, С. Эмпирическое социологическое исследование. – М., 1975.
- Осипов, Г. В. Возрождение социологии в России (как это было на самом деле) // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 16.
- Осипов, Г. В. Время, исследуемое на все времена / Предисл. к кн.: Левада, Ю. А. Лекции по социологии; Семенов Ю.Н. Киноискусство и массовая аудитория. – М., 2008.
- Осипов, Г. В., Андреев, Э. Н. Методы измерения в социологии. – М., 1977.
- Осипов, Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. – М., 1979.
- Осипов, Г. В. Предмет и структура социологической науки // Социологические исследования. – 1981. – № 1.
- Основы марксистско-ленинской социологии / Под ред. Г.В. Осипова. – М., 1980.
- Плетников, Ю. К. Предмет и структура социологической науки // Социологические исследования. – 1981. – № 1.
- Проблемы становления социологии образования и воспитания в условиях перестройки высшей школы: Материалы конференции // Вестник Московского университета. – Сер. 12 «Теория научного коммунизма». – 1988. – № 5.
- Процесс социального исследования. – М., 1975.
- Рабочая книга социолога. – М., 1976.
- Рачков, П. А. Место специальных социологических теорий в общественности // О структуре марксистской социологической теории (Материалы дискуссии). – М., 1970.
- Римашевская, Н. М. Метод моментных наблюдений в конкретных социологических исследованиях // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.

- Рогожин, В. П. Введение в марксистскую социологию. – М., 1962.
- Румянцев, А. М., Осипов, Г. В. Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. – 1968. – № 6.
- Рыбкина, Р. В., Винокур, А. В. Социальный эксперимент. – Новосибирск, 1968.
- Саганенко, Г. И. Социологическая информация. – Л., 1979.
- Свенцицкий, А. Л. Метод интервью в конкретных социологических исследованиях // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.
- Слепенков, И. М. Методологические принципы и методика конкретно-социологического исследования. – М., 1974.
- Слепенков, И. М. Научный коммунизм и конкретные социологические исследования (Методологические и методические вопросы). – М., 1984.
- Смирнов, В. А. Проведение конкретных социологических исследований в Горьковской городской партийной организации // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.
- Сызранцев, В. Т. О конкретных социологических исследованиях в партийно-идеологической работе (на материалах исследований, проведенных в Узбекской ССР) // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.
- Сорокин, П. Дальняя дорога. Автобиография. – М., 1992.
- Социология в СССР: В 2 т. – М., 1966.
- Социология и современность. – Т. 1–2. – М., 1977.
- Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи // Коммунист. – 1980. – № 13.
- Социология образования: Всесоюзная научно-методическая конференция: Тезисы докладов. – Л., 1990.
- Табунов, Н. Д. Методы и социальные функции научного коммунизма // Научный коммунизм. – 1975. – № 3.
- Тадевосян, Э. В. Научный коммунизм – социально-политическая теория марксизма. – М., 1977.
- Тайбинский, С. Т. Конкретные социологические исследования в татарской партийной организации // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.
- Тер-Вартанов, Э. Р. Формирование содержания и определения научного коммунизма. – Ереван, 1974.
- Тощенко, Ж. Т. Региональные социологические центры 1960–1970-х годов // Социологические исследования. – 2008. – № 6.
- Трубицин, О. Н. Методологические проблемы научного коммунизма // Вопросы философии. – 1971. – № 8.

Угринович, Д. М. О структуре марксистской социологической теории // О структуре марксистской социологической теории. – М., 1970.

Федосеев, П. Н. Развитие социологических исследований в СССР // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.

Федосеев, П. Н. Повышать теоретический уровень и практическую эффективность общественных наук // Социологические исследования. – 1981. – № 3.

Хаблюк, В. П. Использование конкретных социологических исследований в партийной пропаганде (из опыта работы Краснодарской краевой партийной организации) // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. – М., 1968.

Харчев, А. Г. Предмет и структура социологической науки // Социологические исследования. – 1981. – № 2.

Цыба, В. Т. Математико-статистические основы социологических исследований. – М., 1981.

Человек как объект социологического исследования / Ред. Л.И. Спиридонов. – Л., 1977.

Чесноков, Д. И. Исторический материализм и социальные исследования. – М., 1967.

Чесноков, Д. И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. – М., 1973.

Ядов, В. А. К вопросу о марксистской социологии как науке // Философские науки. – 1968. – № 2.

Ядов, В. А. Социологические исследования. – М., 1972.

Ядов, В. А. Социологическое исследование. Методология. Программы. Методы. – М., 1973.

Раздел 8

Государственный образовательный стандарт (федеральный компонент) по дисциплине «Социология». – М., 1993.

О перестройке системы подготовки и использования кадров преподавателей общественно-политических дисциплин высших учебных заведений / Решение Коллегии Госкомитета СССР по народному образованию № 5/2 от 30.03.1990 // Материалы по вопросам преподавания общественных наук. – М., 1990. – С. 51–58.

Приказ Госкомитета СССР по народному образованию № 685 от 22 августа 1989 г. «О перестройке преподавания общественных наук в высших учебных заведениях страны» // Материалы по вопросам преподавания общественных наук. – М., 1990. – С. 46–47.

Программы дисциплин учебного плана 020300 – Социология: Для высших учебных заведений. Предисловие. – М., 1997.

Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1996. – 560 с.

Западноевропейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1996. – 352 с.

Западноевропейская социология XIX – начала XX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1996. – 520 с.

Социология в России XIX – начала XX века (вып. 1) / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1997. – 496 с.

Социология в России XIX – начала XX века (вып. 2) / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1997. – 672 с.

Социология в России XIX – начала XX века (вып. 3) / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 2001. – 599 с.

Авцинова, Г. И., Борискин, А. Н. Социология. – Воронеж, 1994.

Азбука социологии: Учеб. пособие / Под ред. Г.В. Дьяльнова. – Саратов, 1998.

Актуальные вопросы теории и практики в социологии: Материалы Всес. науч.-практ. конф. Май 1991. – М., 1991.

Альбом схем по социологии и политологии / Отв. ред. А.А. Беляев. – М., 1999.

Андреев, С. С. Общая социология: Курс лекций: В 2 ч. – М., 1997.

Антология русской классической социологии / Под ред. Д.С. Клементьева, Л.Н. Панковой. – М., 1995. – 240 с.

Артеменков, А. А., Рябов, В. В. Социология: Учеб. пособие: В 2 ч. – Мурманск, 1994.

Айдосов, А. Х. Какая учебная программа нам нужна? // Социологические исследования. – 1993. – № 2.

Батыгин, Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. – М., 1995.

Баразгова, Е. С. Американская социология: традиция и современность: Курс лекций. – Екатеринбург, 1997.

Баразгова, Е. С. Нетрадиционная социология в России? // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 121.

Барыгин, И. Н., Василик, М. А., Казаринова, Н. В. Практикум по социологии. – СПб., 1997.

Белановский, С. А. Метод фокус-групп. – М., 1996.

Бельский, В. Ю., Беляев, А. А., Лошаков, Д. Г. Основы социологии: Лекции. – М., 1999.

- Беляев, В. А., Филатов, А. Н. Социология: Учебный курс. – Казань, 1998.
- Буланова, М. Б. Программа курса «Социология». – М., 1994. – 10 с.
- Бурганов, А. Х. Россия перед выбором. Восток? Запад? «Особый путь». – Казань, 1995.
- Бурганов, А. Х. Философия собственности. – Самара, 1996.
- Бурганов, А. Х. Откуда и куда идешь, Россия? – М., 1996.
- Бурганов, А. Х. Философия и социология собственности: российские реалии. – М., 2000. – 177 с.
- Верховин, В. И. Экономическая социология. – М., 1998.
- Волков, Ю. Г., Нечипуренко, В. Н., Самыгин, С. И. Социология: история и современность. – Ростов н/Д, 1999.
- Волков, Ю. Г., Мостовая, И. В. Социология в вопросах и ответах: Учеб. пособие. – М., 1999.
- Голосенко, И. А., Козловский, В. В. История русской социологии XIX – начала XX в. – М., 1995.
- Голубева, Г. А., Дмитриев, А. В. Социология: Учеб. пособие. – М., 1999. – 304 с.
- Гофман, А. Б. Семь лекций по истории социологии. – М., 1997.
- Громов, И. А., Воронцов, А. В., Мацкевич, А. Ю. Социология XIX – начала XX в.: Учеб. пособие. – СПб., 1997.
- Громов, И. А., Мацкевич, А. Ю., Семенов, В. А. Западная теоретическая социология. – СПб., 1996.
- Добреньков, В. И., Зборовский, Г. Е., Нечаев, В. Я. Социологическое образование в России. – М., 2003.
- Дунаева, Е. А. Социология. Методические указания. – Тобольск, 1999. – 31 с.
- Дьяльнов, Г. В. Общая социология. Систематический курс. – Саратов, 1996.
- Емельянов, В. В. Гуманитаризация высшего технического образования глазами студентов // Социологические исследования. – 1990. – № 5.
- Железнякова, С. И. Социологическое образование в педагогическом вузе: проблемы, перспективы // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Т. 1. – Пермь, 2000.
- Зборовский, Г. Е. – Общая социология. – Екатеринбург, 1997, 1999.
- Зборовский, Г. Е. Социология в вузе: первые шаги // Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С. 31–42.
- Ионин, Л. Г. Социология культуры. – М., 1996, 1998.
- История социологии в России. – Барнаул, 1991.
- Кареев, Н. И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1897.

- Козлов, А. С. Социология: Тексты лекций. – М., 1999.
- Комаров, В. С. Введение в социологию: Учебник для вузов. – М., 1994.
- Конецкая, В. П. Социология коммуникаций. – М., 1997.
- Кравченко, С. А. Социология: парадигмы и теории: Курс лекций для вузов. – М., 1997.
- Кравченко, А. И. Основы социологии: Учеб. пособие для студентов средних специальных учебных заведений. – М., 1997. – 368 с.
- Кравченко, А. И. Социология: Хрестоматия для студентов вузов. – М., 1997, 1998.
- Кравченко, А. И. Социология: Словарь. – М., 1997.
- Кудрявцев, В. Н., Казимирчук, В. П. Современная социология права. – М., 1995.
- Кукушкина, Е. И. Русская социология XIX – начала XX века. – М., 1993.
- Кукушкина, Е. И. Социологическое образование в России XIX – начала XX века. – М., 1994. – 80 с.
- Култыгин, В. П. История русской социологии: Лекции по истории социологии. – М., 1994.
- Лагутин, В. Д. Социология в педвузе // Социологические исследования. – 1993. – № 2. – С. 74–76.
- Ломоносовские чтения: социальные проблемы современного общества. Материалы ежегод. науч. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова. Апрель 1999. – М., 1999.
- Маркович, Д. Общая социология: Пер. с серб.-хорв. – Ростов н/Д, 1993. – 272 с.
- Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования: Материалы межд. науч. конф. Июль 1996. – СПб., 1997.
- Осипов, А. М. Социология в вузе: общее или особенное? // Социологические исследования. – 1993. – № 2. – С. 68–74.
- Основы социологии: Курс лекций / Отв. ред. А.Г. Эфендиев. – М., 1995.
- Основы политической социологии / Под ред. чл.-кор. РАН Ж.Т. Тощенко. – М., 1998.
- Практикум по социологии: Учеб. пособие / Ред. И.М. Слепенков и др. – М., 1992.
- Пригожин, А. И. Современная социология организаций. – М., 1995.
- Радугин, А. А., Радугин, К. А. Социология: Курс лекций. – Воронеж, 1994, 1995, 1997.
- Руденко, Р. И. Практикум по социологии: Учеб. пособие для вузов. – М., 1999. – 447 с.

- Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – М., 1999.
- Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность: Материалы симпозиума. Март 1994. – М., 1994.
- Слюсарянский, М. А. Социологические исследования кафедры и лаборатории социологии ПГТУ в 90-е годы // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Т. 1. – Пермь, 2000. – С. 5–11.
- Смелзер, Н. Социология: Пер. с англ. – М., 1994. – 688 с.
- Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю.Н. Давыдов. – М., 1993.
- Социология: Курс лекций / Под ред. А.В. Миронова и др. – М., 1996. – 256 с.
- Социология: Практикум / Сост. и отв. ред. А.В. Миронов, Р.И. Руденко. – М., 1993. – 240 с.
- Социология: Хрестоматия. – М., 1993.
- Социология: Хрестоматия / Сост. Р.А. Разин. – Ижевск, 1995.
- Социология / Под общей ред. Э.В. Тадевосяна. – М., 1995. – 272 с.
- Социология: общий курс. – М., 1994.
- Социология: Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов. – М., 1995.
- Социология: Хрестоматия / Авт.-сост. О.Н. Козлова, Э.И. Комарова, В.В. Панферова. – М., 1993. – 256 с.
- Социология и власть (как это было на самом деле) / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. – М., 2008. – С. 403.
- Субочев, Н. С., Субочева, О. Н. Социология в вузе: два подхода к разработке учебной программы // Социологические исследования. – 1992. – № 8. – С. 47–52.
- Тощенко, Ж. Социология: Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1998. – С. 6–89.
- Тощенко, Ж. Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. – 2000. – № 2.
- Фролов, С. С. Социология. – М., 1994, 1997, 1998.
- Харчева, В. Г. Основы социологии: Учебник для средних специальных учебных заведений. – М., 1997. – 304 с.
- Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – М., 1995.

Раздел 9

- Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 521200 «Социология». Степень (квалификация) – бакалавр социологии. – М., 2000.
- Требования (федеральный компонент) к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра и дипломированного специалиста по циклу «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины» в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования второго поколения. – М., 2000.
- Буланова, М. Б. Новые информационные технологии в социологическом образовании // Социологические исследования. – 2010. – № 5.
- Головин, Н. А., Завьялов, В. В. Введение в преподавание социологии с использованием новых информационных технологий: Учеб. пособие и хрестоматия. – СПб., 2006.
- Голубева, Г. А., Дмитриев, А. В. Социология: Учеб. пособие для вузов. – М., 2004. – 224 с.
- Григорьев, С. И., Растов, Ю. Е. Основы современной социологии: Учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов и факультетов. – М., 2002. – 256 с.
- Добреньков, В. И. Качество социологического образования в современной России: вызовы времени и пути дальнейшего развития // Социологическое образование в России. – 2007. – № 1.
- Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. Социология: Учебник. – М., 2001, 2002.
- Инновации в социологическом образовании. Опыт факультета социологии ГУ-ВШЭ. – М., 2008. – 132 с.
- Кардина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М., 2000.
- Качанов, Ю. Социология социологии: антитезисы. – М., 2001.
- Кижжеватова, В. А. Этика социолога-исследователя и консультанта: Учеб. пособие. – Ульяновск, 2005. – 124 с.
- Клюгарев, Г., Огарев, Е. Непрерывное образование в условиях трансформации. – М., 2002.
- Ковалева, А. И. Личность и общество: Учеб. пособие. – М., 2001. – 104 с.
- Ковалева, А. И., Реут, М. Н. Социализация неслышащей молодежи. – М., 2001.
- Козлова, О. Н. Социология: Учеб. пособие. – М., 2004. – 320 с.

Литература

- Козырев, Г. И. Социология: Учеб. пособие. – М., 2010. – 320 с.
- Колесников, А., Привалов, А. Новая русская идеология: хроника политических мифов: 1999–2000. – М., 2001.
- Кравченко, А. И. Социология: Учебник. – М., 2001, 2002, 2003.
- Кукушкина, Е. И. История социологии: Учебник. – М., 2009. – 486 с.
- Культыгин, В. П. Современные зарубежные социологические концепции: Учебник. – М., 2000.
- Нарбут, Н. П., Подвойский, Д. Г., Пузанова, Ж. В., Цык, В. А. Опыт применения принципов Болонского процесса в социологическом образовании // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 129–139.
- Осадчая, Г. И. Заметки о социологическом образовании в России: рефлексия новых требований общества // Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 102–107.
- Осипов, Г. В. Социология. 2-е изд. – М., 2008. – 384 с.
- Осипов, А. М. Социология образования: Очерки теории. – Ростов н/Д, 2006. – 504 с.
- Панина, Г. В. Образование как технологический ресурс общества высоких технологий // Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое. – М., 2008. – С. 256–258.
- Покровский, Н. Е. Преподавание социологии в эпоху кризиса гуманитарного знания // Инновации в социологическом образовании: Опыт факультета социологии ГУ-ВШЭ. – М., 2008. – С. 23–34.
- Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. – М., 2004. – 456 с.
- Сорокина, Н. Д. Образование в современном мире. Социологический анализ. – М., 2004. – 224 с.
- Социология: Программа курса / Сост. Ж.Т. Тощенко, И.Ю. Макеев, В.Ф. Левичева, М.Б. Буланова. – М.: РГГУ, 2000. – 20 с.
- Социология: Учебник / Отв. ред. П.Д. Павленок. – М., 2001, 2002.
- Социология: Основы общей теории: Учеб. пособие / Под общ. ред. А.Ю. Мягкова. – М., 2003. – 256 с.
- Социология и общество: Тезисы докладов первого Всероссийского социологического конгресса. – СПб., 2000.
- Сусоколов, А. А. Некоторые проблемы внедрения принципов Болонской конвенции (по материалам исследования «Мониторинг участия российских вузов в Болонском процессе») // Инновации в социологическом образовании. Опыт факультета социологии ГУ-ВШЭ. – М., 2008. – С. 87–106.
- Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М., 2009. – 487 с.

Литература

- Тезисы докладов и выступлений на втором Всероссийском социологическом конгрессе. – М., 2003. – С. 490–524.
- Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России». – М., 2006.
- Тощенко, Ж. Т. Социология: Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1998.
- Тощенко, Ж. Т. Социология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – 640 с.
- Тощенко, Ж. Т. Социология труда: опыт нового прочтения. – М., 2005.
- Тощенко, Ж. Т. Чему учить социолога и с чего начинать // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 54–61.
- Учебная программа по дисциплине «Социология» для студентов всех специальностей / Сост. С.С. Фролов. – М.: ГУУ, 2000. – 17 с.
- Филатова, О. Г. Социология: Учебник. – СПб., 2002.
- Фирсов, Б. М. История советской социологии. 1950–1980 гг.: Курс лекций. – СПб., 2001.
- Фролов, С. С. Социология: Учебник для вузов. – М., 1999.
- Шаленко, В. Н. Социология: Учебник для вузов. – М., 2003.

CONTENTS

Introduction. The conceptual analysis of the history of sociological education in Russia	7
Part 1. Sociological enlightenment as the precursor of sociological education	
1.1. The first steps of sociological enlightenment	15
1.2. Theoretical models of sociological enlightenment	26
1.3. Testing enlightenment models in the work of the Higher Russian School of Social Sciences in Paris	37
Part 2. Sociological education in the early 20th century	
2.1. The overview of the social reality in the early 20 th century	49
2.2. The Positivist model of sociological education	56
2.3. Testing sociological education at the first department of sociology of the V. M. Bekhterev Institute of Psychoneurology	62
Part 3. Sociological education in the first years of Soviet Russia	
3.1. The beginnings of systemic sociological education in Russia	78
3.2. The Neo-positivist model of sociological education	81
3.3. The implementation of the model at the faculties of social sciences at Russian universities	95
Part 4. The evolution of sociological education from Positivism to Marxism	
4.1. Soviet reality of the early 1920s.	118
4.2. The Marxist model of sociological education	120
4.3. The activities of university departments of social sciences: the search for an optimal model	135
Part 5. The latent development of sociological education during building Socialism	
5.1. The Soviet reality of the early 1930s.	147
5.2. The adaptation of the Marxist model of sociological education	150
5.3. The implementation of the Marxist model at the Soviet higher education institutions	160
Part 6. Sociological education in Russia Abroad	
6.1. The social reality of Russia Abroad	166
6.2. The Russian model of sociological education	173
6.3. The implementation of the Russian model at European and American universities	181
Part 7. The institutionalisation of sociological education in Soviet Russia	
7.1. The causes and sources of the revival of sociology	195
7.2. The modernisation of the Marxist model of sociological education	198
7.3. The implementation of the model at Russian universities	208
Part 8. Sociological education in post-soviet Russia	
8.1. The social reality: the challenges of perestroika	220
8.2. The search for new models of sociological education	223
8.3. The first attempt of testing the models at Russian higher education institutions	238
Part 9. The current state of sociological education	
9.1. The Russian reality of the early 21 st century	251
9.2. The modernisation of the models of sociological education	253
9.3. The implementation of models at higher education institutions	265
Conclusion. The prospects of sociological education in Russia in the 21st century	277
Bibliography	283